

Как стать контрабандистом

А. Ант

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арест Ант

Как стать контрабандистом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22821392

SelfPub; 2021

Аннотация

Все основано на реальных событиях и официальных документах. Любые совпадения в мотивации и поведении основных фигурантов этого дела вполне вписываются в рамки печально знаменитой статьи 29-2 УК Республики Финляндии.

Содержит почти нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

331

Арест Ант

Как стать контрабандистом

В тексте и оформлении обложки использованы фотографии из личного архива.

Некоторая общая информация взята из открытых источников, включая: <https://www.poliisi.fi>, <https://www.hs.fi>, <https://tulli.fi>

КАК СТАТЬ КОНТРАБАНДИСТОМ

Nolite judicare et non judicabimini
Не судите, да не судимы будете

АРЕСТ

Пасмурное и очень позднее утро 5 ноября 2008 года началось ничем не бестолковее обычного. День изначально планировался пустым, хотя к вечеру мне и потребуются некоторые усилия, чтобы собрать дорожную сумку для поездки в Питер. Но это быстро.

Ровно в 9:00, не просыпаясь и не открывая глаз, я нащупал телефон и привычно выключил противно пикающий будильник. Вставать и вылезать из-под тёплого одеяла решительно не хотелось. Повернувшись на другой бок, я постарался ухватиться за ускользающее удовольствие прерванного сна.

– Oh my! Oh my! Wake up! Wake up! You are late! Hurry! Hurry!¹ – дребезжащий механический голос заставил меня подскочить и тупо уставиться на прикроватную тумбочку. Там, рядом с ночником, истошно орал восьмидюймовый Чарли Чаплин с циферблатом на брюхе.

– Ну ты и гнида! – вырвалось у меня, пока я ошалело крутил его, вспоминая как эту мерзость выключить. Этот детский будильник годами валялся в кладовке. Но вчера я на него случайно наткнулся и весьма опрометчиво отважился показать домочадцам откуда должны расти мудрые мужские руки. Вот и расплата за потраченные новые батарейки. –

¹ Вставай! Вставай! Ты опоздал! Торопись! Торопись!

Эфебоид² неблагодарный, понятно почему от тебя дети отделились. – наконец, ткнув в кнопку на котелке ухмыляющегося мерзавца, я наконец заставил его замолкнуть. Господи, только ещё без пяти полдень!

Нет, я не лентяй – просто пассивный оптимизатор. Лучше переспать день, чтобы не мучаться ночью.

Позёвывая и почёсывая место, нагло лишённого радости финала сновидений, я пополз на утренний моцион³.

– Твою же мать, – с чувством вырвалось у меня, когда я обнаружил, что унитаз категорически не собирается смывать содеянное. Потребовалось несколько нажатий на тугую спусковую клавишу, чтобы со всей очевидностью вспомнить об объявлении, которое уже месяц косо висит на стеклянной двери в подъезде нашего дома. Прямо как сейчас вижу, как неделю назад там отклеился один стикер, но ни одна зараза и не подумала это безобразие исправить. Я все последние дни наблюдал за такой вопиющей безалаберностью.

И почему я никак не привыкну к постоянным изменениям?

Наш предприимчивый и вездесущий управдом, носящий здесь гордое звание *talonmies*, предусмотрительно, как и обещал, ещё с ночи всю воду в доме отключил, во избежание по-

² Эфебофилия – половое влечение (либидо) взрослых людей к лицам подросткового и юношеского возраста. Биограф Чаплина Джойс Милтон утверждал, что отношения Чаплина с совсем молоденькими девушками стали основой романа Набокова «Лолита».

³ В туалете человек проводит суммарно около пяти лет своей жизни.

следствий от соблазнов несознательных жильцов. А вот тут я у него на счету далеко не последний.

Точно, сегодня до обеда должны были проявиться очередные особо въедливые *менеджеры по унитазам* и что-то там своё планово проверять. Как результат таких вдумчивых расследований, уже со следующего месяца можно ожидать очередную стаю счетов на исправление выявленных ими своих же недостатков. А у нас в квартире два туалета!

Я не против проверок и иногда даже теоретически приветствую. Идея грамотная, только вот раздражает, что исполнителями работ обязательно выступают те же самые компании, чьи «независимые» эксперты так удачно выявили угрозы, якобы потенциально наносимые жильцами самому существованию нашего беззащитного дома. Тут одной удачи мало, тут особый талант просматривается.

За последние несколько лет мы уже пережили обязательный плановый ремонт крыши, затем полную замену утеплителей стен, сделанную вечно матюгающимися эстонскими шабашниками. Затем последовала очередь унитазов и кранов. А совсем недавно установили сверхсовременные окна, одобренные зелёными экологами. И сразу за этим, явно ликвидируя какие-то складские излишки, заменили все дверные замки. Наверно, чтобы завистливые гости такую красоту не спёрли.

Наше коллективное мнение о реальной необходимости ведения работ с таким размахом в расчёт ни разу не прини-

малось. Зато все самостоятельно привнесённые жильцами буржуазные излишества, типа спутниковых антенн, цветных стёкол на балконах и прочие отклонения, признаются либо как портящие фасад дома, либо не соответствующие куче регламентов обустройства внешних и внутренних помещений. Они моментально пресекаются на корню с неизбежными последующими штрафами.

Единообразие обязательности у нас выдерживается строго и неукоснительно. Раз поступило очередное мудрое решение неизвестно откуда, то точка. Выполняют и не поморщатся. А если нет денег на очередную управдомовскую блажь, значит, бери очередной банковский кредит или срочно меняй жильё. Выбор вполне достаточный. А если кому не нравится, то как советовал незабвенный тов. Остап Бендер: «Обратитесь во Всемирную лигу сексуальных реформ». Там уж точно подскажут что и куда.

Зато я нашёл единственный неоспоримый плюс. Соседям-жильцам уже давно не требуется объяснять, что лифт, пока оставленный без внимания, и так наш. К нему не надо привлекать интерес посторонних разными мародёрствами с художествами. Так что даже *менеджерам по лифтам* пока не удалось с наскока впихнуть невпихуемое. А если вдруг задумают, то эта замена будет для меня последней каплей.

Я ещё раз хмуро посмотрел на закрытую крышку унитаза. Мои ранние семейные пташки быстренько использовали всю доступную воду и тихо смылись. Для меня, даже с позд-

него утра сонного и раздражительного, это стало коварным ударом. Негромко напевая: «Нас утро встречает раз вздетым...», я понял, что наступила суровая побудительная причина срочно слинять из дома. Чтобы потом к вечеру тихонько вернуться и смыть неосторожно оставленные непристойности. Все ключи у *talonmies* есть, так что тут никаких проблем не ожидается. Его ищейки без помех к унитазам проскользнут и пусть себе замеры берут. Правда будут неприятности в виде некоторой излишней пахучести. Но это их профессиональные трудности. Ребята привычные и стойкие. Это я потом перед *talonmies* буду стыдливо краснеть и даже пошаркую ножкой. Нам плевать, не привыкать. Да и английский он знает через пень-колоду.

Чтобы сохранить последнюю каплю самоуважения и превратить постыдное бегство в победное отступление, предстояло срочно замутив *квазиважную* встречу с каким-нибудь таким же деятельным бездельником. Но только в проветриваемом публичном месте с прямым доступом к местам общего пользования. Тут как раз одна такая забегаловка очень удачно расположена со мной – по соседству в крупном торговом центре *Muurmänni* с гордым финно-английским названием *Ravintola «Red onion»*, которая мною давно была вполне обоснованно переименована из ресторана «Красный лук» в *трактирь «Горе луковое»*⁴. Это такое причудливое смешение бара, ресторана, танцплощадки и зала игровых автома-

⁴ www.redonion.fi

тов. Расслабляющегося народу там днём всегда мало. Главное достоинство, что здесь имеется прекрасно оборудованная и, что самое главное, довольно большая курилка⁵ с мощной вытяжкой и нормальным людям, чтобы не задохнуться, не приходится выползать на улицу, где под суровыми взглядами прохожих надо стыдливо и сиротливо жаться к грязным стенам.

Минусом, и весьма существенным, было то, что, как и почти у всех подобных заведений, расположенных рядом со станциями местных железных дорог, здесь наличествовала просто неистребимая, даже скажу, маниакальная страсть до самого обеда сбегивать ранним жаждущим пташкам подкисшее пиво. Проверено долгими экспериментами. Практичные финны явно с большим пониманием отнеслись к знаменитому «экономично-экономному» совету нашего многозвёздного Бровеносца.⁶ Дурной пример он как всегда заразителен и не признаёт границ и идейных противоречий. Тут даже не надо заумно тянуть его кустистые брови на лоб. Жаль, но не прокатит наша высшая математика студенческих лет, вводящая в ступор продавщиц пивных баров, когда мы тыкали в табличку на прилавке и громко возмущались: «А вот тут чётко указано «Требуйте долива пены после отстоя пи-

⁵ Это вам не обычные пенальные газовые камеры. Рекомендую перенимать опыт.

⁶ «Экономика должна быть экономной – таково требование времени» – политическим лозунг, прозвучавший на XXVI съезде КПСС в отчетном докладе Л. И. Брежнева.

ва»⁷. Тут всё гораздо провинциальнее и прозаичнее.

Оставался выбор за вечно доступным собеседником. Хотя тут и думать особо не надо. Он сразу пал на *Herra Sami Repo*. То бишь господина Сами по фамилии Репо. Это однозначно и всяко пустая трата времени, но под формулировку *мелкий деловой тусняк* вполне проходит. И моя совесть будет спокойна, и своевременная очистка организма обеспечена.

Полный баланс внутреннего и внешнего равновесия – мой личный кришнаитизм в действии.

Господин Репо, как и ожидалось, чрезвычайно бурно и охотно откликнулся на моё предложение встретиться и пообещал скоро быть. Оставалось только ждать и заранее морально готовиться. Я взял первую пробную кружечку пивка, полюбовался на стойкую пену, грустно оценил слегкаступающий рыбный душок и вздохнул. А ведь сколько раз предупреждала моя незабвенная бабуля: «С утра не бери в рот грязного, а в голову дурного». Ждать непутёвого финна придётся долго, но хоть со всеми удобствами. Сделав первый оценивающий глоток, я стал меланхолично рассматривать ранних посетителей.

Репка, как обычно явившись с большим опозданием, выглядел немного помятым и довольно бледным. Под мышкой у него была зажата чуть ли не метровой толщины пачка подозрительных бумажек и ярких буклетов, которые он с ходу

⁷ Стандартная табличка официально гласила: «Требуется долива после отстоя пены».

суетливо стал мне подсовывать. Я вяло отпихивался, но всё же пришлось принять и сложить на свой край стола.

Был Репка первые полчаса вполне объяснимо косноязычен и невнятен, но, усвоенные в России навыки по экспесс-опохмелу, помогли ему быстро войти в норму. Оклемавшись, он стал привычно громко и напористо вещать о простоте и гениальности его очередной затеи. Суть его нового грандиозного проекта была проста и элегантна как воздушный шар из чугуна, но с продвинутым навигатором. Дабы не затерялся в нашем вакууме.

Он был в далёких родственных отношениях с только что назначенным директором какой-то богом забытой датской компании, где распилили общие деньги Евросоюза и установили новые производственные линии по выпуску элитной бытовой техники довольно широкого ассортимента. При личной встрече эта пара собутыльников, явно далеко не за первой рюмкой чая, быстро зауважали друг друга, но тут Репка возбудился и увлёк отсталого родственничка небывалыми перспективами и безграничными возможностями российского потребительского рынка. Правда, с присущей ему скромностью, умолчал, что надо будет этак слегка потеснить засевавший там намертво китайский и прочий азиатский дешёвый ширпотреб. Но он напирал на то, что можно обойтись без особых финансовых вливаний в раскрутку, если задёшево привлечь какого-нибудь туповатого, но шустрого русско-

го,⁸ имеющего небольшой налёт европейской цивилизованности.

От нечего делать я довольно долго и терпеливо, ну прямо-таки стоически, даже где-то уже по-спартански терпел, выслушивая описания невероятных чудес предлагаемой техники. Даже безропотно смотрел каталоги и чрезвычайно редко вставлял свои комментарии. У Репки безусловно был талант коммивояжера, который раз за разом пытается втюхать незаменимый набор пластиковых контейнеров для микроволновки кондовому русскому селянину, который всё ещё нагло и недемократично пользуется в своей землянке дурацкой печью на дешёвых дровах в период буйного расцвета мирового научно-технического прогресса.

Слегка затомившись, я переключился на обдумывание такого малоиспользуемого в последнее время понятия, как коммивояжер. И вдруг подумал, что французское *commis voyageur* как раз созвучно и очень точно описывает ситуацию, в которую меня так жаждет сейчас втравить Репка. Если я с этим проектом появлюсь в Питере, то буду точно выглядеть как *комик с вояжем*. Не в бровь, а в глаз. *Сегодня и только раз на вашей арене проездом*. Типа, господа колхозники, учёные уже точно доказали экспериментами, что на безрыбье и кулак – сговорчивая блондинка. Особенно, если учесть, что Репка (ну совершенно невинно, конечно) забыл

⁸ Ну что тут с него возьмёшь? Клоун он и в Финляндии *klovní*. И там тоже слово ругательное.

убрать из своей калькуляции местный НДС к которой ещё и налепил свой жирный процент. И получится на выходе домашний холодильник по цене промышленного рефрижератора. Мечтатель, однако. Меньше бы слушал разных анекдотов про новых русских.

К исходу третьего часа Репкиного монолога у меня уже определённо разболелась голова, а от этого просто *скоффского* пива во рту устоялся вкус мыла, выдержанного в рыбьих потрохах. И потихоньку начинался такой отстойный мутильник, что даже селезёнка ненавязчиво запросила о пощаде. Что бы отвлечься, да и просто из врождённой вредности, я *алаверды* рассказал Репке пару коротких, но нравоучительных баек об исторических судьбах людей, слишком азартно работавших с Россией. И самое удивительное, что эти индивидуумы были счастливыми обладателями паспортов Российской Империи. Первая байка была посвящена большому другу всего советского народа – миллиардеру Armand Hammer, сыну одесских евреев, но с пролетарским погонялом Арманд (вроде как от Arm and Hammer – серп и молоток), а вторая – шведскому финну (или финскому шведу?) из семьи российских эмигрантов с длиннющим именем Arvo Gustav Halberg, который взял себе, как он сам считал, истинно американское имя Gus Hall, так и вошедший в историю коммунистического движения как Mr. Ass Hole (мистер Дырка-От-Задницы)⁹.

⁹ Природная наглость и босяцкая смекалка помогли заамериканевшему одес-

В ответ Репка рассказал достаточно забавную историю,

ситу Лёвке Кохану предстать перед товарищем Лениным под революционным именем Arin and Hammer или Armand Hammer, что он гордо переводил исключительно как Серп-и-Молот. Хотя, на мой взгляд, он что-то тут напутал и должен был бы для этого зваться Сикланд Хаммер от Sickle and Hammer (точнее Hammer and Sickle). Но видно Лёвка с детства запомнил обидное прозвище «ссы-кун» и не рискнул глупо подставляться под обычное российское коверкание иностранных слов. У вождя мирового пролетариата он нагло урвал официальную бумагу, предписывавшую всем должностным лицам Советской России «оказывать товарищу Хаммеру всяческую помощь и содействие». И так развернулся, что всякие там киношные 007 могут убится от зависти из своих табельных Beretta или Walther. Начал он с вывоза и утилизации на Западе «буржуйского хлама» из Зимнего дворца в Петрограде. А потом стал шарить и по менее доходным местам. Не гнушался и прочей ненужной натурой – мехами, икрой, ширпотребом из драгметаллов. Но больше всего любил антиквариат и мировые произведения искусства. И понеслось. 70 лет Лёвка окучивал советских лидеров. Всех обаял, кроме Сталина и Андропова. Был своим человеком в Госплане и Совмине, даже давал комментарии по стратегическим планам СССР. И при этом одновременно работал на ЦРУ, ФБР и КГБ. Приложил он свои шаловливые ручонки и к делам в Америке. Как только спецы его компании Occidental Petroleum Corporation обнаружили вокруг архипелага Спратли в Южно-Китайском море огромные запасы высококачественной нефти, так началось массированное давление на Джона Кеннеди. Ему прозрачно, а потом и уже не очень намекали о необходимости немедленной демократизации Северного Вьетнама. Ведь иначе загребущие лапы советских или китайских commie не дадут развернуться свободному предпринимательству и прогрессу. Но Джек, до усрачки запуганный Карибским кризисом, был категорически против. Ну, а на нет... предлагается бесплатная развлекательная поездка в Даллас. Подумать, так сказать, на досуге, или пораскинуть мозгами. Сделано было так красиво, что до сих пор стоит только восхищаться совместными действиями FBI, CIA и КГБ, ставшими предтечей ставропольского клейменого зародыша. А вот уж Линдон Джонсон, ставший президентом США сразу после убийства Кеннеди, быстро и мудро решил ввести свои войска в Северный Вьетнам. Я предложил Репке обдумать это и взять подходящий текущему времени псевдонимчик для работы в капиталистической Российской Федерации.

как его отец был причастен к авантюре с Гостелерадио СССР, в результате чего Финляндия долго и весьма выгодно использовала дармовую советскую телепродукцию¹⁰.

Ruskea Nano или там Gaz Promonen. Но не особо зарываться. Есть довольно печальный пример обратного. Некий шведский финн из семьи эмигрантов, опять же из доисторической России, с длиннющим именем Arvo Gustav Halberg, или в просторечии Арво Густав Халберг, взял себе, как он сам считал, истинно американское имя Gus Hall. В СССР он был широко разрекламирован как товарищ Гэс Холл, Национальный председатель Компартии США. И хотя исполнялась почти любая его просьба при добротной валютной подпитке в виде материальной помощи от КПСС, он был вечно недоволен и разочарован этой жизнью. Товарищ Гэс Холл мечтал стать президентом США. И аж целых четыре раза баллотировался на этот пост, бедолага! А теперь скажите, как может стать президентом человек, имя которого, только по незначительному созвучию, продажные буржуазные писаки и прочие разные сволочи иначе как Mr. Asshole не произносят, и никак иначе не трактуют? А asshole даже в литературном русском имеет очень широкий спектр значений – дырка от задницы, кретин, козёл, пентюх, жопа с ручками и т.д. Представляете себе официальную церемонию его представления как президента великой страны?

¹⁰ Шел 1983 год... Группка финских идейных товарищей принимала тогдашнего всесильного председателя Гостелерадио СССР – уважаемого и всенародно любимого (почти сразу после дорогого Ильича Брежнева) товарища Сергея свет Георгиевича Лапина. Надо сразу отметить, что по утверждению современников, товарищ Лапин был мужиком жёстким и беспощадным. Подхалимов не любил. Ну, так вот, по заведённому протоколу его встречали в Финляндии с помпой на высшем государственном уровне, но весьма скромненько в тесных партийных кругах. Коммунисты, да ещё и в капиталистической стране, ребята а priori бедные и все силы и средства отдают на бескомпромиссную борьбу с клятыми капиталистами. Это было и так всем кристально ясно и понятно. Можно даже конспекты с Марксом и Энгельсом перед поездкой не перечитывать. Местные коммуняки, а также примкнувшие к ним левые телевизионщики и прочий кинематографический бомонд, дружно и очень жалобно заныли высокому гостю о своей тяжёлой доле и полном отсутствии пропагандистских материалов о невероят-

«Ну всё, хорошего понемножку, – твёрдо сказал я себе, –
Время мы тут благополучно убили, естественные потребно-

ных успехах в стране победившего социализма. В общем, слёзно просили «безвозмездно, то бишь даром» выдать разрешение на свободный показ советских телепрограмм и фильмов, как жест доброй воли и бескорыстной пролетарской помощи отсталому финскому гегемону. Товарищ Лапин дураком или идиотом не был изначально, просто по своему положению. На этот кошачий концерт никак не повёлся, только туманно пообещал рассмотреть вопрос в отдалённой перспективе. Местные активисты покручинились и отстали от столь важного человека со своей глупой мелочёвкой. Советская делегация делегация рутинно отбаранила свою обязаловку и собралась отчаливать. Но тут в самый разгар торжественных проводов на перрон железнодорожного вокзала в Хельсинки медленно и торжественно въехал небольшой грузовичок с революционным красным флажком и остановился у багажного вагона. Несколько расторопных грузчиков под чутким руководством репкиного папашки стали деловито и сноровисто перетаскивать из грузовичка в багажный вагон несметное количество ярких коробок с баночным пивом. Делегация явственно заволновалась. Репкин папашка, по завершению этой процедуры, отдуваясь и оттирая со лба несуществующий пот, этак скромненько просочился под светлые очи Сергея свет Георгиевича и, блестя скупой пролетарской слезой, толкнул проникновенную речугу:– Мы глубоко признательны за Ваш приезд, за те руководящие указания, за ту неоценимую помощь, которую Вы нам оказали. Позвольте через Вас передать наш скромный дар всем работникам Гостелерадио великого Советского Союза. Наши товарищи по неравной борьбе с гидрой империализма в Вашу честь сварили новый сорт финского пива, которое отныне будет называться «Лапин, золотое». Очень надеемся, что Вам и Вашим сотрудникам оно понравится. И этак скромненько удалился в толпу. В общем, Лапину под приличным соусом втюхали грузовичок пива и я даже не удивлюсь, что с датой реализации, если такая тогда существовала, весьма близкой к просроченной. Если не уже. Такие уж они были хваткие и расчетливые ребята, эти финские коммунисты. А растроганный Лапин, вскоре по прибытию в Москву, легко и быстро подмахнул необходимый документ, подсунутый ему на подпись подсуетившимися товарищами. Помог, значит, революционной борьбе свободолюбивого финского народа. Короче говоря, надули его, как и ранее дедушку Ленина с финской независимостью в раздутых географических границах.

сти удовлетворили. Пора и честь знать». Этот финский прожектор всё своё уже получил, любые мыслимые и надуманные рекомендации он тщательно записал. Хотя уже завтра к вечеру опять где-нибудь эти свои записки потеряет, и будет снова набиваться на встречу с очередной бесконечной говорильней. Это просто какой-то местный вариант наглядной агитации: «Хоть семь раз отмерь, а всё равно от дисканта не избавиться».

– Знаешь, Сами, – я очень боялся, что мой голос сейчас зазвучит излишне задушевно и Репку опять неудержимо утянет в пустую трепологию, – ты мне подготовь все необходимые документы, ну там копию твоих генеральных агентских прав, буклеты на технику, цены по базису поставки... всю эту обычную бумажную лабуду. Я завтра собираюсь в Питер и переговорю там с теми, кто реально сможет это взять по предоплате, да и вообще... – мои мысли от явного перебора пива мягко уплывали в сторону. Перед глазами очень отчетливо нарисовалась прямо таки объёмная цветная картина того, как я с превеликим наслаждением засовываю Репку в новенький датский навороченный холодильник, а из пикантного места у него торчит не менее навороченный датский миксер. В кулаке у меня крепко зажат шнур с очень навороченным датским штепселем, и я этот штепсель настойчиво тыкаю в такую родную обшарпанную, но абсолютно неподатливую российскую розетку. – ... Сами, дорогой, ну, ты же профессионал, собаку съел на поставках в Россию, – я нако-

нец окончательно вынырнул из своих грёз от своей крайней неубедительности в голосе. Но закончил уже твёрдо, пытли-во, аки твой Штирлиц, этаким шалым бараном плясь ему в глаза, – Просто учти мои пожелания. Сделай реальный бизнес-план. А сейчас я должен бежать. Совсем забыл. У меня тут халтурка ещё незаконченная осталась.

Сами открыл и закрыл рот, потом укоризненно помотал головой, на секунду задумался и, наконец, хитро улыбнувшись, радостно сообщил:

– А у меня всё готово. Вот здесь, всё, что ты просил, – с этими словами он отделил из своей кучи увесистую пачку бумаг, – Сам же мне по телефону сказал, что эта наша встреча будет без конкретных деталей... – я только вздохнул, принимая плоды его неуёмной работоспособности. Полдня убили на пустую говорильню. И это, оказывается без деталей. Красота. – ... а только обсуждение генеральной схемы работы и моих предложений, – закончил он.

– Да, да, конечно, – ну убей меня, не помню я ничего из последних телефонных разговоров с Репкой. За время этих весьма и весьма продолжительных бесед с ним я успеваю сделать массу своих дел, изредка разбавляя его непрерывный монолог своим глубокомысленным мычанием. Спасибо изобретателю громкой связи. Это годами проверенный и самый надёжный способ с такими, как Репка, прослыть компетентным и приятным собеседником.

По большому счёту никаких конкретных дел я мутить

вместе с ним в обозримой перспективе не собирался. Для меня он как второе запасное колесо в багажнике – места занимает много, а если выбросить, то потом жаба задушит. Вдруг его многочисленные *дружбаны* действительно что-то толковое надыбают? Были ж у него раньше весьма даже интересные предложения для того же Питера. Жалко, что проскочили мимо меня. Ох, как жалко. Но я никуда не спешу, посижу в засаде. Всему своё время. Местный лох не мамонт, не вымрет.

– Молодец, что всё так вовремя подготовил. Не ожидал. Вот что значит профессионал, – на лесть Репка падок и сразу размякает, чем надо сразу пользоваться. Это тоже апробировано уже не раз, – Ну, всё, я побежал. Уже опаздываю.

Я проворно вскочил и, незаметно поморщившись, взял в левую руку совершенно ненужную мне пачку бумаг, а правой энергично потряс его вялую и потную ладонь. Привычно растянул губы в американской улыбке *all right*, потом внимательно посмотрел на настенные часы, изобразил озабоченность и деловой походкой, но весьма шустро покинул «Горе луковое». На моё счастье Репка остался сидеть и доводить своё здоровье до только одному ему известной кондиции. И это очень даже неплохо. Иначе прощание могло бы надолго затянуться.

А у меня впереди ещё магазин и вечерняя головоломка о том, где, как и в чём я умудрился вчера проштрафиться перед женой. Вот это действительно серьёзная задачка. *Здесь*

Чапаю долго думать надо. Главное обделаться легким испугом. Потому и обещал сегодня жене роскошный ужин.

Теперь вот предстоит протолкаться в торговый центр через нарастающую толпу безликих целеустремлённых людей, спешащих с работы за вечерними покупками. А мне сейчас надо быстро прикупить хороший кусок парной говядины и кучу замысловатых ингредиентов. Я не садист, но этот кусок раскормленной стероидами аргентинской бурёнки сегодня получит свою негуманную пытку на медленном огне. Пока с меня самого в это время будут методично снимать шкурку наставлениями с самыми ржавыми моральными зубьями.

Чёрт! Не забыть бы это проклятое кьянти. Причём обязательно кьянти. В винах я вообще не разбираюсь. От слова никак. Может только по цвету, если у бутылки стекло прозрачное. Но четко знаю, что именно это вино, красное как *кровь Юпитера*, сделано из винограда *Санджовезе (Sangiovese)*. Такое имечко сразу и не выговоришь, но если разложить на разные упрощённые составляющие *sand-жо...-везе*, то в мозгах заливает намертво. *Песок в заднице – к везению*. Видно тамошние нудисты имечко подбирали. Они по мозолям и геморроям самые продвинутые.

Я чертыхнулся, зацепившись за чей-то локоть. Чуть не сбили с мысли. Ах, да, сей мясной деликатес, так удачно мною подсмотренный в одной из передач для домохозяек, оказался на удивление лёгким в приготовлении и вполне съедобным. Хотя при каждом упоминании о кьянти в моей го-

лове начинается человеколюбивая цитата, изречённая незабвенным Ганнибалом Лектером¹¹. Надеюсь, что наше домашнее застолье пройдёт без заморских бобов и дружелюбнее, что послужит искуплению каких-то моих грешков, которых я пока за собой никак не могу найти. И зачем только жена сурово хранит партизанское молчание? Но явно предгрозовое. А такое надо быстро гасить, не доводя до неминуемого взрыва с посудными осколками.

Мне потребовался почти час, чтобы выпутаться из полок и витрин, озвереть, но полностью затовариться к предстоящей готовке. Время катастрофически поджимало и я, изогнувшись буквой "зю"¹² под весом тяжеленого пакета в одной руке и скользких репкиных бумаг в другой, петляющим аллюром потрусил к дому.

Перед входом в парадное я, злобно косясь на так и не снятое объявление, вспомнил, что напрочь забыл заскочить в *Alko*¹³ за кьянти. Негромко ругнулся. В ответ неприятно обдало устоявшимся пивным душком. Явное начало перегара. За парфюм это уж точно не сойдёт, да и жену не особо обрадует. Ругнулся ещё раз. Не помогло.

Я вошёл в подъезд, поставил на чисто вымытый пол рас-

¹¹ © M.D. Hannibal Lecter: «I'm having an old friend for dinner. I ate his liver with some fava beans and nice chianti» – У меня на ужин был старый приятель. Я съел его печень с бобами и бокалом кьянти.

¹² Знать бы ещё как она выглядит. Явно скрюченная закорючка.

¹³ Чёрт бы побрал эту государственную монополию на продажу спиртных напитков только в отдельных специализированных магазинах. <https://www.alko.fi>

ползающийся пакет и пошарил по карманам. Ничего пригодного для укрощения неприличного *скоффского*¹⁴ амбре

¹⁴ Я всегда был истовым поклонником бочкового «Lapin Kulta». Даже как-то потом из чистого любопытства прочитал рекламную брошюру и выяснил, что название «Lapin Kulta» когда-то принадлежало горнодобывающей компании в небольшом городке Торнио. Она была создана во времена «золотой лихорадки». Но уже в 1873 это название (и почти задаром) присвоили себе местные пивовары. Уж больно была хороша для приготовления пива водица из реки Торнио, куда впадают тысячи северных источников (а кое-где и красноватое золотишко можно намыть до сих пор). Да и название в переводе с финского означает – «Золото Лапландии» и уж никак не связано с именем советского просветителя финских народных масс. Однако обидно, что скоро эту знаменитую пивоварню демонтируют и перенесут куда-то в район Лахти. Название-то останется, но вкус уже будет не тот. Так всегда бывает. Видно в очередной раз «зелёные» выполняют чей-то заплаченный заказ. И придётся мне, горемычному, вынужденно переходить на Синебрюховку с его «Koff» и длинной шеренгой аналогов, прячущихся под иными завлекательными названиями. Но у меня своё устойчивое определение – однозначно «скоффское». Кстати, сам основатель «Sinebrychoff» – русский промышленник Николай Синебрюхов (в детстве он, правда, именовался Коленкой Краснобрюховым), в 1819 начал строить завод по производству пива – первый завод в Скандинавии такого профиля. Хотя злые языки до сих пор утверждают, что Николай просто удивительно удачно (три наших ха-ха-ха на это удивительное: «Не поверите, господа, но тут мне так попёрло!») выиграл в карты небольшой пивной заводик у зарвавшегося финна. И заводик этот, к его вящему удивлению, стал приносить неплохой доход. Что вообще-то не странно, если учесть, что рядом стояли солидная российская военно-морская военная база и немалый гарнизон. Это и послужило толчком к резкому расширению и модернизации такого выгодного приобретения. Воистину, кому карточный долг – долг чести, а кому и манна небесная. Но, а если на своей исторической родине, в Гавриловом-Посаде, купцам Краснобрюховым фамилия не особо мешала, то знатному чухонскому промышленнику это уже «здесь вам не там». Красный Толстопуз – это, понимаете, не Зингер или Вестингауз. Тут уже и дети отказываются ходить в приличную гимназию с таким вот, с позволения сказать, наследством, да и для торговой марки явный урон. А уж приказчики, хоть и вежливо, но твёрдо настаивали

так и не обнаружил. Я пару раз шумно вдохнул и выдохнул.

на срочно смене названия торгового предприятия.Допекли со всех сторон. Николай имел в близких приятелях статского секретаря Ивана Растяпова (согласитесь, фамилия тоже не подарок), бывшего в определённом фаворе при монаршем дворе. И через него напрямую подал царю прошение о смене фамилии, для блага, вроде как, государственного и протекции русского купечества в Великом княжестве Финляндском.В день, когда бумага попала в рассмотрение, незабвенный царь наш батюшка Павел I (ко всему прочему ещё и великий магистр Мальтийского ордена), видно был в хорошем расположении духа. С прошением бегло ознакомился и наложил на документ игривую резолюцию: «Брюхо оставить, цвет поменять».Вот родился бы Коленька где-нибудь на Туманном Альбионе и был бы уважаемым Nicholas Redpaunch, Esq. Суть та же, а звучит гордо. Ну, видно не судьба человеку.Да, а сами финны считают, что на развитие их страны наибольшее влияние оказали три русских человека:* император Александр II (он же Освободитель, он же великий князь Финляндский, он же Аляскопродавец и прочая, прочая), непонятно с какого перепугу давший населению Великого герцогства Финляндского доселе невиданные в Европах политические права и сделавший финский язык государственным – дотоле был шведский;* Николай или Владимир Ульянов (он же Калмык, Лукич и даже Ленин-Вечно-живой), что-то там неподрашавший в своих раскладах, при котором Финляндия вдруг стала независимым суверенным государством (при этом нагло захавав себе лишней русской земли);* да и упомянутый Николай Синебрюхов.По моему твёрдому убеждению, признание о значимости этих россиян проистекало от неумеренного потребления аборигенами синебрюховки и трактирных заумствований о явной недостаточности халявы, полученной от двух первых одиозов, протиравших российский трон и революционный стул.Хотя, если пораскинуть мозгами по историческим полкам, то Александр II просто проводил тут полевые испытания реформ, которые потом готовил для России, чётко следуя заветам своего папочки Александра I (Благословенного).Да и Мудрый Лысик также не был оригинален. Предвыборные обещания на то и существуют, чтобы заманить доверчивых, а потом раздеть их по полной программе, сообразуясь с текущими обстоятельствами. Так и с гостеприимным для Ильича княжеством Финляндском – сначала он отдал, всё, о чём попросили господа хорошие, даже не вникая в содержание принесённой челобитной (полагаясь на уже планируемое вооруженное вос-

Улучшения снова не последовало. Остаётся смириться.

– Мужчинка должен быть слегка поддат, угрюм, вонюч и волосат, – негромко продекларировал я, небрежно отдав свободной рукой пионерский салют. Не, такое сегодня перед женой не прокатит. Затем голосом телевизионного диктора продолжил, – *Во время приготовления вкусной и здоровой пищи обязательно рекомендуется принять чего-нибудь освежающее. Пара колечек лука и долька чеснока придадут пикантный аромат, сводящий женщин с ума.*

Я похмыкал, отметив слишком явное превышение хмельной придурковатости над утонченной игривостью, подхватил пакет и поднялся к своей двери. Мельком отметил из-

стание финских социал-демократов, которое даст свободу угнетённому люду в составе Совдепии), а потом, слегка утвердившись на расейском урезанном престоле, от обиды стал активно гнобить бывших своих любимцев в одночасье поголовно ставшими коварными белофиннами. Но не на тех напал. Финны, как истинные справные хозяева, хоть и колебались, но не согнулись в сторону Мировой революции и не встали послушно в ряды трудовой армии нового пролетариата. А используя так удачно вернувшийся, да ещё и закалённый в боях Первой мировой бойни, финский экспедиционный корпус, спокойно пропущенный через немецкие тылы на родину (причём с полным боевым снаряжением), они быстренько пустили в расход своих социал-демократических и разных примкнувших мечтателей «о светлом будущем в единой коммуне». Страну, хоть и медленно, но верно зачистили от вредоносной заразы с востока. И спокойно выкинули эту страничку из своей официальной истории. Иногда некоторые местные несознательные индивидуумы взбрыкиваются при нахождении очередной безымянной «братской могилы» тех бурных времён и пытаются покопошиться в славной истории, но их быстро успокаивают. «Народу не нужны нездоровые сенсации». Это у братьев Натановичей было очень точно подмечено. История Финляндии должна быть чистой и незапятнанной. И точка.

рядно запылившийся небольшой аж поза-позапрошлогодний рождественский веночек над дверным глазком, снять который у меня всё никак не доходят руки. Удручённо вздохнул, с трудом нащупал ключ, с третьей попытки вставил, повернул и, наконец, ввалился домой.

Всю длинную прихожую занимали незнакомые люди. Много людей. Прямо перед входной дверью на кухонной табуретке сидела какая-то неопрятная дама.

«Ба, билетёрша! Видать жена из ужина платное представление задумала, – весьма странно отразилось увиденное в моей голове, а сам я, слегка напряжённо улыбаясь, и стараясь только вдыхать, протиснулся бочком мимо дамы и стал просачиваться на кухню. – «Нет, это точно один из наших сортиров прорвало и трубу забило. Теперь начались разборки с соседями. А может и хуже. По большому залило. Или завалило. Намертво».

За мной на кухню зашёл белобрысый мужчина средних лет.

– [Do you speak English?](#) – неприветливо спросил он.

– Да, – а в голове вдруг ехидно прозвучало: «Дую, но маловато. Залить точно не хватит». На меня такое иногда находит. Пьяная бравада как защитная реакция. Надо только постараться держать себя в руках. Если получится.

– Меня зовут *Vesa Piskanen*.

«Здравствуй, Веса-Весилёк, получил дерьма поток?» – я глупо хихикнул от накатившего игривого перла, – «Хотя тут

явно не *Piskanen*, а по крайней мере *Kakkonen* требуется». Покачнувшись, я понял, что пауза затягивается. И со стороны я, видно, выгляжу не очень. Надо выкручиваться.

– Меня зовут Дмитрий. Если хотите Timo. Что-нибудь случилось? – мой голос вдруг стал предательски слащав, как у нашкодившего кота. Говорить я пытался чуть в сторону и вниз. Рано пока травить проверяющего. Да ещё и при исполнении.

– Я инспектор Восточного таможенного округа. А это ордер на ваш арест. – Он раскрыл и сунул мне в лицо бумагу явно официального вида.

Я, ничего не понимая, тупо уставился в листок. Ужасно захотелось голосом Арни Чернегрова прогнусавить типа: «*Какие ваши доказательства, господин Письканен? Уже провели экспертизу? Но это не то, что вы думаете*». Но я сдержался. Этот явно не оценит. Да и фамилия у него какая-то несерьёзная. По такому случаю явно нужен какой-нибудь солидный такой *Huovinen*. А его фамилия вызывает только жалость к обладателю. Правда, только среди нас, циничных русскоговорящих сомнительной трезвости.

– Ну и в чем я обвиняюсь? – неожиданно прорезалась такая лёгкая игривость. Явно от таких непоняток. Или всё же от перебора пива? Таможня что, устроила тайный бункер где-то пониже подвала? Или у них там конспиративная нора из которой нахально вынудили всплыть?

– Вы обвиняетесь в уклонении от налогов в особо круп-

ных размерах! – торжественно и внятно отчеканил Василёк.

«Лучше уж всех залить, чем самому в дерьмо вляпать-ся». – еще на автопилоте подумал я, мужественно пытаюсь сфокусировать свой взгляд на документе, который всё ещё маячил перед моим носом.

– В присутствии понятых у вас проводится обыск, и изымаются орудия преступления ...

«Это унитазаы что ли?» – чуть не ляпнул я. Что-то мне никак не въезжалось в ситуацию. Слишком уж сюрреалистично. И эти *сантехники границы* так неожиданно на голову свалились. Мне бы сейчас пару стопок для прояснения. Да и мужик какой-то странный, всё бормочет, не угомонится. Я напрягся и стал вслушиваться.

– ... вас сейчас доставят в Лаппеенранту для допроса, – голос у Василька вдруг стал скучным, – Соберите личные вещи и документы. Медикаменты, если нужно. Выезд через десять минут.

«Приплыли. Бред какой-то», – я машинально кивал, а в голове теснились обрывочные мысли, – «А от меня пивом несёт как от бомжа... мясо теперь точно не успею сделать... да и вообще ничего не понимаю... А зачем, кстати, медикаменты? Они что, меня пытать там собираются?», – но я мудро решил обойтись без уточняющих вопросов, – ОК. Я сейчас буду готов. Сколько времени займёт допрос?

– Следователь решит. Возьмите только самое необходимое. Это может занять несколько дней. А может всё закон-

чится быстро. Зависит только от вас, – Василёк демонстративно повернулся ко мне спиной и принялся преувеличенно внимательно разглядывать кухню.

Я помотал головой. Нет, ну точно поганый день. Да ещё с выездным театром абсурда до полного безобразия. А может это меня мучает такая яркая пост-алкогольная астения? Может грибочки там в пиво попали по недоразумению? Или я вообще сплю в отрубе? Типа, уже наступает утро, а я никак не проснусь после вчерашнего перебора? За что тут надо пощипать?

Я, как сомнамбула, натываясь на все углы и шныряющих обыскивателей¹⁵, кое-как собрал вещи и наткнулся на *Весу-Василька*.

– Я могу попрощаться с детьми?

– Да, но очень кратко. Мы уже опаздываем.

Дети сидели по своим комнатам более раздражённые этим неожиданным вторжением, чем испуганные.

– Ну и что ты натворил? – голос у старшего был откровенно негодующий.

– Пока не знаю. Я так и не понял, с какого рожна здесь таможня торчит. Поеду – разберусь. Остаёшься за *старшО-во*, – но бодрости в моём голосе явно не доставало.

– Ага. Давай там побыстрее. Мне дипломную работу надо дописать. А то болтаются тут всякие уроды. Уже достали своими тупыми вопросами. Всю комнату перевернули и за-

¹⁵ ... или обыскателей? А может сыскунов?

гадили. Свои территории ещё не видел? Сходи порадуйся.

– Догадываюсь. Ну, пока, – я неловко пожал его руку и под чьим-то бдительным надзором проследовал в комнату к младшему.

Тот лёжа читал книгу, демонстративно игнорируя копошащегося у него в компьютере очередного сыскаря-изыскателя.

– Ты надолго уедешь?

– Философский вопрос. Это не командировка. Знал бы – сказал. Приглядывай за старшим и успокой маму, когда она вернётся. Я через день-два буду дома. Держитесь тут.

– Если что – звони.

– Обязательно, – я взъерошил ему волосы и вышел в коридор.

Другое поколение. Дальше вялого любопытства и желания поскорее избавиться от неожиданных гостей у них не заходит. Парадокс, но в этом их сила. Я решительно повернул к входной двери. Рядом опять материализовался Веса-Василёк. За его спиной замаячил ещё кто-то.

– Я готов.

Василёк открыл передо мной дверь, затем быстро обогнал на лестничной площадке и, не оглядываясь, пошёл вперёд. Сзади затопали, но я не стал оборачиваться. Ну, не в побег же срываться. Я и так, как аквариум с пивом. Сначала лучше помучаюсь, но разведу, к чему эта свора прицепилась.

Когда вышли на улицу, то обнаружилось, что за мной сле-

дуют ещё трое конвоиров. Солидный эскорт. Видно нет у людей других важных дел. Или я стал представлять собой важную птицу. Надеюсь, что не *птицу-говорун*.

Меня подвели к совершенно гражданскому *Opel Astra Sedan*. Открыли заднюю дверь и молча, но настороженно стали наблюдать. Я вздохнул, швырнул пакет с собранными впопыхах вещами и неуклюже плюхнулся на заднее сидение.

– «Чёрный воронок» бежит, качается, – негромко пропел я, – *Тра-та-та кончается*. – Ни фига я песню про этого Чебурашку не помню. Мне ближе старый добрый студенческий вариант с фугасом¹⁶. В нас вбили другие ценности и у нас иные нравы.

Дверца, наконец, захлопнулась. И сразу обнажилась её подлая сущность. Ни одной ручки с внутренней стороны не было.

– *Замуровали, демоны*, — произнес я без всякой злобы, глядя на совещающихся рядом с машиной Василька и слуг закона, – И что-то мутит меня. А если не сдержусь? Перегородки нет. Будет им подарочек. Потом честно объясню, что от волнения все чакры раскрылись, а моя гнилая сущность завибрировала и неудержимо рванула наружу в астрал, вот я и ... облажался.

Как и в детстве, я живо представил себе страшную карти-

¹⁶ Скатертью, скатертью хлорциан стелется, И забивается под противогаз. Каждому, каждому в лучшее верится, Медленно падает ядерный фугас. © Автор лично мне неизвестен.

ну мести. Почмокал губами. Поёрзал, поудобнее устраиваясь, и покачал головой.

– *Это значить усугУбить*, – некстати вспомнилась заразная манера меченного *Перестройщика* толкать речи с его неистребимой привычкой гэкать на южнорусский манер, – *УглУбить... и усё похерить*.

Нагадишь тут, а они возьмут и почки отобьют. Кто их знает, на что сподобятся при исполнении. Да и пара часов езды без противогаза не пойдёт на пользу моему нежному организму. А то вообще чистить заставят. Лучше перетерпеть или как это будет ласково? *Переблюэть?*

Наконец отделилась парочка мужичков, молча заняла передние сидения. Оценили, что я пристегнулся, и мы тронулись. В машине быстро стало теплеть, и я как-то непроизвольно задремал. Безо всяких тревожных мыслей. Шесть кружек пива явно такому способствуют.

Проснулся я от лёгкого толчка. На меня бесстрастно смотрел один из конвоиров:

– Выходите. Будем ждать другую машину.

– Мы что, сломались?

– Нет. Ждём другую машину. Она отвезёт вас в Лаппеэнранту, – голос у него был монотонный и без всяких человеческих эмоций.

– А где мы сейчас?

– Это граница губернии. Место передачи вас местным полицейским.

– Покурить можно?

– Вон там место для курения. Курить только возле него.

Если попытаетесь отойти, то наденем наручники. Не забудьте свой пакет.

– Буду стоять как *raato*¹⁷. – «Сострил, называется», подумал я, глядя на озадаченные лица обоих конвоиров, – Буду стоять без движений, – быстро поправился я, – Мне идти с вами или самому?

– Мы будем ждать в машине.

Остановились мы на краю какой-то захудалой автоматической заправки, сиротливо приткнувшейся посреди подмёрзших полей. До курилки всего пару шагов. Особо не поддёргаешься, да и *когти рвать* тут некуда. Славное местечко. Хотя далеко вдали зазывно переливается реклама. Я быстро прикончил сигарету и подошёл к водительской дверце.

– Спросить можно?

– Да.

– В чём я обвиняюсь?

– Не знаю.

– Куда меня сейчас повезут?

– В Лаппеенранту.

– В какое место?

– Не знаю.

¹⁷ Raato – слово имеет широкую смысловую нагрузку, обозначая не только *труп*, *стервятника*, но и *стерву* обоих полов (в финском языке нет деления на «он» и «она»).

– Но сейчас уже вечер, а мне ещё нужно забронировать номер в гостинице.

На лицах обоих конвоиров проявились какие-то намёки на интерес. Они негромко посоветовались.

– Всё узнаете у полицейских, которые приедут за вами. Можете ещё покурить, – стекло поползло вверх, отрезая меня от источника такой бесценной информации.

Через полчаса, выкурив ещё три сигареты и уже совершенно закоченев, я опять подошёл к машине. Стекло медленно поползло вниз.

– Можно нам вон там попить кофе? – я махнул рукой в сторону далёких огней.

– Нет.

– Почему?

– Там начинается другая губерния. Ждём машину.

– Когда она будет?

– Не знаю.

– Может, тогда я в салоне подожду, а то здесь холодно?

– Нет.

– Почему?

– Ваша машина скоро будет.

– Как скоро?

– Очень скоро.

Вновь очень содержательно и познавательно. Прошло ещё минут десять. Я стал ненавязчиво подрагивать и слегка поклацывать зубами, всем своим видом показывая, что если не

моё такое честное-пречестное слово, то точно сейчас бы начал половецкие пляски, чтобы хоть как-то согреться.

Конвоиры-садисты смотрели на меня совершенно равнодушно. С величавым достоинством истуканов, колонизировавших остров Пасхи. Настоящие душевные финские парни. А, между прочим, ноябрь на дворе и температура в минусах. Я стал притоптывать, внимательно следя за амплитудой движения ног. А то подумают, что готовлюсь к *рывку*. Буду дальше тут куковать, но уже в наручниках. И вымру как лапландский летучий дикий зверь.

Вдалеке показались одинокие огоньки. Прибыли, долгожданные. Неторопливо подъехала синяя *Opel Astra*. Интересно у этих таможенников даже денег на нормальную машину не нашлось? Учились бы у российских коллег. И сейчас бы рассекали на достойных внедорожниках.

Мои конвоиры синхронно выползли из своих тёплых машин и стали там что-то тихо обсуждать. Видно им страсть как приспичило перетереть о своём, о сокровенном. Глядя на эту четверку я поймал себя на мысли, что совершенно не могу различить с кем приехал и с кем поеду дальше.

Готов голову отдать на отсечение либо это четыре брата-близнеца, которые одеваются в одном магазине, либо... а почему бы и нет? С финнов станется. Втихаря смастрячили где-нибудь на глухом хуторе аппарат для производства клонов. И налепили вот таких неразговорчивых белогазо-белобрысых стражей Закона. Шлёпают же они телефоны. Хоть и

корявые, но много. А что, очень даже правдоподобно. Такие клоны взятки не берут. Мозгов не имеют, им их инструкции вполне заменяют. Думаю, что и нормальный секс им противопоказан. Зато регулярно накачивается твёрдая рука правосудия.

Из интересных раздумий меня вывел один, видно местный старший:

– Садитесь в машину.

– А можно по пути выпить чего-нибудь горячего? Я совсем замёрз.

– Нет. Это не запланировано.

– А в туалет сходить?

– Нет. Только в пункте доставки.

Я вздохнул и поплёлся к задней дверце. Начинаю привыкать к своему месту.

Один из клонов забрал у другого мои документы. Потом оба неторопливо расселись по своим местам и машина медленно тронулась. Хельсинкские копии продолжали безучастно стоять и смотреть. Я вежливо сделал им ручкой и кривовато улыбнулся. Они слаженно, как дисциплинированные *deutsche soldaten* на плацу, повернулись и направились к своей машине.

Минут двадцать мы ехали молча.

– Всё человеческое им чуждо, – негромко сказал я сам себе, – Получили команду – довели. Поступил отбой – назад, на базу. Жилы там подтянуть, давление в голове прове-

ритель...

– А можно всё таки остановиться? – это у меня сказалась потребность организма. Всегда так. Стоило только подумать о туалете, как сразу ужасно захотелось. И даже очень. Со всем как правильно пишут в медицинской энциклопедии. *«Пиво после третьего литра применяется исключительно как сильное мочегонное».*

– Собираетесь сейчас сделать заявление? – клон, сидящий на пассажирском сидении, в пол-оборота повернулся ко мне. Даже губы растянул. Лыбится что-ли? Силикон не выдави, терминатор.

– Что?

– Вам нужна бумага?

– Какая бумага? Да нет, у меня маленькое дело.

– Устное заявление?

– Жидкое. Текучее. Можно где-нибудь остановиться?

– Нет, – клон явно был разочарован, – Останавливаться нельзя. Через час приедем.

– Мне очень надо.

– Нет. У нас с собой нет одноразовых санитарных ёмкостей.

Не, ну просто убил и съел. А как я на ходу при такой тряске попаду в эту санитарную ёмкость? Я вам не местная *ку-кушка-инайпер*. Да и своё *добро* куда попало совать не буду. От обиды как-то и расхотелось... *до ветру*. Всю малину обломали. Наши татаро-монгольские корни требуют чего-ни-

будь попроще. Полянку, да чтоб свежим ветерком обдувало. Вот тогда я такого понапишу... от всей широты души за вашу синебрюховку, которая всё никак не угомонится.

Некоторое время я размышлял о превратностях судьбы. И неожиданно громко и глупо хихикнул. Хоть здесь Бог милостив, что по большому не приспичило. Вот напал бы дри-стун и как миленький засовывал бы я себе эту сомнительную санитарную ёмкость как клизму. По самое не могу. Да ещё бдительно отслеживал, чтобы протечки не было. Прямо как космонавт. Представляю себе как там у них в ЦУПе:

«Позу принять. Изделие ввести.»

«Есть контакт!»

«Персоналу покинуть модуль. Поехали! В который раз тебе говорю, задумчивый. Не заставляй народ ждать. У нас турист на орбите. Неразработанный. Может не справиться и улететь. Кто станцию консервировать будет?»

Мысли опять вернулись к санитарным ёмкостям. Интересно как они выглядят? Не больничные же утки? С ними при тряске только хуже будет. Наверное, канистры какие-нибудь пластиковые или железные. С разными горлышками. Или бутылки большие. Интересно, стерильные или многократного использования? Тьфу. Не, нам *требя* только кошерная посуда.

Стала напозать дрема в размышлениях о пользе канистр для полицейских на дежурстве (ох, как крепнут смутные подозрения, что мою-то они сами уже давно оприходовали!)

и необходимости выпуска методического пособия «Канисутра» для начинающих.

Очнулся я от громко захрипевшей рации. Машина стояла в кирпичном боксе под ярко светящей лампой в прямоугольном рефлекторе. Сбоку была видна внушительная железная дверь. На стене наличествовал кодовый замок с прорезью для карточки.

«Как в приличном банке», – подумал я, потягиваясь. Хмель явно стал сдавать свои позиции. Но выхлоп, кажется, только усилился, – «Внести деньги легко. Вынести невозможно. Даже владельцу».

Клоны склонили головы друг к другу.

Я нервно забубнил:

– Телепатия у клонов, однако. Чукча умный. Сам догадался. Небритьй Абрамович нам постоянно голливудские фильмы крутит. Теперь и оленей только на новейших канадских симуляторах ловим.

– Выходите, – клон как-то подозрительно стал меня рассматривать, – С вами всё в порядке?

– В полном, – я вылез в открытую дверцу, покачнулся, но устоял. Стал с преувеличенным интересом рассматривать замок. Чтобы не подумали чего.

Второй клон остался за рулём. *Бдеть*. Или бдить?

– Вы забыли вещи, – невозмутимость в голосе клона была просто поразительной.

– Извините, – я быстро засунул руку в машину и стал ша-

ритель в поисках пакета.

– Побыстрее, пожалуйста.

– Не могу найти, – пакет куда-то завалился, а из-за яркого, но косого света за спиной, на полу в салоне было ничего не видно. Я, наконец, нащупал его под водительским сидением и с натугой, но вытащил.

Клон наблюдал за мной без всяких эмоций. Как вечный лаборант с полувековым стажем работы, который в тысячный раз рассматривает судороги туберкулёзной палочки в особо гадком дерьме¹⁸.

– Спасибо что подвезли.

– Пожалуйста, – равнодушно ответил он.

– Обратите особое внимание, что салон чист.

– Спасибо. Машину будут мыть сегодня. В соответствии с графиком. Теперь пройдите в дверь и ждите инструкций полицейского офицера.

– А вы кто? – произвольно спросил я, а в голове завертелось, – *«Дык, мы это... шабашники. Здесь трубы перекладываем»*.

– Мы из патрульной службы.

– Извините за беспокойство.

– Об этом информируйте судью. Мы только исполняем полученный приказ.

«Ну, точно, запрограммированный клон. У меня глаз-алмаз, не проведёшь», – отстранённо подумал я. Может спро-

¹⁸ Это вакцина, а не то, что вы могли подумать.

снить его какая версия и объём оперативной памяти? Нет, память явно вставляют только оперативникам. А патрульные должны довольствоваться малым. Но с частыми обновлениями, дабы жизненной правды не нахватались. Особенно от русских. Здесь их теперь немерено. Как самых вредных вирусов.

– Проходите, – клон аккуратно вытащил свою идентификационную пластиковую карточку из замка и распахнул толстую металлическую дверь.

– Только после вас, – сделав галантный жест рукой почти тожественно произнёс я.

– Согласно установленным правилам, задержанный первым проходит в помещение тюрьмы временного содержания. Офицер конвоя входит за ним и следит за соблюдением законности и отвечает за правильность оформления документов.

«Допрыгаешься, опарыш питерский, со своими дешёвыми дебилизмами», – обругал я себя мысленно, – «Его сейчас замкнёт и он свою волынку на пару часов заведёт. С такого станется».

– Извините, – я слегка поклонился этак по-гусарски, прищёлкнув пятками. Такого и ломом не прошибёшь. Я для него нечто вредоносное хоть и с речевым аппаратом. Но ещё не до конца отформатированный под местные требования.

С любопытством заглянул в проём двери, я сделал решительный шаг вперёд. *Где наша не пропадала! Вяжемся в*

бой, а там получим!

Вот что я раньше знал о тюрьме, а тем более о местах временного содержания? Анекдоты. Слезливые песни. От сумы да от тюрьмы не зарекайся. И, самое главное, перед тюремным начальством вид иметь глупый и придурковатый¹⁹. Да и здоровье не убавится.

Вливаемся в роль и будем проверять.

– Вы песен хотите? Их есть у меня!

За дверью предстал моему взору чистенький светлый коридор в форме буквы F.

– Застенки Фантомаса, – буркнул я себе под нос, – Посмотрим, как здесь понимают all inclusive. Лично проверю!

Первый правый отворот направо вёл в местную дежурку. Угол занимал исхристанный страдальцами «обезьянник» – мрачная камера с железной скамьёй, отделённая от прохода толстой металлической решёткой от пола до потолка. Напротив находилось застеклённое дежурное помещение с прорезанным окошком. Стекло поражало толщиной. Ещё более монументальное я видел только в нашем местном посольстве. Явно слизано с одного проекта.

Дальше за дежуркой расположились металлические шкафчики – камеры для хранения изъятого скарба и хозяйская половина. Какие-то закрытые двери. Но, очевидно, бытового назначения. Кучеряво устроились, вертухаи. Телеви-

¹⁹ Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство. © Петр I.

зоры, компьютеры. Вон и кондиционер виден. Интересно, а что за вредность им тут полагается? «Лаппеенрантское особое»?

Из-за двери в хозяйскую половину лениво выползли два охранника. Пожилой дедок и угрюмый юнец. С детским любопытством оба уставились на меня.

– Он говорит только по-английски, – бесстрастно отпартовал мой конвоир.

– А ещё по-русски без словаря, – неожиданно для себя выпалил я, чувствуя себя полным идиотом. Неприятно же, когда тебя разглядывают как диковинного *облезиана*. Странно, ведь городок-то пограничный.

– Карашо, – с неистребимым ударением на первый слог произнёс молодой. И, сочтя это достаточным, перешёл на английский, – Всё вынуть из карманов и сложить вот в эту корзину.

Он протянул мне обычную пластмассовую корзинку, явно спонсированную соседним магазином. Я покорно вынул из многочисленных карманов весь хлам, слегка удивляясь своей способности накапливать такую массу ненужных вещей. Молодой увлеченно разворачивал и с умным видом изучал какие-то скомканные счета, потом достал портмоне, раскрыл и стал рассматривать мои кредитки.

– Ими горло себе трудно перерезать, да и решётку не перепилить, – хмуро сообщил я ему по-русски. Но напрасно, это слишком превосходит его словарный багаж.

– Карашо, – жизнерадостноотреагировал этот полиглот, тут же скатился на английский, что сразу добавило его голосу уверенности, – Встать лицом к стене, ноги раздвинуть, руками упереться в стену на ширине плеч.

Я покорно подошёл к стене и принял позу цыплёнка табака. Искося посмотрел, как мой клон передал пожилому сначала пакет с моими изъятыми вещами, потом массу бумажек, в которых они по очереди расписались. Велика всё же сила бюрократии!

Молодой, показывая своё ещё нерастраченное служебное рвение, старательно вывернул каждый карман и прощупал каждый шовчик. Ему бы к врачу не мешало сходить. Явно нездоровая патология. Ишь как нежненько между ног шарит. Лучше бы себе бабу завёл, прыщ пост-пубертатный.

Удивительно, но на что-то серьёзное эти местные вертухаи никак не тянут. Какие-то они хлипкие для финских полицейских. Или это такая форма государственной экономии? Может жертвы неудавшихся экспериментов при выращивании клонов? Рассовывают туда, где нормальные люди их ни в жисть не увидят? Что-то вроде бракованных презервативов для развивающихся стран, отсылаемых по принципу: «Берите, рожи, раз нам негожи».

Процедура обыска и вдумчивого изучения моих вещей с внимательным разглядыванием фирменных ярлыков заняло минут пятнадцать. Затем у меня отобрали кроссовки, куртку и ремень. Вместо этого я получил синенькие полиэтиле-

новые бахилы на ноги. Заботливые, мать вашу. И что, мне их надевать на носки? У них же само название описывает их чёткое назначение – shoe covers. Или кроссовки потом вернут, как до камеры доберусь? Ладно, пока будем преть. Тут ничего не попишешь.

Молодой отнёс корзинку с моими вещами к металлическим ящикам, долго там копался и гремел ключами. Потом неторопливо повернулся, со вздохом пролез в свою будку и уселся за компьютер.

«Интересно, а допросы в ночное время разрешены?», – вертелось у меня в голове, – «На местных часах уже полседьмого, да и жрать хочется. И не только».

– Э-э-э, а можно сходить в туалет?

– Нет, – клон явно в своём репертуаре.

– А когда?

– Скоро.

– Когда скоро? Я уже не могу ждать.

– Подождёте. Идёт оформление очень важных документов, – внятно, как для умственно отсталого, произнёс конвоир, растягивая слова, как самые крутые герои вестернов. Только что пол не пометил длинной жидкой табачной струёй.

– Может отвести его в камеру? – влез в разговор молодой, отрываясь от компа. Сердобольный, видно, или не без оснований подозревает, что убирать здесь придётся лично ему.

– Будет ждать, ему спешить уже некуда, – и если бы кон-

воир не произнёс это таким обыденным тоном, то я уж точно решил, что он издевается.

Я демонстративно стал оглядываться по сторонам, одной рукой неторопливо задирая свитер, а другой потянувшись к ширинке.

– Следуйте за мной, – молодой резво выскочил из будки и бодро засеменял по коридору. Я двинулся за ним, довольно широко расставляя ноги. Уже совсем не притворяясь. Мочевой пузырь раздулся и мешал при ходьбе.

Прибывший со мной конвоир даже не шелохнулся. «Сбой программы», – я мстительно оглянулся на замершего клона, – «На побег мой эпатаж не тянет, а иную трактовку ему в голову не заложили, обормоту бесчувственному. И никогда не познать ему нетерпения сладостной реализации наших маленьких радостей в этой скучной жизни».

Молодой вывел меня в основной коридор, довёл до конца и повернул направо. За поворотом открылось сердце КПЗ... или местного СИЗО? Хотя, какая разница? По левой стороне – длинный ряд окрашенных бордовых металлических дверей с глазками, устрашающего вида амбарными запорами, и поцоканными раздаточными окошками (ну, тут всё как доктор прописал). По правой – совершенно обычные деревянные двери подсобок. Место, конечно, отвратное, но чистота, на фоне всеобщей обшарпанности, поразительная. Или к моему приходу загодя готовились? Надо будет потом отметить в приказе по личному составу.

Охранник остановился у одной из дверей и залязгал запорами. Я присмотрелся к блёклому номеру – ага, вроде 11.

«Барабанные палочки», – вспомнилось мне название из лото, – «Ты уже не мальчик, юный барабанщик... Да что же это со мной происходит?», – вдруг пробилась первая достаточно трезвая и весьма неприятная мысль, – «Ну и чегой-то я такого умудрился накосячить, если столько народа из-за меня задействовали и в такую даль приволокли?»

Дверь с противным скрипом открылась, и охранник сделал рукой приглашающий жест.

«Что там надо говорить?», – в голове зазвенел тревожный звоночек, – «Вежливо поздороваться... типа, извините, хозяева, я тут по острой нужде... народ мужиками и петухами не называть... за козлов ответка сразу прилетит... никуда никого не посылать... дырявую посуду руками не лапать...», – тут мысли внезапно прервались. В камере никого не было. Мой взгляд как-то сразу зацепился за угловое странное изломанное бетонное сооружение, в котором был заключён унитаз из нержавеющей стали. Эта конструкция была вся обляпана грязными подтёками.

– Хата засрата, но живут богато, – во мне аж что-то доброе пробудилось от вида унитаза, – Ладно, не бояре. Перебедует. Главное, что мой пузырь не лопнул и... ох этот вечный кайф... покой нам только снится. – Оттянуло так, что даже на лирику пробило, и я замурлыкал: – *И на обломках унитаза напишем наши имена...*

Только тут я боковым зрением заметил лёгкое шевеление. Охранник продолжал стоять в дверях, с нескрываемым интересом наблюдая за моими подёргиваниями и постанываниями.

«Не, ну точно извращенец», – расслабленно подумал я, старательно стряхивая последние капли, – «Этот, наверное, из тех, кто друг на дружку испражняются, и от этого оба торчат невероятно».

– Кнопка для смыва водой, – он ткнул пальцем в сторону маленькой кнопочки, вделанной в стену в метре над унитазом.

Ах вот оно в чём дело! Чистоплюй тюремный или начинающий мастер-наставник. И все мы для него такие тёмные-дремучие. Только и могём... или можем... что на бала-лайках с пьяными медведями матрёшек строгать. Да ещё, задрав халаты, постоянно гадить на наших необъятных просторах не закапывая и не подтираясь. Само отпадёт, как подсохнет. А что не отпадёт, то от хвори защитит. Азияты-с.

Я демонстративно спустил воду два раза. Из чувства протеста и оскорблённых чувств.

– А как тут руки мыть? – вот этот вопрос совсем не праздный. Рядом с унитазом в аналогичном бетонном обрамлении наличествует и мятая раковина. Над ней возвышается странная тонкая трубочка, изогнутая заковыристой загогулиной и старательно надломленная в нескольких местах. Никаких краников, пимпочек, ручек или иных необходимых рычаж-

ков что-то пока нигде не наблюдается.

– Нажмите вот на эту кнопку.

Ух ты, а я её родимую и не заметил. Её что, покрасили вместе со стеной для конспирации? Хорошая шутка местного юмора. Я с силой нажал на этот выступающий бугорок.

Результат превзошёл самые радужные ожидания. Струя тоненькая, но достаточно сильная, вырвалась из какой-то неприметной дырки в этой трубочке и полетела точно в направлении двери. Охранник резко отшатнулся за косяк. А мою подставленную ладонь оросили только жалкие капли.

Батюшки мои, да тут явно чья-то так и не завершённая битва задержанного Давида с надзирателем Голиафом. Но славное, э-э *жидкое орудие возмездия* сиделец от бессилия соорудил.

– Извините, – сообщил я охраннику, отпуская кнопку, – Очень оригинальный дизайн. Закройте дверь, я попробую руки помыть.

Он прикрыл дверь, а я, зажимая одной рукой колючие струйки, постарался помыть свободную руку. Зачем я это сделал, самому непонятно. Зато по самую шею обильно изрызгался водой. Полотенца здесь точно не предложат. Значит, предстоит сушиться естественным способом.

– Что мне дальше делать? – на этот тупой вопрос мне вдруг до дрожи захотелось услышать что-то типа такого родного русского: «Вали, урод косорукий, домой. Помочился в культурных условиях и живи себе дальше воспоминания-

ми».

Однако охранник задрал глаза к потолку и начал с неприятными причмокиваниями шевелить губами.

«С катушек съехал?» – я начал более внимательно к нему присматриваться, – «От увиденного припух и должностную инструкцию забыл, новобранец казематный?»

– Вы должны вернуться и поставить свою подпись в документах об изъятии вещей, – он стал загибать пальцы, – Получить постельные принадлежности. Можете взять Библию на английском или русском языках... или другие книги...

– А поесть или попить чего-нибудь горячего?

– Это потом. Выходите.

Я в какой-то прострации покорно проследовал за ним назад в дежурку. Бездумно подписал подсовываемые бумаги, получил назад пакет со своими разворошенными вещами и вернулся назад в камеру за номером 11. Швырнул пакет на странный бетонный выступ и остановился посередине камеры.

– Приплыли. Ну, здравствуй, хата! – я начал неспешно нарезать круги по новому месту обитания, – Явно не Кресты, но и до Европы как до Китая раком. Классическая чухонская Еврожопия-с. Точнее не скажешь.

Камера большая, метра четыре на четыре, но выглядит как многолетнее стойбище бомжей-вандалов. Запашок потрясающий. При первом посещении я как-то особо не обратил внимания. Был увлечён более насущной проблемой. Да

и дверь была открыта. Сюда надо проштрафившихся дегустаторов парфюма сажать вместо оздоровительной каторги. Вкусить, так сказать, реалий жизни.

– И что тут у нас в наличии-присутствии? – я заговорил громко, отгоняя неприятное чувство, сосущее под ложечкой – Сортир есть. Гибрид рыломойки с поливайкой тоже наличествует. Стульев, табуреток и прочих излишеств совершенно нет. Стол ...

Я стал внимательно рассматривать две узкие четырехметровые бетонные плиты, вделанные в стены перпендикулярно друг другу. Тут ясно прослеживается недюжий талант архитектора. Одна плита на высоте в полметра от пола и тянется из одного края стены в другой, а вторая, чуть повыше первой, тянется из другого угла и обрывается с небольшим зазором над низкой плитой. Или это нары на четверых – по двое в ряд спокойно улягутся, если не баскетболисты, или это стол и кровать для питона. Тут без стакана такой тайный замысел не одолеть.

– ... стол вроде бы тоже есть, но не эргономичный. Раз длинный, то значит для хапуг или лентяев. Но требуется личная проверка.

Я боком присел на край нижней плиты, но ноги в зазор между плитами не пролезали.

– Чешем темя – тянем время! Нормально пользоваться таким столом невозможно. Изогнуться можно, но на одной половине долго не просидишь. Очко у нас хоть и мягкое, но

не железное. Изобретательные, однако, люди возводили этот шедевр местного зодчества. С весёлой выдумкой. Ладно, пока оставим этот вопрос. В крайнем случае, будем принимать завтрак в постели. Как, впрочем, и остальную хавку. Если дадут.

– Нет, я ошибся, не очень богато, – я ещё раз осмотрел помещение, – Нигде ничего больше не притаилось? Ау-у-у! Ага, есть окно. Или это очередной обман зрения?

Под потолком в стену был грубо, но намертво присобачен закопчённый кусок толстого плексигласа. Без каких-либо отверстий или иных дырок. Абсолютно непрозрачный. Непонятного назначения предмет. Зато надёжно заделан здоровенными болтами. Видно, чтоб не колупали, мечтатели о свободе.

В самом углу, высоко над бетонной плитой, в стену вделано маленькое выпуклое полированное металлическое зеркальце сантиметров двадцать в диаметре. Я залез на плиту и полюбовался на своё отражение. Точно как в «Комнате смеха». Всё ничего, но в центре зеркальца кто-то нагло посадил грязное коричневатое пятно. Нет, ничего руками трогать не буду. И уж тем более отчищать чьи-то эксперименты с экскрементами. Бриться я здесь точно не собираюсь.

Так, а откуда же поступает воздух? Ага, нашёл. Нет, всё же оригинальные идеи возникали у строителей. Сразу и необразишь. Точно над унитазом, под самым потолком, слегка выступает выкрашенная в тон стенам металлическая пла-

стина с узкими прорезями. За ней что-то противно жужжит и подвывает. Явно всеми любимая принудительная вентиляция. Только вот холодный поток оттуда очень удачно спускается вниз, обтекает унитаз и очень навязчиво разносит небываемые ароматы. Спасибо вам, добрые люди. За искреннюю заботу о сырых и убогих постояльцах. Зато не душняк. Воистину, пир духа. *Пирдухата хата.*

Для очистки совести я заглянул под низкую бетонную плиту. Много пыли, но сюрпризов там больше не заготовили.

– Так, с меблировкой покончено. Начинаем изучать наскальную живопись и повести временных лет.

Выбор оказался весьма убогим. Большую часть занимала нацистская символика и стандартные призывы мочить инородцев. Удивляло только, как это верные апологеты Адольфа Алоизовича умудрились закоптить весь потолок своими изречениями. Тут до него метра три будет. Это уж как минимум. Явно смекалистые ребята сидели. Их бы в Сибирь на лесоповал, блистать рационализаторством и изобретательством.

Эротическая галерея обширна, но далека от соцреализма и страдает аномалиями и явно прогрессирующей гигантоманией. Хотя некоторые детали выписаны с поразительной точностью и потрясающей тщательностью. Видно с натуры писали, граф ети Шопенгауэры.

– Удачное соседство досталось, – произнёс я, обращаясь к унитазу, – Пара членовеков и масса недорисованных сися-

ходов. Но не сойтись им в вожделении. Зато и шуму не будет от кривого траха.

Несколько записей арабской вязью. Это для просвещённого Востока. Тут мне ловить нечего. Шведские надписи грубо перечёркнуты финскими лозунгами. Это обычно и знакомо. Местный семейный интернационализм.

Есть и английские. Но в основном слова из песен, лозунги и изречения из фильмов. Уж точно творчество особо продвинутой аборигентской верхушки. Раз своих мозгов не хватает – заимствуем красоты со стороны. Но это до боли знакомо и тут мы сами можем им любую фору дать. Все зомбированно живём с инерцией мышления по намертво вбитым стереотипам.

А вот пошли и славянские вирши. Русские, украинские. Обозначился и одинокий белорусский автор. Батюшки мои, да и из Казахстана один русско-матерный страдалец затесался. Интересно, но всё представленное славянское творчество состоит только из жалоб. Наверно обоснованных. Но видно натура у нас у всех такая. Понять о своих бедах и вечно пообвинять окружающих, особо выделяя злокозненных вышестоящих. И это перманентное состояние у нас называется «... а мы то к вам со всей душой».

Я аж подскочил на месте от дикого лязга открываемых запоров. Так и инфаркт можно получить запросто. Дверь со скрипом распахнулась. Молодой охранник поманил меня рукой.

«Неужели домой?» – мысль мелькнула, но стыдливо уползла.

Охранник подошёл к гражданской двери на другой стороне коридора, открыл и выжидательно посмотрел на меня. Я торопливо подскочил и заглянул через его плечо. Обычная кладовка. В одном углу лежит ровная стопка тонких поролоновых матрацев, по стенам на полках разложены подушки, одеяла и постельные принадлежности. В другом углу сиротливо притулилась коробка из-под телевизора, набитая книгами и журналами.

Следуя указаниям, я набрал себе положенный спальный набор, не отрывая взгляда от коробки. Вроде бы там проглядывают русские буквы.

– Могу я взять книгу?

– Да, но сначала отнесите в камеру свои вещи.

Ну, это запросто. Матрац легко сминался, подушка хлипкая и тощая как лаваш. А постельное бельё вообще невесомо. «Тонковата кольчужка», – прощупывая матрац, оценил я, – «Как бы на нём мужскую гордость не застудить ненароком. Интересно, они у японцев опыт перенимали? Это же так практично и экономно спать на жёстком. Хорошо, что мы не в Индии, а то выдали бы сейчас доску с гвоздями и пожелали сладких сновидений в нирване».

Быстро отволок казённое барахлишко в свою камеру и на рысях возвратился назад. Книги! Я ж не долбанутый археолог, надписи по стенам часами разглядывать, млея и кон-

чая от восторга. Выбор российских книг довольно большой – свыше 50 наименований. Оставленное наследство от соотечественников. Вот спасибо, родные, что не жмоты. Надо финнам подкинуть идейку в каждой камере повесить лозунг: «Прочитал – оставь скучающему товарищу. Не заржавеет».

А вот мне самому и в голову не пришло взять с собой хоть одну. Впрочем, как и еды с питьём. Впредь буду умнее. Тьфу-тьфу, типун врагам в подарок. От жадности я набрал сразу штук семь. Кто знает здешние местные порядки? А запас нары не ломает.

– Могу я взять все эти книги?

– Конечно, – охраннику явно наскучило наблюдать за моими копошениями в коробке, – Возвращайтесь в камеру.

В камере я аккуратно сложил книги на плиту и быстро обернулся к охраннику, который закрывал дверь:

– Извините, но можно попросить, или хотя бы купить здесь чего-нибудь поесть? И чаю горячего, – я сам с удивлением услышал жалостливые, и надрывные нотки в своём голосе. Ну, просто «помогите, люди добрые, мы не местные, а то так есть хочется, что даже переночевать не с кем».

– Ужин уже прошёл. Подождите до завтра.

– А чай?

– У вас в камере есть кран с водой.

– А можно попросить стакан?

– Вам его выдадут завтра.

– Да и хрен с тобой, скупердяй. Нас этим не запугать. Зна-

чит, без изжоги обойдёмся, – сказал я по-русски, но растягивая губы, имитируя добрую улыбку.

– Спасибо. Спокойной ночи, – вот ведь, гад, не врубился, но в ответ тоже улыбнулся этак благосклонно и головку набок склонил. Ещё бы каблуками щёлкнул, и честь отдал от осознания собственного благородства.

– Вольно, салага, – это я опять по-русски, а потом для его понимания уже на английском, лёгким подхалимажем – И вам того же, офицер. Добрых снов.

Дверь издала свои резкие траурные звуки и всё затихло. В наступившей тишине назойливо стала выделяться работа вентилятора или что там у них используется для принудительного круговорота газов в этой камере.

– А свет-то могут отрубить без спросу, – никакого выключателя я пока не обнаружил. Хотя он может где-нибудь и запрятан вохрастыми²⁰ конспираторами. Судя по первому накопленному опыту.

Я в темпе стал устраивать себе лежбище. Всё постельное бельё оказалось одноразовым и на ощупь напоминало стекловату. Самое подлое, что оно легко рвалось. Даже, несмотря на моё весьма бережное с ним обращение, в пододеяльнике и на наволочке появилось несколько дыр.

– Сволочи, могли бы и потолще сделать. Экономят на нашем брате. Ещё бы из туалетной бумаги наштамповали. И

²⁰ Военизированной охрана (ВОХР) – специализированные парамилитарные подразделения охраны с особым правовым статусом.

было бы экологически чистое бельё с последующей гигиенической утилизацией. Да и после подтирки можно в буржуйке на обогрев пустить. Ароматизированный. Ох, забурели они тут совсем перед зомбоящиками в своих заповедных лесах между тысячей озёр. Но ничего. Дайте ещё десяток лет и наши люди довершат им переворот сознания. Это легко, после Евросоюза-то.

Пару часов я промаялся, то вскакивая, то ложась. Выкурил не меньше пачки сигарет. Хмель никак не хотел выветриваться. Несколько раз принимался за книгу, но не только не читалось, но даже буквы при упорном рассмотрении начинали менять конфигурацию и подозрительно шевелиться.

В голове медленно накапливалась только никотиновая отравка при полном отстое идей. Наконец я плюнул, разделся и по пояс избрызгался холодной водой. Вроде полегчало.

– Расслабимся, проанализируем... прикинем к носу... сделаем выводы и примем меры, – я старательно замедлял шаги в своём бесцельном мельтешении по камере, – Психовать потом на воле будем. А сейчас думай, арестант *пиванутый*, каким боком тебя сюда занесло. Извилина, надеюсь, больше, чем одна, и упирается не только в анус.

Что я такого мог сотворить, что мной занялись таможенники из этого захолустья? Грешки за мной, конечно, водятся, но уж явно не такого масштаба. В последний раз в этой зачуханной Лапенрантовке я был полгода назад, когда встречался по поставкам в Россию цемента с неким ново-румын-

ским бизнесменом из бывших дипломатов славных времён Николае Чаушеску. Пусть ему земля будет мягким пухом.

Тот дипломатический муж, несмотря на приличный прикид, выглядел как типичный *вилявый* цыган-конекрад, готовящимся повернуть свой очередной мутный *хапок*. На этого сомнительного румына меня науськали финны среднего звена из одной весьма солидной компании, производящей деревянные дома из клееного бруса²¹. Они просто изнемогали от желания побыть «удавом», то есть «У-два» – Урвать и Утаить от компании и налоговой свой нехилый комиссионный процентик, который ещё до встречи со мной уже мысленно распилили и потребили на тихую зависть остальному малоактивному офисному планктону. В общем и целом всё выглядело как очередная банковская афера, так обожаемая в уже распухшей от подобного Европе.

Цемент из Италии (цены довольно низкие, но не особо подозрительные), но аккредитив должен отрываться на банк в Бельгии. Только вот владелец солидной доли европейской квоты на поставки этого цемента, зачем то окопался в финской глубинке. Да ко всему он ещё и широко просвещённый румын, представляющий компанию из Гонконга. Головоломка-с, господа. Тут без абракадабры²² не потянуть.

²¹ Имя этой компании достаточно известно, чтобы его здесь все поминать и под эту сурдинку нарваться на хорошо прикормленную стаю цепных адвокатов.

²² Между прочим, *abracadabra* это древнее магическое слово и означает «что было сказано, должно быть сделано». И только очень писучая и оттого чрезмерно разбогатевшая секретарша по имени Джоан Роулинг, превратила его во всемир-

Да, угрожал я на тот балаган с цементом целый месяц. Мне пришлось вести долгие и чрезвычайно заумные переговоры с двумя российскими банками. Постоянно быть на прямом контакте с кучей народу, жаждавшей заполучить этот цемент для последующих прибыльных перепродаж загибающемуся народному и быстро богатеющим частным хозяйствам. Это нормально. Но *халява никогда бесхозной не бывает*. Железное правило. Из желающих к ней приобщнуться можно *трофейные полки* создавать. Да что там полки – непобедимые армии.

Сделка, в целом, была слишком приторно хорошей, как настойчиво рекламируемый бесплатный сыр в дизайнерском люксе из никелированных перегородок. Я слишком быстро вынес твёрдое и *непоколебимое* убеждение, что пока *не отвечающим* скользким европейским *игрунам* нужен исключительно безотзывный аккредитив на полгода или подольше, чтобы кого-то кинуть в соседней стране тучных коров. Да и банк тамошний явно тяготился к нездоровой *левизне* в своих операциях. А полученный категорический отказ на поставку даже небольшой пробной партии меня в этом окончательно убедил. Уже к концу второй недели я всё пустил на самотёк и только изредка имитировал вялую активность. А вдруг оно действительно выгорит? Бывают же чуде-

но известное запрещённое заклинание смерти «Авада Кедавра». Игривая тётка. Но что-то в этом есть. Уловила суть. Жаль только, что на весь мир так громко разрезвонила.

са на свете. Потом сволочная жаба изнутри грызть будет.

Но одумался и от щедрот своей *дрогнувшей* души передал родным россиянам абсолютно все документы и обширную переписку с участниками этого захватывающего представления. Пусть штудируют и изучают. Ну а дальше... флаг им в руки и полковой барабан на натруженные уши.

Как я и предполагал, сделка тихо умерла, утонув в бюрократическом болоте российских банков, которые до сих пор совершенно вольготно продолжают жить по своим местечковым понятиям среди чуждых им бушующих штормов. Правда, впервые я этому весьма порадовался, так как тот нездоровый ажиотаж, который бурно разбрызгивали вокруг себя как российская, так и финская стороны, быстро и целеустремлённо подталкивал всю сделку к закономерному и печальному *фиаско*²³.

Тут я совершенно глупо захихикал. Надо же какое точное подвернулось словечко. Интересно, а вот если на шеи тех, особо активных, повесить пятидесятикилограммовые мешки с итальянским цементом и пустить особо вожделевших *проституттов* поплавать, то им наступит частичное или полное фиаско?

Блин, опять мысли унесло от темы. Это точно плохо переваренный заменитель солода так подзуживает.

Да, а вот если бы вовремя не смылся, то крайним в том це-

²³ Fiasco – большая бутылка (между прочим, свыше двух кило), которую озверевшие импотенты вешали на шею проституткам в средневековой Италии.

ментном безобразии вполне могли сделать лично меня. Из-за отсутствия у наших людей врождённой самокритичности. И получилось бы, что «не было у бабы забот, да купила баба поросё». Да ещё и за чужие деньги. А никому так до сих пор и неизвестно, кто был реальным хозяином российских денег. И порадовали ли этого таинственного хозяина *такие* заботы.

В России зачастую сие и есть всё и вся решающий фактор, определивший далеко не одну человеческую судьбу. Именно там материализовался знаменитый афоризм от Михайлы Ломоносова: «Ничто не происходит без достаточного основания», странно понимаемый *резкими* ребятами *a la хайло ломоносово*, действия которых могут очень-очень не понравиться разным заигравшимся *шустрикам*. Если, конечно, им уже не будет всё равно к тому времени. Да и понятие достаточности у наших *капитанов экономики* весьма расплывчато. *Бр-р-р.*

Так что свои расходы я быстренько списал и про сделку благополучно забыл. Бумаги извёл много, но результат достаточно штатный. И местную таможеню заинтересовать эта несостоявшаяся сделка никак не могла. Хотя, логику этих, которые при погонах, иногда вообще догнать невозможно. Максимум, на что должна бы сподобиться таможня, так это послать на имя моей компании нудный бюрократический запрос на краткий или подробный *донос* в устном или письменном виде. Но это совсем не вяжется с только что произошедшими событиями. Незачем им переться ко мне домой.

Значит, поедem дальше.

Может транзит? Вот это теплее. Достойная тема для творческого осмысления. В этой дыре моя компания не часто, но пользуется услугами двух экспедиторских компаний.

Одна из них мелкая. Угрюмый владелец средних лет с польской фамилией, но вынырнул здесь из туманных российских просторов. Человек без декларируемой истории. Для наших людей это нормально и где-то даже правильно. *Всё своё ношу в себе.*

Другая компания – самая что ни на есть крупная в этом регионе. По разным слухам её у шведов ещё на закате перестройки тихо, вполне мирно, но вот просто *неприлично* задёшево перекупили правильные московские *клифтовые фрики* с чистыми руками, холодным разумом и горячими до работы сердцами. Видно, там попутно прилагалось нечто такое *осязаемо-любопытное*, что от этого *предложения* доблестные потомки викингов никак не могли увильнуть. Формально все шведы сохранили свои посты и видимость близости к браздам правления. Однако подтвердили классическое «*ничто не вечно под луной*», когда они дружным строем переместились из хозяев в наёмные работники с ежегодно возобновляемыми контрактами. Интересно, им кто-нибудь из *клифтовых* в спину отпустил по-отечески напутственное, типа: «Господа, работать надо не за страх, а за совесть»? Мораль очевидна и тривиальна: *надо стараться держать рыло лица гладко выбритым и нигде не дать пробиться непри-*

личному пикиру. Но столько для людей соблазнов среди наших суровых реалий жизни!

Короче. Обе эти компании имеют прекрасно оборудованные таможенные склады, требуемую технику и оперативно предоставляют весь перечень запрошенных услуг. Интересно, так чьи же уши так неосторожно сейчас выползли?

Начнём с крупняка. Эта компания, как жена Цезаря должна быть у таможи выше всяких подозрений. Тут или уж очень большой зверь должен на столичном болоте сдохнуть, чтобы таможенники вдруг такую прыть проявили, не обломав при этом зубы. Или уже олимпийские игрища начались²⁴? Но мне сие достоверно не ведомо, да и знать о том особо не желаю. Уж слишком неприглядные там дела творятся. Но это опять же только по завистливым намёкам и закуливному трёпу. И держаться от этого надо как можно дальше, чтобы ненароком не зацепило.

А что у меня там было за последнее время? Сбор исключительно дорогого транзита из Америки и Европы. Переупаковка и новая комплектация по требованиям заказчиков и отправка на матушку-Русь по разным далёким и близким адресам. Какие тут могут быть проблемы с финской таможней? Да никаких. Весь отечественный геморрой на себя берут российские перевозчики, их скользкие декларанты и принимающая сторона. Меня совершенно не волнуют ни их вечно меняющиеся таможенные тропинки, ни временно создающие-

²⁴ В смысле схваток на Олимпе.

ся налоговые объезды.

Да и вообще от российских увлекательных финансовых игрищ финнам хоть и дико завидно, но они в них не лезут. Точнее, им туда и кончика носа не дадут просунуть. Просто как у Аль Пачино в фильме «Адвокат дьявола»²⁵.

Как это всем ни обидно, но разные вкусоности уже давно вельможено распределены, а что до изредка освобождающихся, то там расписана очередь друзей и родственников через Москву и Лондон аж до Чукотки. Стена сплочённая и стоящая намертво. Как там у Николая Тихонова? «Гвозди б делать из этих людей. Крепче б не было в мире гвоздей». Непреодолимый забор. Монолит «Посторонним ВВ». Или ВВП – «Вход Воспрещён Посторонним». Родная и так всеми любимая вывеска.

Делаем само собой напрашивающийся вывод:

– *Не верю!* — как наиболее точно и подходяще к этому случаю сообщил один *отщепенец* из знатной купеческой семьи Алексеевых, родословная которого была изрядно подпорчена жидкой лягушачьей кровью. Умная мысль нормального человека, хотя народ сих пор всю экзальтирует: «Ах, Станиславский, ах Константин Сергеевич». *Да без немировича никто бы ему и мелкого данченка не дал*. Но что не отнять, зрил мужик глубоко. И даже тут оказался прав. *Per aspera ad*

²⁵ «Look, but don't touch. Touch, but don't taste. Taste, but don't swallow». «Смотри, но не трогай; трогай, но не пробуй на вкус; пробуй на вкус, но не смей глотать...». © The Devil's Advocate.

astra. Или как это по-нашенски, по-крестьянски будет: «*Пролезть через ботву к корнеплодам*».

А корнеплоды таковы: пока этот монолит нашим олимпийцам нужен. Всегда будет слабовата Европейская Антанта в лице своих забытых окраин супротив таких связей и неисчислимых денежных потоков. Изредка только жалобно покаркает, но никогда не покушает. А то, глядишь, кусочек малый с барского стола *проворонит* от излишнего усердия.

Значит, *вилы* выползли через мелкую компашку.

Это минус, но это и плюс. Плюс в том, что у меня там светился только один российский клиент. Вот только уж минус большой. Из-за незначительности и крайней нерегулярности сделок я совершенно не помню, что там творилось в последнее время. Или вообще ничего не творилось?

В голове абсолютно никаких ассоциаций. Что ж, будем сурово голодоморить своих обленившихся серых бездельников. Кошмарить до ненависти к эклерам. Изгонять ранний склероз.

Стоп, а вот дальше мозганём по-порядку. Русский клиент. Алекс Как-Его-Там. У него две фамилии. Одна кошерная, другая для мест общего пользования. Но это его личные погрешности. У каждого в голове есть свой питательный грунт для экстравагантных идей. Да и наше бытие уже давно определяет только извращённое сознание. Пусть будет Алекс Банай-Строитель. Нет. Надо что-то покороче, а то опять не за-

помню. Сокращённо получается АБаС, или Абас.²⁶

Итак, где-то с год назад в Питере мне представили весьма предприимчивого коренного питерского перца из потомственных новгородцев. Он стал мажоритарием в транспортной компании, входящей в десятку питерских перевозчиков. Раньше славился лихим выдавливанием даже самых безнадёжных возвратов НДС, а вот теперь созрел и для более весомых дел. Осознание этого так переполняло Абаса, что я сразу и безоговорочно уверился, что залог его успехов был ещё и в исключительном занудстве, когда *нормальному народу было проще сдаться, чем объяснить ему, почему так дёшево категорически не хочется*.

Цель, озвученная мне этим Абасом, высвечивалась кристально ясная. Захват европейского рынка. Даже стратегия и тактика продуманная и выверенная, как у законченного шизофреника: сначала выбирается серия интересных товаров; потом агрессивный *promotion*, но ещё до окончания *раскрутки* начинается стремительная волна захвата *особо вкусных* сегментов рынка в Европе, пока там до конца ещё не осознающей своего катастрофического вползания в новый ледниковый период; и как финал – тотальная перестройка всей европейской инженерной инфраструктуры. *Грандиозный прожектец!*

²⁶ Так звали прадеда Персея, этого отпетого хулигана, бабника и летучего ворышки с шапкой-невидимкой. Или двугривенный – двадцатикопеечную монету, отмершую вместе с социализмом.

Я тогда, дружелюбно и уютно слившись с большой рюмкой чая, довольно вяло пытался что-то вставить про рекламируемое глобальное потепление климата, но был моментально сражён агрессивной и совершенно чумной аргументацией, после чего меланхолично вернулся к дегустации и обдумыванию по изменению своих планов на вечер. Как-то сразу захотелось сходить и пересмотреть на широком экране «Ice Age 2: The Meltdown». И особо полюбоваться деловой саблезубой крысо-белкой по имени Scrat на предмет наличия родственных связей с разошедшимся оратором.

– Итак, – вещал Абас, – Первый этап – жилищное строительство с использованием наших особо продвинутых панелей. Точнее стальных панелей-сэндвичей. Или сэндвич-панелей для строительства быстровозводимых зданий. Название на любой вкус.

И Абас, как главный и эксклюзивный перевозчик, то бишь Прометей новой эры в строительстве. Идея собиралки Lego стара как мир, но вся фишка заложена во внутреннем «умном» утеплителе, секрет которого был якобы тайно похищен прямо из страшно закрытой российской лаборатории с давно забытым космическим уклоном. По его словам выходило, что наши учёные-патриоты, отказывая себе в самом необходимом, где-то с семидесятых годов прошлого века лихорадочно бились над секретами изготовления этого утеплителя для орбитальной станции «Мир». И не только чтобы уязвить всё человечество ещё одним невиданным достижением со-

ветской науки, но и создать почти домашний уют для наших бесстрашных космонавтов.

Но тут грянула перестройка и разные богатые пиндосы-бездельники из NASA и примкнувшие к ним недоучки из европейского ЕКА настырно полезли в самые заповедные места. А всё стараниями жополизов от Меченного, которые потом коварными интригами принудили затопить станцию «Мир» – наше чудо инженерной мысли, *глубоко опередившее всех и вся.*

– *Враг не дремлет!* — на тайной партийной сходке решили мозгуны, оставшиеся не при делах. И чуть ли не под носом у вездесущих хорьков-наблюдателей NASA, ЕКА и CIA вынесли все материалы и разработки. Из чувства патриотизма и трогательной заботы о нашем бедном человечестве, до сих пор ничего не подозревающим о надвигающейся ледяной катастрофе.

И вот теперь бесценные документы по «умному» утеплителю полностью переданы одной патриотичной компании, которая по гроб обязана Абасу и без него сама на Запад не полезет. Но им патент пока взять никак нельзя, так как ментально и без всяких *royalty*²⁷ китайцы, индусы и прочие бразильцы с мексиканцами тут же завалят весь рынок своей дешёвой недоброкачественной продукцией и россиян нагло

²⁷ Роялти – вид лицензионного вознаграждения, периодическая компенсация, как правило, денежная, за использование патентов, авторских прав, франшиз, природных ресурсов и других видов собственности.

отпихнут далеко за обочину извилистой дороги к монополизму.

К этому бреду прилагались многостраничные расчёты убытков от потенциально невыплаченных компенсаций за использование такого патента. И категорический вывод: патент ни сейчас, ни в будущем совсем не нужен, так как без него *эти подлые пираты* ничего подделать не смогут, даже если упрут и раздракомят хоть чёртову прорву образцов.

Дальше шли сплошные дифирамбы. О, этот наш отечественный «умный» утеплитель! Он может почти всё. Тепло выпускает и выпускает по специальной программе. Легко дышит, но может и вообще не пропускать воздух. Поддерживает любую заданную температуру. Пыль к нему не пристаёт. А экология такова, что клопы, тараканы и прочие приبلудные членистоногие либо сразудохнут в этих условиях, либо агонизирующими толпами ползут на ближайшее кладбище, по дороге отравляя мух, комаров и прочих прорвавшихся импортных москитов. И только осчастливленный человек гордо цветёт и вкусно пахнет в своём новом жилище!

Вот такое *горлобесие* из серии: как узнают, так свихнутся от восторга и немедленно высроится очередь из зажавшихся завистливых лохов с толстыми лопатниками, готовых тут же снести все свои дома вместе с особняками, дабы освободить место под строительство своего отдельного такого умного и тёплого рая.

Потом пойдёт вторая волна – наша особая бумага. А затем

есть и ещё несколько весьма перспективных проектов.

Я тогда долго украдкой искал глазами потерявших нюх врачей или приколистов-телевизионщиков, а потом плюнул, похмыкал и сразу же совершенно обо всём забыл. И об открывающихся радужных перспективах для человечества, и об этом парне, *мерцающем в пограничном состоянии*, так долго и странно ещё не признанном окружающими благодетелем рода нашего вымерзающего. Он явно нарывался на личную главу в популярной книге «Как управлять миром, не привлекая внимания санитаров».

Но, как выяснилось, я ошибался.

История получила продолжение буквально через месяц. И уже сугубо в практической плоскости. Из Питера поступило проработанное деловое предложение, суть которого была проста и ясна. Что меня и потрясло. Честно признаюсь. Видно, что не сам оратор там руку приложил.

На первом этапе моя фирма берёт в аренду на год четыре специализированных трейлера для перевозки этих сэндвич-панелей и делает оптимальные логистические проводки до указанных грузополучателей или ближайшего к ним порта. Всё это разумно и обоснованно финансируется транспортной компанией Абаса под серьёзное поручительство.

На втором этапе, сразу по завершению начальной раскрутки, для нужд россиян приобретается небольшой таможенный склад, потом к нему докупается требуемый собственный парк тягачей и трейлеров и начинается игра с повышенными

ми ставками. Под всё это хозяйство берётся максимальный кредит в финском банке, и... «погнали наши городских».

Нос сразу почуял, что тут может пахнуть реальной синевой и зеленью уже от первого этапа. О личности Абаса я озадачил своих питерских знакомых. Ответ, по российским меркам, был оперативным и почти полностью отдавал позитивом.

Резвясь на ниве возвратов налогов, Абас мимоходом быстро заимел доли в некоторых российских и прибалтийских компаниях, а помимо своих питерских прикупил себе ещё парочку единиц недвижимости в дальнем зарубежье, но только для R[&]R (*recreation & relaxation*)²⁸. Неподъёмных долгов не имеет. В кидании партнёров или клиентов пока *особо* ни разу замечен не был. Содержит двух жён и нескольких *витринных* любовниц для разных городских тусовок. Азартными играми не увлекается. Из алкоголя предпочитает только коллекционный вискарь, а наркотой почти не балуется. А наличие двух разных фамилий в нашей многонациональной стране это вообще признак либерализма, здорового плюрализма и звонкий кукиш лютующему в отдельных головах диктаторскому режиму.

В сухом остатке выкристаллизовывался идеальный представитель российского среднего бизнеса. Почти реинкарнация Штирлица, такая Абас аватара Макс-Макс. Как там? «Штирлиц был извращенец. Поэтому во Вращенцах ему по-

²⁸ Отдых с развлечениями.

ставили бронзовый бюст, но только до пояса».

В биографиях клиентов я ещё и не с такими кульбитами сталкивался. И сразу стирал из своей памяти. На хрена мне эти *skeletons in the closet*²⁹? У каждого свои собственные забытые безделушки пылятся по старым шкафам, как постоянно убеждают нас милые и добропорядочные джентльмены, чьи предки гордо пронесли *тяжёлое бремя белого человека*, щедро удобряя весь наш голубой шарик красненьким. Что ж, историю пишут победители, а вот в шкафах обычно роются неудовлетворённые некрофилы для своих безумных конспирологий *без совершения активных действий*.

Итак, Абас рьяно рванулся в атаку на косную Европу. Ему бы для начала «Крепкий орешек» заново пересмотреть и вспомнить, о рекомендациях просвещённых людей по борьбе с *die-hards* - твердолобыми консерваторами, засевшими по своим хоть и устаревшим, но хорошо обжитым норкам. Так нет, он пошёл другим путём.

В январе-феврале он не выдержал российской волокиты и на свои личные деньги заказал у прибалтов специальную партию таких панелей в три сотни кубов. Они были, фактически по себестоимости, переправлены к рачительным голландцам для натурной проверки, с перспективой живого показа покупателям из *nether regions*³⁰.

²⁹ Скелеты в шкафу.

³⁰ Любопытное сочетание. Аллюзия (лат. *allusio* «шутка») – намёк на некий исторический или политический факт) на Нидерланды (*The Netherlands* – Нижние

Голландские ребята *дармовщинку* сразу, но чисто по-своему оценили. И тут же использовали их в плановом строительстве каких-то малопривлекательных курятников для беженцев в труднодоступной деревенской местности. Да, и как это у них обычно водится, *удачненько* отхватив за это кругленькую сумму из государственного, точнее общеевропейского, бюджетного кармана.

При этом Абасу впаривали, что со строительством попутно проводятся всевозможные тесты и уже почти сделан сертификат соответствия. И это при просто невозможном втискивании *bletcherous Russian substandard* (бездарную российскую некондиционку) в жёсткие европейские рамки качества, что само по себе требует массу времени и просто немалого количества денег. Посему отсрочка платежей за доставленные сэндвич-панели вполне уважительна. Да и вообще за такую работу благородным потомкам *Flying dutch* (*летучих голландцев*) ещё и приплачивать надо. И очень-очень много.

Абас месяца три бился аки лев. Какие-то деньги он отбил, но ни собственной прибыли, ни ожидаемого нездорового интереса от своих тюльпанистых *укурков* так и не увидел. Тогда он устремил свой взор на берега туманного Альбиона, где наши многочисленные *внедренцы* и трепливые *сидельцы*

земли). Nether regions – Нижние регионы, ад, нижняя часть тела (человека); генитали. Здесь в значении «из голландского Зажопинска».

уже способны растолковать этим местным *limey*³¹ особенно-сти национального прорыва в строительстве.

Ведь недаром сказано, что «из всех наций на свете англичане – самые глупые в беседе и самые умные в деле»³². Абасу осталось только на практике реализовать эти философствования пуританского шотландца о важности труда и всепобеждающей силе разума. Абас исхитрился и договорился с англичанами о передаче панелей в датском порту *Århus* или Орхус. По его задумке участие в частичной доставке груза должно было придать дополнительный импульс всей этой сделке и подогреть общую заинтересованность. Моё мнение тут его не особо интересовало, да я почти и не дёргался. Задача поставлена, деньги уплачены – значит, мы будем так любезны организовать доставку по назначению и в срок.

Тут и его российский заводик вроде как худо-бедно *за-функциклировал*.

Изменение страны отгрузки добавило мне головной боли. Потребовалась организация растаможки этих панелей в Финляндии для их свободного перемещения по Европе. Только это позволяло использовать арендованные стокубовые *шторочные* трейлеры. Но был и плюс. В них можно осуществлять погрузку сразу с трёх сторон, а это сэкономило

³¹ Лайми – насмешливое название матросов-англичан из-за постоянного жевания долек лайма, как одного из наиболее действенных способов предотвращения цинги в британском военно-морском флоте в 19 веке.

³² Thomas Carlyle, 1795-1881, шотландский писатель, историк и философ.

массу времени, снижая риск механических повреждений.

Для реализации этого далеко идущего начинания, Абас запросил у меня список финских экспедиторов, расположенных неподалёку от пограничных переходов: Торфяновка-Vaalimaa, Брусничное-Nuijamaa.

В течение недели он добросовестно их всех объездил и остановился на самом маленьком и неприметном, гордо сообщив, что может довериться только этому владельцу с такой родственной душой. Так был найден финский перевалочный пункт, который на втором этапе мог рассматриваться уже как объект для целевой покупки.

Поставки начались и шли почти еженедельно с июня по август. Потом всё замерло. Самое любопытное, что я точно помню дату последней поставки. 08.08.08. В этот день началась Олимпиада в Пекине, а Грузия наивно посчитала, что она выросла из заокеанских памперсов *Libero Up&Go* и уже имеет полное право утопить в демократии свои отсталые северные районы.

В этот столь по-китайски «счастливым» августовский день на меня налетел шквал нервных звонков, пустопорожного мыла и даже факсы через паутину стали протискиваться. Случилось невероятное. В порту Орхус, сразу после разгрузки, бесследно исчез трейлер с панелями. Все компании, причастные к перевозке этого трейлера, буквально встали на рога, стараясь скинуть с себя ответственность. И начали долбить меня уникально тупыми вопросами о том, куда этот

lousy trailer (*паршивый трейлер*) мог пропасть, как будто я с утра до вечера только и делаю, что плясую в свой персональный хрустальный шар, отслеживая его продвижение.

До Турку он был точно доведён транспортниками и благополучно загружен на паром. С парома уронить и утопить его не могли, как на это многие резонно надеялись, так как вроде бы есть отметка, что по прибытию в порт Орхуса он борт судна всё-таки покинул. А вот с территории порта точно никогда не был вывезен. Электронная система слежения за грузами там почти идеальна. Так, где же он?

Самым невозмутимым всё это время оставался только датский транзитный склад. Его работники на все сторонние поползновения и дёрганья отделялись либо стоическим молчанием, либо лаконично, но туманно информировали, что этот вопрос у них находится *в стадии рассмотрения*.

Паника из России через Финляндию до Дании и Англии постепенно нарастала. И что? Через две недели пыльный, но всё ещё полностью нагруженный трейлер совершенно случайно был обнаружен в самом центре неоднократно прочёсанного порта. И обвинения посыпались друг на друга.

Я моментально последовал примеру датчан.

А вот после этого поставок панелей больше не было. В сентябре российский производитель, вслед за всем мировым кризисом, то ли *упал* в финансовые проблемы, то ли вообще обанкротился, но эта тема больше не поднималась. Абас был в полной прострации и скрылся в своих заморских вла-

дениях. У нас с ним остались *подвисшими* незакрытые финансовые вопросы и пять контейнеров никем не востребованной бумаги, застрявшие на транзитном складе возле Лаппеенранты.

Сегодня пятое ноября, а таможня только очнулась? Да и какое им дело до товара, полностью растаможенного три месяца назад? Да, сперва вроде бы утерянного, но потом всё же благополучно найденного в далёкой и сказочной Дании. Что, при растаможке в трейлере они потеряли важные плоскогубцы или особо секретный молоток? Случайно оставили заныканный конфискат? Да нет, не похоже. А вот забытых в нём *плечевых* в рассмотрение даже не берём. Такого бы финны никак не допустили. У них на феромоны многолетний нюх и стойкий безусловный рефлекс. Значит всё не то.

Думайте, сударь, думайте, но только верхними мозгами.

Для придания активности процессу, я покрутился по камере. Рассеянно попускал струйку воды из изувеченного краника на дверь. Бездумно поглядел на расплывающуюся перед дверью лужицу. Видно знают и любят финны старинную русскую присказку о том, что *от грязи микроб дохнет, а глист сохнет*.

А у меня ничего пока не срастается. Хоть тресни. Хотя, стоп! Надеюсь, что это не *Big Brother watches you everywhere* (*Большой брат следит за тобой повсюду*)...

– *А город подумал – ученья идут...* – вдруг дурным голосом проорал я, – Если некоторые высоколобые умники за-

думали тут шутки шутить, то глаз на пятку натяну и на нём брэнчать заставлю. Матерные частушки. Ха-ха, очень смешно. И где у вас камеры понатыканы? Отвечать, когда спрашивают!

Тишина. Значит это не проделки местного телевидения. А жаль. Вместе бы посмеялись. Я ещё посидел. Потом полежал. Походил. Значит всё по серьёзному. Тогда опять возвращаемся к нашим баранам.

Ну, нет никаких зацепок. Никто ничего такого не говорил. Не писал. Не звонил. Стоп. Звонил. Кто-то звонил. Баба какая-то и что-то там смешное проверещала. Или мужик? Да нет, вроде точно баба. А я ещё поохмил. Про рояль в кустах? Нет... вспомнил! Позавчера вечером, когда я сидел, зарывшись в документы, раздался звонок и женский голос сообщил, что ко мне вроде бы скоро придёт груз, но русского водителя отправили на *перевес* и *рентген*.

Я, всё ещё витая в своих заботах, тупо спросил, а на кой ляд *водителю взвешиваться и делать флюорографию в Финляндии, когда он это мог и дома сделать?* Новые правила, что ли ввели?

– Нет, – этак терпеливо так ответила тогда собеседница, – Водитель отправлен на таможенный пост для взвешивания и прохождения рентгеновского контроля. Обнаружен перевес груза. Теперь он проходит обычную проверку на наличие контрабанды.

– Нашли что-нибудь?

– Пока нет.

– Вечно у нас всё через ж... жареного петуха, который никак не клюнет. Могли бы себе и нормальные весы закупить... без гирек. Позвоните, если проблемы будут. Не было печали.

– Обязательно.

– А точно мой груз? У меня никакой заявки не поступало.

– Не знаю. Если ваш, то мы потом перешлём все документы.

– Ну и ладушки.

Она ещё запросила телефон питерских транспортников, чтобы что-то там уточнить. Я ей его дал, а напоследок даже отмочил что-то тупое, но оптимистичное, типа *водила с контрабасом всяко лучше, чем грузчик со скрипкой*.

Накаркал, *чухона вошь!*

Я тогда и внимания не обратил на этот звонок. Ну, хоть бы что в душе ворохнулось. А какая причина? В день десятки ненужных звонков. Ничего не произошло, чтобы напрягаться и вникать в ситуацию. Никаких документов так и не поступило. Рядовой пустопорожний трёп из-за обычной российской неразберихи.

А ведь, похоже, что это именно то. Прямо как первый переведённый польский слоган "*Coca-Cola this is it*" – «*Coca-Cola to jest to!*». *To есть то*. Я до сих пор помню яркое детское впечатление от своей первой поездки за границу, когда увидел такую рекламу, занимающую центральное место в газете "*Rzeczpospolita*" – «*Ржач за поллимпра*». Вовремя вы-

ползло из омута памяти.

Значит, водила с контрабасом.

Контрабас, контрабас, контрабасище.

Я вышел на середину камеры и стал громко декламировать, путаясь в давно забытых детских стишках:

Ехали медведи

На велосипеде.

А за ними раки

На хромой собаке.

Вдруг из подворотни

Страшный великан,

Рыжий и усатый

Та-ра-кан!

Таракан, Таракан, Тараканище!

Он рычит, и кричит,

И усами шевелит:

"Погодите, не спешите,

Я вас мигом проглочу!

Проглочу, проглочу, не помилую".

Звери задрожали,

В обморок упали.

Только и слышно,

А трамвай переехал отряд октябрят.

Последнее явно не из той оперы, но сегодня и это сойдёт. Всё-таки я вроде выкарабкался из полного неведения. Это уже хорошо. Но неожиданно заметил, что продолжаю отбивать какие-то корявые коленца и корчить рожи.

Приплыли. Только ещё описать от восторга осталось. *Майкл в Джексоне шалил, и яйцо себе отбил.* Пиво выдохлось, но продолжает хулиганить.

Итак, контрабас. А учитывая количество бездельников, которых согнали меня арестовывать, то такой *хороший контрабас*. Тяжёлый. Это уж тысяча пудов и маленький золотник за шкуру. Ну ладно, всё окончательно прояснится при встрече с таможеней.

Да, а что из России везут в Финляндию нелегально? Бухло, сигареты, бензин. Нет, водила бензином заниматься уж точно не будет. Это больше удел самих финнов из приграничных районов. Да и его седельный тягач явно плохим русским дизелем светлое финское небо коптит. С сигаретами и бензином финны разбираются сразу на месте. Мелочёвку с помпой изымают, челноков по возможности штрафуют, лишают виз и высылают на поруки не проспавшимся коллегам.

Процедура также аналогична для монет, марок, орде-

³³ «Тараканище» © Корней Иванович Чуковский (Николай Корнейчуков).

нов-медалей и прочих малозначительных произведений живописи, скульптуры и разного прикладного искусства. Что уж точно не является моими проблемами. Да и Финляндия не земля обетованная для сколько-нибудь ценных раритетов. Здесь и ширпотреб давно уже толково не пристроить. Как там? *Налетай, не скупись, покупай живопись!* Хотя нет, здесь бы больше подошло *эй, народ, прочухнись, задарма живопись!*

Наркота. Вот с этим предметом я напрямую не знаком. Всё только как-то понаслышке. А жаль, как теперь может оказаться. Все знают, что Питер и Выборг это не только местами красиво, но ещё и большие перевалочные пункты нарко-трафика. Сам не видел, но информация точная. В голове сразу закрутилось: *Anybody who rides a bike is a friend of mine* (*Всякий, кто ездит на байке – мой друг*). Видно подсознанием навеяло. К чему бы это? И при чем тут байкеры и наркота? Связь, конечно, имеется, но есть одно большое «но». *Лично не участвовал – скажи твёрдое «нет» своим домыслам.* Велосипедная цепь слишком убедительный аргумент, если у самого ничего не припрятано в загашнике.

А что там ещё в голове осталось из школьного учебника? *He's always ready to get his nose cold* (*Он всегда готов дёрнуть кокса*). Это что-то не туда. *Don't panic, it's organic* (*Не паникуйте, здесь все органическое*). Совершенно согласен, что давно пора провести настоящую реформу школьного образования и избавить его от тлетворного влияния реформато-

ров. Помню, ещё была такая весёленькая песенка: «*Анаша, анаша до чего ты хороша*»! Но это сейчас тоже не поможет.

А как с этим дела у самих финнов, если действительно мои уроды-партнёры дурь сюда притащили?

Когда-то давным-давно я попал на весьма экспрессивную международную полемику волосатых яйцеголовых о проблемах наркомании в Финляндии. И какие крупницы и осколки знаний я тогда вынес?

В Российской империи, куда позднее, в качестве военного трофея, наши оттяпали у шведов Великое княжество Финляндское, всё замутил неугомонный Петр якобы Великий. Для начала он отстранил от борьбы с наркотой церковные власти и решительно отказался от действенной тактики уголовных преследований царя Васильевича.³⁴

Петр Алексеевич, побывав за рубежом, быстро понял, что табак, который, между прочим, *самый распространённый наркотик в мире*, не менее прибыльный товар для нашей страны, «отставшей от просвещённой Европы», чем хлебное вино сиречь водка, приносящая до трети всех полновесных *тугриков* в худую казну. А вот всю прочую мало употребляемую и почти *нерентабельную* наркоту он просто перевёл в разряд политических преступлений. Так и пошло.

А докатилось до того, что Государственная Дума перед самой революцией чуть не легализовала оборот и потребление

³⁴ «Иван Четвёртый, Царь Всея Руси, прозванный за свою жестокость Васильевичем». © Larousse, издание 1903 года.

любых наркотических средств. Ну, а как у любящих трепологию демократов, вкупе с либералами, это обычное дело. Зачем головой думать, если язык хорошо подвешен? Сразу после революции обиженные владельцы фармацевтических предприятий в ответ на большевистскую экспроприацию выкинули на «черный рынок» всю имеющуюся на складах *дурь*. И полку наркош резко прибыло. Но даже это не помогло *белоручкам* супротив красного *мозолистого кулака*.

Как я понимаю, финны эту проблему начали пристально рассматривать значительно позднее обретения страной *дармовой* независимости. Судя по всему, только с того самого момента, когда местные государственные мужи стали мучительно изобретать дополнительные пути высасывания денег из населения. Исключительно для поддержания вечно спадающих штанов в стране, столь удачно спёртой из-под самого носа большевиков. Заметили, на что народ лишние деньги тратит. И произошло это задолго до начала всемирной борьбы с наркоманией.

По одной из услышанных мной версий, основной причиной всплеска потребления одурманивающих препаратов в народившейся республике явился резкий демографический взрыв на территории тогда ещё полностью аграрной Финляндии. И наложился он на древний обычай наследования по семейному старшинству. Старший сын получал всё, дабы хозяйство не дробилось и не разбазаривалось, а остальные многочисленные домочадцы могли или бесправно батрачить, по-

лагаясь на доброе сердце нового владельца, или свободно переселяться в безразмерную *индейскую народную избу «Фиг-Вам»*.

Это, да ещё и устойчивый высокий уровень безработицы заставили многих финнов наивно поверить в Америку как в *страну великих возможностей* и помечтать в эмиграции избавиться от нищеты и начать новую светлую жизнь. Словно книжек начитались «*How to Make It in America*» (*Как преуспеть в Америке*)³⁵.

В конце XIX – начале XX веков началась интенсивная эмиграция финских крестьян. Большинство на пароходах отправилось в США, в основном на земли северного штата Мичиган³⁶.

Основная масса выходцев с глухих хуторов, годилась только для черновой работы. Экономя на всём, они не только пытались скопить хоть какие-то деньги, но и ещё и поддерживать оставшихся на далёкой родине. Работали на износ. Вот тут то они и натолкнулись на достижения передовой химии. И неопенимым *подспорьем* стал бензедрин, ныне более известный как амфетамин. После запрещения кокаина, врачи стали использовать в своей практике амфетамины и

³⁵ Последний великий американский диссидент, комик Джордж Карлин однажды высказал очень мудрую мысль: «... это называется Американской мечтой потому, что вы должны спать, чтобы верить в неё».

³⁶ Так, на «Титанике» было 86 граждан Российской империи, из которых 59 жителей из Великого княжества Финляндского, что, согласитесь, немало для 3-х миллионного финского населения того времени.

его производные, синтезированные из эфедрина, для лечения апатии, повышенной сонливости, чувства усталости. Даже детям спокойно прописывали при плохой концентрации внимания. В аптеках свободно продавалось как лекарственное средство для ингаляций. А какой он давал эффект! Резко поднималась активность, по всему телу растекалась бодрость, наступало радостное настроение, внимание чудесно концентрировалось и сходу решались все проблемы, а аппетит снижался, и пропадало желание спать. Просто мечта!

И стоила эта *панацея* значительно дешевле не только всяких там куртуазных кокаинов или экзотических опиумов с гашишами, но и нормальной человеческой еды. А потом в Штатах как-то вдруг и сразу всех этих щедро декларируемых *великих возможностей* стало хватать далеко не на всех. *The American Dream* быстренько усохла до простого выживания. Началось чистое *плющилово*. «Великая депрессия» плавно перетекла в мировой экономический кризис, который для финнов ещё ощутимее обострился в период Зимней войны, а потом и вообще всё закрутилось в кошмаре Второй Мировой. У народа появились очень *веские* причины для возвращения из-за океана в родные пенаты. С новыми знаниями и пристрастиями. И начался *эффект домино*.³⁷

³⁷ Причём стоит отметить разительное отличие от истории принудительного насаждения картофеля в России. Это когда относительно полезные «земляные яблоки» из которых можно печь хлеб, варить каши, готовить пирожки и разные там клёчки, встретили яростное сопротивление старообрядцев. Они провели простую акцию «Нет чёртовым яблокам!», да наглядно показали, что плоды ро-

У финнов всё прошло быстро и благопристойно. Народ в механизированной Америке слегка пообтесался, научился гайки крутить да трубки в спирали сворачивать, а уж с рекламным делом ознакомился на собственном кошельке. Смекалка и торговая жилка позволила и себя обеспечить, да и соседям помочь. Благо результат виден сразу. А власть вообще спокойно на это смотрит. Даже поощряет. Амфетамин *пошёл* в свободную продажу. Ещё бы. Едят мало, работают много³⁸.

Тут накатили военные действия и амфетамин стал уже жизненно необходим. И для снайперов-кукушек, и для бойцов при их многодневных перемещениях по бескрайним зимним лесам и болотам. Еды на всех не напасёшься, а шишками со снегом не насытишься. А тут невеликий солдатский сухпай да с таким потрясающим эффектом.

Немцы тоже подсуетились и даже поделились со своим верным северным союзником дешёвым производством первитина и других амфетаминовых стимуляторов. Даже шоколадные конфеты *Panzerschokolade* с ними стали продавать. На все случаи жизни³⁹. Страх стирается, но, правда, и

дятся с головой и глазами, как у человека, а посему есть картофель – значит пожирать души человеческие. Моментально по всей Империи покатались нескончаемые картофельные бунты.

³⁸ Это как цыган, который свою лошадь совсем было есть отучил, а она возьми да и сдохни. © Из опыта разных народов.

³⁹ Наши пресловутые «наркомовские сто грамм» – это просто жалкая пародия и дразнительное издевательство над бедным солдатским организмом в стрессовой

боевые потери повышаются. Ну, а на потери никто внимания никогда особо и не обращает. Какой ценой и что достигается – на это штабные писаря в тылу имеются. Цензурой сурово натасканные на *победные реляции*. Войну временно выигрывает тот, кого первым поздравят по радио и в газетах.

После войны финны запоздало спохватились, что с мозгами уж у слишком многих что-то не в порядке, да и дети стали появляться, ну как бы это помягче сказать, не совсем соответствующие статусу венцов творения. А то и вообще печать мудрости не оставляла отметин на массе народившихся послевоенных голов. Такое даже по хуторам долго не скрешь. Вот тут уже власти зашевелились и *деньгой* вдарили по этому делу с широким привлечением всей мощи своей развитой пеницитарной системы. И стали бороться прямо таки с коммунистическим азартом и неуёмным рвением, что из чувства противоречия разожгло повышенное любопытство подрастающего поколения и непреодолимое желание лично вкусить запретный плод.

Но зато народное хозяйство получило нужные дороги, вручную пробитые сквозь гранитные скальные выступы и спрямлённые через болота. Тут Сталину финнов не переплюнуть. Да ещё и дармовая шефская помощь перепала коренным жителям *саами*, которые ютятся за Полярным кру-

ситуации. Кстати, Америка, почти не воевавшая во второй мировой войне и до 60-х годов использовавшая амфетамины исключительно в медицинских целях, испытала эпидемию на него значительно позже, после того, как эти препараты стали использовать для лечения героиновой зависимости.

гом. Они хоть и *саами с усами*, но сами ничего кроме возни со своими оленями не признают. *Дикие люди*.

И эта нескончаемая битва так с тех пор и потянулась в бесконечность (с переменными успехами сторон), ибо нормальное полицейское государство никогда и никому не позволит безнаказанно отщипывать даже крохи от доходной кормушки, на которую оно само наложило свою нарко-контрольную лапу.

Может всё это и так, а может и не совсем так.

Это местное *табу*, а из самоконтролируемых средств массовой информации узнать подробно можно только о наркоманах в России, которых на колёса с иглой посадило тоталитарное государство, агонизирующее под железной пятой злобных Пу и Му и примкнувшим к ним расплодившихся родственников и иного чекистского люда. Иногда только проскочит здесь небольшая заметка об успехах американцев, удачно разбомбивших огородик особо несговорчивого мелкопоместного наркобарона где-нибудь на задворках Латинской Америки.

Да, изредка *краткой строкой* ещё, может, шведов пнут по старой привычке, но без особой язвительности. По эстонцам, как совсем *отсталым финно-уграм*, проходятся вообще без помпы, просто бегло констатируя их как главных поставщиков *синтетики* в Финляндию. Типа, ну что с этих взять, они же *с оккупированных территорий*. *Жертвы совков. Советской оккупации, если забыли сокращение*.

А вот об удесятёрившемся наркотрафике из Афгана после свержения власти Талибан странами НАТО (где и финны отметились) здесь боятся даже думать, не то, что вслух говорить. Хотя и сюда ох как немало перепадает⁴⁰.

Зато иногда просачивается удивительная информация, что в Афгане не может, ну никак, быть уничтожен единственный источник дохода у нищих людей. Они же живут во второй по бедности стране мира! Так вот пусть себе что-то там выращивают. Вместо хлеба насущего. И скромный такой намёк, что у них под боком Россия. А уж эта страна большая, всё дерьмо через себя пропустит и переварит, а бедным трудягам-афганцам монетку малую подбросит на прокорм.

Вот такие продвинутые *булочки с маком*⁴¹ супротив отсталых *батонков с героином*. Но это не моя хворь. У меня здесь и так своего счастья по самое не хочу.

В голове замелькали кадры из американских боевиков. Кровавые разборки, колумбийские галстуки, контрольные выстрелы, мрачные допросы с мордобоем и электрический стул – как *happy end*. Добрые голливудские картинки от дядюшки Сэма.

– Нет, – твёрдо сказал я себе, – Этого не может быть, потому что не может быть никогда! Тут за наркоту сроки такие,

⁴⁰ Но свобода слова упрямо молчит в полный рост. И это при том, что свыше десяти процентов населения пробовало или регулярно сидит на наркоте.

⁴¹ – Мамочка, ну купи мне булочку с маком!– Может тебе ещё и батон с героином, наркоман малолетний?! © любимые анекдоты.

что мама не горюй. Не Азия, но хватит с избытком. И ведь не отмоешься. Остаток жизни можно на нарах музицировать.

Да нет, маловероятно. И собаки у них там учёные, и приборы всякие навороченные. Таможенники сами, как псы натасканные. Стукачей полна страна. И не только платных, но и по зову сердца.

– Это воображение разыгралось, – я погрозил стене кулаком, – С бодуна и от голода. Такого в жизни не бывает. Всё должно быть проще и прозаичнее. Завтра во всём разберёмся. Ну не полных же идиотов здесь понабирали? Спокойно посидим со следаком. Всё расставим по своим местам. Закроем эту тему и потихоньку слиняю домой.

А если на все эти вопросы ответ «нет»? И тут я почувствовал, как на меня начинает накатывать и холодеть в груди. И постепенно весь организм стал наполняться тяжёлым дерьмом как испорченная канализация.

– *Звиздец, приехали... Здравствуйтесь девочки!* – я вскочил и опять начал безостановочно кружить по камере, – Так, мрачные мысли из головы выкинуть. Всё образуется и всё будет хорошо... пива больше в рот не возьму, а то бред какой-то в голову постоянно лезет. *О, Господи, спаси и сохрани!* А теперь раздеться, лечь на нары и заснуть. Утро вечера мудренее... или мудрёнее... Медленно и глубоко дышим, глаза закрываем и закатываем. Считаем козочек-овечек. Раз.. два... три... сволочи... четыре... не дай Бог, наркота... пять... узнаю, урою...

Пробуждение было просто отвратным. Забылся я только под утро, выкурив две пачки сигарет и доведя себя почти до коматозного состояния. Как там говорится *головка бо-бо, денежки тю-тю, а во рту страшная бяка*. Симптомы страдалецев птичьей болезнью *перепил*. Очень похоже.

Набатов загрохотало в двери и раздался такой душераздирающий скрип, что я чуть не свалился со шконки, или как они там у себя культурно обзывают эту пыточную бетонную плиту. Теперь понятно, почему они петли не смазывают. Бьет по ушам, как серпом по яйцеклеткам. Видно в сугубо воспитательных целях.

Незнакомый охранник застыл у открытой двери с тележкой.

Зевая и почёсываясь, я босиком прошлёпал по холодному полу, получил тарелку серой каши, несколько кусков хлеба (видно учитывают наши русские нравы!), пачку молока и маргарин в мелкой расфасовке.

Вид каши почему-то отчётливо ассоциировался с прозекторской. Да ещё и эти весёленькие склизкие комочки. Но жрать захочешь и не на такое позаришься.

– А можно попросить горячий чай или кофе?

– Кофе только в выходные дни, а чай выдаётся на ужин. – ага, попался говорящий, что странно.

Выглядел охранник как киношный *пейзанин*, нацепивший хоть и пижонистую, но совершенно неудобную городскую одежонку. Униформа на нём висела даже не мешком, а как-

то вся наперекосяк. Или это у меня глаза расфокусировались? Я прищурился, потом покосился в разные стороны. Вроде нет. Да и парень весь из себя какой-то пришибленный, кособокий, при том, что белёсый до бесцветности. Типичный представитель современного молодого племени из близ живущих хуторян. Результат не первой родственной долбёжки. В хозяйстве не помощник, образование по настроению, специальностью явно не обременён. А тут на полном довольствии, одет-обут, работа не обломаешься, да ещё и *бабосы* раз в месяц настырно перечисляют. Небось, родственнички подсуетились и пристроили. Но хоть по-пиндосски выучился лопотать. Явно из-за телевизионной зависимости⁴².

– *Это не разгильдяй, а идейный пофигист с уклоном в бытовую синеву*, – произнёс я по-русски.

– Thank you, – ответил на мою мнимую благодарность охранник, начиная прикрывать дверь.

– Э-э-э, погоди, – я чуть за дверь схватился, но опомнился, – А когда будет представитель таможни?

– Не знаю.

– А что мне делать?

– Ждать.

⁴² В Финляндии все сериалы, фильмы и прочая пустопорожня развлекаловка, занимающая львиную долю телевизионного времени, идут в основном на английском с мелкими финскими или шведскими субтитрами. Классический вид обучения и обследования «не отходя от кассы». И народ читать тренируется, и зрение постоянно проверяет, да и американское произношение на будущее себе ставит.

– Как долго?

– Не знаю. Они сами придут за вами.

– Когда? Сегодня, завтра, через месяц?

– Не знаю, но думаю на этой неделе.

– Что? И я здесь всё это время должен торчать?

– Да, – он захлопнул дверь с финальными аккордами своего петле-засовного инструмента. Это куда круче *водо-бочкового*.

Вот тебе и раз! А я-то думал, что у них всё горит. Так, вчера была среда, сегодня – четверг, а завтра – пятница. Потом выходные. Боюсь, по выходным здесь народ не работает. Значит, сегодня-завтра всё уже решится и назад, домой.

Лязгнула, открываясь, кормушка в двери и там обозначилось лицо охранника:

– Забыл сказать. Ваша жена чувствует себя хорошо.

– Что? Она позвонила?

– Нет, она здесь неподалёку от вас. В последней камере. Её привезли вчера поздно вечером.

– Зачем? – от такой неожиданности я даже присел.

– Арестовали.

– А её можно увидеть?

– Нет.

– Передать записку?

– Нет, – он с силой захлопнул кормушку.

Вот это номер! Они арестовали мою жену! Кому скажешь – не поверят. Вот ведь напасть какая. Она у меня из семьи

потомственных староверов. Для неё и слегка приврать – это чуть ли не смертный грех. А тут *здрассьте-пожалте* в тюрьму на нары.

Ох, грехи мои тяжкие. И за что мне это всё? *Нутром чую, ждёт меня дома суровый разбор полётов с многократным показательным расстрелом перед строем*. И это как самый лёгкий исход после таких событий.

Да что ж такое творится, люди добрые? Жена работает в очень крупной французской фирме и никоим боком с моими делами не связана. И чего такого ужасного смогла таможня обнаружить, если всех начинают грести под одну гребёнку? Хорошо, что детей пока не трогают. Или только пока? Срочно нужны версии. Интересно, а я сейчас способен на простейший *brainstorming* (*мозговой штурм*)? Или совсем усох за ночь?

Итак, начнём изучать приходящие в голову версии.

С моим паспортом, утерянным в прошлом году, попался Усама бен Ладен из-за просроченной американской визы, шантажируя пограничников ворованным ядерным чемоданчиком? Нет, сейчас бы вокруг было оцепление из гогочущих *US paratroopers* (*парашютистов*), мошкаррой крутились вертолёты и отовсюду лезли смазливые комментаторши попережку с суровыми корреспондентами. Да и я с ним никогда не был лично знаком, хотя теоретически и мог. Все жители планеты родственники в 16-м или 17-м колене. Что наказуемо. Были же у нас члены семьи врага народа (ЧСВН)?

Незадекларированная тонна особо чистого полония для традиционного королевского чаепития в саду Букингемского дворца? Нет, нигде не видно чопорных дипломатов и типографских плакатов спонтанных демонстрантов.

Какая-нибудь очередная заблудившаяся «Булава-2008» так удачно приземлилась на один из моих трейлеров, что тупой водила её даже не заметил? Но тогда бы вокруг местные вояки крутились с сияющими глазками, жадно потирая свои загребушие потные ручонки. Или вообще бы стояла вороватая тишина, а на мой дом просто упал заблудившийся метеорит.

Что-то, ещё похлеще? Да нет и так полный бред. Здешним местным не по Хуану такое сомбреро. Мелковаты для взрослых интриг.

В животе противно бурчало, но аппетит пропал напрочь. Я лёг и уставился в потолок.

– *Подкрался незаметно маленький пушистый зверёк, – стал я утешать себя тихим голосом, – И в лесу стало тихо как на погосте. А звали его *Alorex lagoris*, что по-русски означает полный алопекс... со здоровенным таким лагопусом. И так он славно порезвился, что наш мемориальный лес носит его имя. Навечно.* Как говорят обрусевшие латиняне: «*Топи в вине горе – по колено будет море*⁴³». Жаль, но

⁴³ *Memento mori* («помни о смерти», «помни, что смертен») – латинское выражение, ставшее крылатой фразой. В Древнем Риме эта фраза произносилась во время триумфального шествия римских полководцев, возвращающихся с победой. За спиной военачальника ставили раба, который был обязан периодически

никто точно не нальёт.

Я ещё поворочался, осторожно жалея себя, чтобы не переборщить. Но требуемое успокоение никак не наступало. Наоборот всё ощутимее пробивалась тревога за жену. Как она там?

Неожиданно для себя я уснул.

А вот проснулся я, как ни странно, с улыбкой на лице. Потому, что во сне вспомнил, что в выходные заставил себя убить пару часов, но сделать все платежи на неделю вперёд. На счетах компании осталось не больше четверти маленького зелёного лимончика. Обидно, что не успел оприходовать на какое-нибудь бесполезное дело. Теперь налоговая свои загребушие лапы будет тянуть. Этим только дай самый незначительный повод. То ещё *воронье шакальное*.

– И всё же это я удачненько подсуелся. Теперь клиенты и не озаботятся моим кратковременным отсутствием. *Отряд не заметит потери бойца*. Срочных дел нет. На складе сейчас пылятся только пять контейнеров дурацкой бумаги в рулонах. Но они уже полгода там торчат и есть пока не просят. Значит, сейчас с головой погружаемся в местную экзотику. Будет что в старости порассказать внукам. В стиле Жени Бондова под *shaken, not stirred*⁴⁴ - то бишь *смешишь, а не*

напоминать триумфатору, что несмотря на свою славу, тот остаётся смертным. Возможно, настоящая фраза звучала как: *Respice post te! Hominem te memento!* («Обернись! Помни, что ты – человек!»).

⁴⁴ «Взболтанный, а не смешанный». Известно, что Бонд пьёт коктейль «[Мар-тини](#)» с водкой. Обычно коктейль «Мартини» украшается оливкой или долькой

болтать.

А свой не приезд в Питер замотивируем как-нибудь... тайная операция... дешёвая интрижка... как там нас учил Великий Лысый Вождь нашего шебутного племени⁴⁵? Скупают как миленькие, да ещё и завидовать будут. Значит, и тут вывернемся.

Я допил жалкие остатки молока, сделал себе суррогатный бутерброд и решил повнимательнее ознакомиться с народным творчеством на предмет углублённого изучения и перенятия доселе неведомого передового опыта.

Начнём с малоисследованных участков стен. Что у нас на кириллице? Преобладали записи выходцев из славного города Выборга. Этакая летопись пойманных с поличным и ожидающих своей участи. В основном за сигареты.

Вот только сроки, которые они провели в этой камере, оптимизма как-то не добавляют. От двух недель до трёх месяцев. Что-то невероятно долго. Или это обычные наши приписки, дабы особо подчеркнуть свою значимость? Или это просто эстафета между знакомыми?

Меня заинтересовала очень подробно описанная душе-лимона. В нём присутствуют 2 ингредиента. Водка, коктейли с которой взбалтываются в шейкере, и вермут, который НЕ наливают в шейкер так как это вино со специями и добавляется в коктейль по методу билд (когда ингредиенты коктейля комбинируются непосредственно в посуде подачи.). Это ставит бармена в замешательство. Поэтому слова Бонда все проясняют. Бармен должен взболтать только водку со льдом в шейкере предварительно не смешивая её с вермутом.

⁴⁵ «Жене сказал, что пошел к любовнице, любовнице сказал, что пошел к жене, а сам в библиотеку и учиться, учиться и учиться!»

раздирающая история некой сердобольной девы. Жаль, что она не оставила своих инициалов для истории. Я бы ей черкнул пару сочувственных строк.

Судя по стилю, это была средних лет *businesswoman*, а точнее *wheeler-dealer* (автомодиллер), которая кратко, но ёмко описала свою поездку из Питера на деловую встречу в Хельсинки.

Я замечтался и просто явственно ощутил, как...

... она стремительно неслась тёплым летним утром, пребывая в прекрасном расположении духа. Короткие взгляды, бросаемые в правильно повернутое зеркало заднего вида, только поднимали настроение. Прическа не растрепалась, лицо свежее, макияж неброский, но эффектный. Надо только в Выборге не забыть остановиться и купить пару бутылочек минеральной воды Perrier.

Лихо запарковалась на площади у железнодорожного вокзала и пошла за водой. За её спиной машина ласково мяукнула сигнализацией и осталась терпеливо ждать возвращения хозяйки.

Воду она нашла быстро. На всякий случай купила ещё пару пачек Vague Menthol и зажигалку. Когда уже расплачивалась, к ней подошли две симпатичных девушки-старлетки. Рыженькая и белокурая.

– Извините, пожалуйста, – очень вежливо спросила рыженькая, – Вы не в Финляндию едете?

– Да, а что случилось?

– Мы на автобус опоздали. А нас ждут в Котке. У нас через четыре часа морской круиз начинается. Мы никак не успеваем. А такие деньжищи заплатили. Вы не могли бы нас подвезти? – на глазах у девушек синхронно навернулись слёзы, – Ну хоть куда-нибудь поближе. Вам же по пути?

– Конечно, мои дорогие, – от осознания собственного благородства у неё даже глаза увлажнились, – Доставлю прямо в порт. У меня ещё есть свободное время.

Девушки притащили два больших новеньких чемодана и загрузили в багажник.

«Хорошо, что я без вещей», – подумала она, – «Небольшая сумка только с самым-самым необходимым на один день».

Дальше поездка проходила очень весело. Девушки щебетали и наперебой благодарили спасительницу. Благодетельница млела и даже неожиданно разрешила старлеткам курить в машине, чего обычно и себе не всегда позволяла.

Русские пограничники и таможенники были предупредительны, галантны и сияли улыбками глядя на такой цветник. Даже старались дышать в сторону своим профессиональным многослойным.

Идиллию, как это обычно и бывает, грубо испохабили на финской стороне. Сначала долгая очередь на паспортный контроль. Потом к машине выполз жирный неряшливый таможенник и хмуро попросил открыть багажник. Он толстым пальцем с грязным обломанным ногтем постучал по чемоданам и приказал отнести их на досмотр. Девушки

как-то увяли, но чемоданы послушно поволокли.

Каково же было изумление окружающих, когда из чемоданов стали извлекать многочисленные блоки сигарет, пару дюжину бутылок, а под самый конец и пухленький красочный пакетик, набитый разноцветными таблетками с выдавленными на них смешными рисунками.

Старлетки моментально зарыдали в голос, размазывая сопли и тушь по лицу, и надрывно возопили:

– Это не наше! Мы это впервые видим. Она нас силой заставила, – они тыкали пальцем в благодетельницу, – Теперь нас дома точно убьют! Спасите нас. Требуем политического убежища по программе защиты свидетелей!

Через пару часов всё ещё хлюпающих девиц, после нудных, но суровых нравоучений, с рейсовым автобусом отправили назад в Выборг. Правда, предварительно загасив Шенген.

А наша героиня была доставлена прямиком в эту камеру. Где и просидела почти месяц. Прокурор требовал для неё пять лет за организацию и руководство преступной группой, а также конфискацию машины в счёт покрытия несусветного штрафа.

Её последняя запись была: «Суд завтра в 10:30. Неужели меня посадят в тюрьму? За что?»

*Я долго в задумчивости смотрел на ровные аккуратные строчки на стене. Не приведи Господь, стать вот такой *plaything of destiny* (игрушкой судьбы). Доброта наказуема, но тут уж явный перебор. Очень надеюсь, что её просто депор-*

тировали, и она отделилась лёгким... ничего себе лёгким... не смертельным испугом.

Интересно, а подвезёт ли она ещё раз хоть кого-нибудь голосующего *hitchhiker* (*путешественника автостопом*)? Или ей уже этим на всю оставшуюся жизнь вбили, что *Ното homini lupus est – Чувак чуваку волчара позорный?*

У остальных всё слишком прозаично. И скучно. Воистину, даже как-то справедливо в той главной книжке написано: «*Да воздастся тебе по делам твоим*».

А вот местные нацисты могли бы хоть имперского орла изобразить для разнообразия. И что их так циклит на этой свастике? Простота изображения? Тогда почему некоторые свои святыни они вообще не в ту сторону повернули? Авангардисты детской неожиданности. Им бы не мешало советские фильмы посмотреть для ликбеза. У нашего Михалкова поучиться. Может и со своими мотыгообразными крестами было бы легче разобраться. Только вот как они на потолке копотью буквы выписывали – это действительно интересный вопрос. Светочи-пропагандисты. Прометеи-копильщики.

Ну их, пойду лучше к обнаженной натуре. *У непутёвого Митьки на уме лишь титьки*. А ведь правы психологи, если долго всматриваться в стену, то и все эти достоинства начинают зазывно разглядывать тебя. Просто жуть берёт.

– *Вы кохайтесь, девчата, та не з москалями. Москали бо злы робята. Лихо зробят с вами*, – негромко напевая, я стал придиричиво изучать немногочисленные экспонаты, – Мы та-

кие. У нас амбиции имперские, очень даже зверские.

Н-да. Бедный Пикассо с его непотребными пятнадцатью именами⁴⁶. Вот откуда надо было черпать истинное вдохновение для его *голубого* и *розового* периодов. Просто невероятно, какая тут сознательная деформация натуры! А непостижимая кубистическая тайнопись! Потрясающее стремление к гармонизации колорита! И всё это здесь канет в Лету при очередном ремонте. Да и где они теперь, эти гении, так и не признанные местным судьёй-ретроградом?

Из-за этого, возможно, не смог народиться какой-нибудь *кубогеизм*. Я представил себе мрачное эпическое полотно, наполненное внутренним трагизмом, когда *волосатый цилиндр из последних сил делает предсмертные фелляции мохнтому октаэдру, отчаявшись пристроится для ирригации...* и истерично захохотал в полный голос. Надо бы финнам космический штраф выставить за такую безвозвратную утерю, о которой пока не знает, но уже горько скорбит весь цвет тонких ценителей и знатоков живописи. Готов предложить им свои услуги. Под грабительские комиссионные.

А вот это по-нашенски. Заботливая рука старательно выцарапала для соплеменников финско-русский словарь необходимых слов и выражений в тюрьме. Подробно и с любовью. Видно долго ты здесь парился, раз такой образованный стал.

⁴⁶ Pablo Diego José Francisco de Paula Juan Nepomuceno María de los Remedios Cipriano de la Santísima Trinidad Mártir Patricio Ruiz y Picasso.

Да и гвоздик как-то сумел заныкать. Или шурупчик выкрутил во время допроса. *Мастер из прорабки – золотые грабки.*

А что это за обляпанные листочки? Ух ты, тут на финском, шведском и даже на русском есть. И наш *рассейский* листочек, как всегда, самый замызганный. Ого, оказывается, тут живут по распорядку. Жаль, что я часы дома забыл.

– *Зазубрить устав до дыр приказал нам командир*, – я двумя пальцами брезгливо приподнял листок, – Так, трёхразовое питание. Душ по понедельникам и по пятницам. Ежедневная часовая прогулка. И усё. Негусто. Хорошо, что с туалетной бумагой проблем нет, а то и об этих событиях остался бы в неведении. Хотя... надеюсь, что его не употребляли в... э-э-э... гигиенических целях. А то пятна какие-то сомнительные.

Я брезгливо бросил листок назад и пошёл отмывать руки. Однако любопытство скоро взяло вверх, и я, после нескольких кругов по камере, вновь остановился и стал разглядывать листок с российским текстом. С приличного расстояния и убрав руки за спину. Надо дать выплеснуться стрессу.

– Где? Где, я вас спрашиваю, – я помахал указательным пальцем в сторону потолка, – Где просветительская работа среди вверенного контингента? Почему нет концертов художественной самодеятельности? Где лектора? И эти... как их тут лучше обозвать... маннергеймовские комнаты и синие

уголки с наглядной агитацией. «Пьянству – boy/girl» в зависимости от ориентации, «Наркотикам не место в вашем кармане», «Контрацепция при допросах», ну и там что-нибудь фольклорное: «Используй баян только по прямому назначению»... и на другие актуальные политические темы.

Я сделал поворот кругом через левое плечо и строевым шагом подошёл к двери:

– Разрешите доложить, господин двенералиссимус – я потопал на месте как греческий солдатик из почётного караула, но почему-то отдал честь только двумя пальцами, – При проверке отмечены серьёзные недостатки. Плохо поставлена идеологическая пропаганда. Все вокруг умные, а строем до сих пор не ходят. Хулиганские надписи и рисунки своевременно не замазываются. Проправительственные лозунги и патриотические призывы отсутствуют. А вертухай три раза в день кормят без всякого общественно-полезного труда. Получается и напрасно, и совсем даром. Временно задержанный клязу сдал. Разрешите идти?

Новый поворот и я принял вальяжную позу и брюзгливо оттопырил губу:

– Развели порнографию, понимаешь, – в моём голосе произвольно послышались рыкающие нотки и пьяная обида, – Хрен нарисовать не могут нормально. Зага... загы... в общем... хулиёвинка какая-то мелкая. Их бы к нам, за Урал... сразу бы узнали, что и как рисовать... на специально отведённом участке... там, тайга, понимаешь... простор.

Орешки кедровые. Во-о! Да, и картина должна быть... ого-го, понимаешь... чтоб медведи шарахались... А тут тьфу и растереть. Писюльки городские. Я уверен, что никто из нас... из вас... с таким... из России не сбежит.

Я немного походил, приводя горло в порядок, и вспомнил нашего многоорденного и незабвенного. С причмокиваниями зашамкал:

– Бэз меня... все сосиски сраны... распались и бэгутъ на гавно... пстите, нога в ногу... в капи... тлизъм. Да... пэрэдовое учение... товарища... э-э-э... Крупского... забыто. Тут ещё... пно... граф... и я. Вон... на потолке... я вижу... вроде Карлсон... тут писанину развёл... предал... нашего ненецкого друга Энгельсона.

Я встал в гордую позу и отчеканил, почти по-военному, отмахивая рукой и слегка кривясь:

– Мочить таких... от слова худо... не в чистом сортире, а исключительно в забродившей параше. Общество должно отторгать всё, что связано с таким сексом. Я бы лично про себя столько не смог написать... и не только тогда, когда уже схватили за одно место. Никаких экспериментов здесь не будет. Над крысами пускай эксперименты проводят. У нас страна огромных возможностей не только для преступников, но и для государства... если у человека есть фуражка и сапоги, то он может обеспечить себе и закуску, и выпивку.

Я глубоко выдохнул. А вот от ныне высоко парящего ничего такого исторического, кроме глубокомысленного «м-

да», на моих мозговых скрижалях пока не процарапалось. Он как-то застрял в переходном периоде из Хлестакова до Огурцова. Да и кавказские события ничего нового в его копилку не добавили. Мягковат он у нас, закалка не та, да и вообще... хотя, может подрастёт ещё, заматереет. Если земля даст, в чём пока столичные *политбрёхи* сильно сомневаются. В ожидании перемен можно только стиль слегка подправить.⁴⁷

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета.
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область эстета.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно,
Третий храни: поклоняйся Мамоне,
Всё остальное лишь тлен и бесцельно.*

Заскрипев, грохнувшись на железные стопоры крышка кормушки. Обед. Интересно, сколько уже сейчас? Мои часы нагло сачкуют где-то дома в своём родном футляре и безмятежно тикают к стадии раритета.

– Который час? – очень вежливо спросил я у нового конвоира.

Тот удивлённо вскинул брови. Я выразительно похлопал

⁴⁷ «Юному поэту» © Валерий Яковлевич Брюсов

себя по запястью. Он подумал и показал свои часы. Правда, издалека. Значит, имеет опыт. Ну, ни фиги себе, только пятнадцать минут двенадцатого! А я думал, что уже глубокий вечер на носу.

Я забрал запаянный пластиковый поднос и отнёс его на свой импровизированный стол. Затем возвратился за хлебом, молоком и пакетиком с одноразовыми столовыми приборами.

— *Kiitos*, — выразил я благодарность из своего бронзового финского запаса. Есть ещё золотой, но оба заветных слова, взлелеянных и туда внесённых, я лучше поберегу исключительно для особых случаев⁴⁸. Серебряный запас состоит из

⁴⁸ За всё это время из финского языка я для себя выделил только два слова (не считая местных неубедительных ругательств), которые могут передать не только мои эмоции, но и текущее состояние души и тела. Они настолько вкусные и аппетитные, что я не могу ими не поделиться: *Imuroida* – хоть и означает такое прозаическое действие как *пылесосить*, но главное, как это слово можно подать! *Имуройда* просто заменяет мне все российские *неопределённые артикли*. Налегание на протяжное «*p-p-p*» в широком диапазоне от грассирования до рычания покажет всю гамму ваших потаённых мыслей о конкретном событии. А непринуждённо вкраплённая частица «уройда» позволяет внятно и доступно описать любую особенность человеческой натуры. Уважаю человека, давшего этой стране такой универсальный вербальный инструмент. *Raato* – имеет более широкую смысловую нагрузку, обозначая не только *труп*, *стервятника*, но и *стерву* обоих полов (ну нет в финском языке понятий *он* или *она*. *Всё у них оно*). Использовать его надо хоть и довольно часто, но весьма осторожно. *Ra-a-a-to* надо говорить угасающим голосом, показывая свою смертельную усталость и полную неспособность к выполнению даже простейших мыслительных действий. Лично мне это слово напоминает последний вздох души, отлетающей в мир иной. Мой младший сын, родившийся уже в Финляндии, ввёл, на мой взгляд, совершенно ко-

старательно заученных ругательств и ряда производных от них. Их я произношу обычно скороговоркой и без всякого акцента. В некоторых случаях очень помогает. Но сейчас явно не время.

– *Huvvää ruokahalua!* – радостно ответил охранник.

– *Kiitos samoin*, – усилил я своё спасибо на это идиотское пожелание. У меня и аппетита никакого нет. Хавку беру только чтоб организм поддержать. И добавил на родном, растягивая губы в лёгком подобии улыбки:

– *Сгинь, милый, с глаз долой. У меня сейчас такой мутьильник, что стравлю ненароком. Не отмоешься потом.*

Охранник кивнул головой, довольно улыбнулся и захлопнул кормушку. *Весело же некоторым сидеть по другую сторону.*

Интересно, а где эта доблестная таможня? И сколько ждать, когда она даст «добро» и отправит меня взад своим ходом?

Есть вообще не хотелось, да и обед выглядит как-то вызывающе несъедобно. Я отодрал верхнюю плёнку, принял себя и стал разглядывать содержимое, разложенное по разным углублениям.

Неестественный зеленовато-жёлтый щербатый рис, пожухлые листочки салата и какие-то кусочки, щедро залитые

шунственный перевод этого слова как «падаль» со странным ударением на втором слоге. Поверьте, просто противно услышать от молодого отрока: «Опять лежишь, как падаль?» в момент очередного исключительно важного созерцательного процесса. И вдвойне обидно за его плохое знание родного русского языка.

голубоватым соусом с красными прожилками. Что, Finnair⁴⁹ уже готовится к банкротству и по дешёвке распродаёт неиспользованные запасы? Или, наконец, царские резервы прокипятили? Разложили из неразложившегося? Я осторожно подцепил вилкой кусочек чего-то похожего на мясо, обтёр, как сумел, соус об край подноса и опасно засунул неопознанный объект себе в рот. Вкус кошмарный. Стиральная резинка в кисломолочном соусе с явной отдушкой плесени. И уже без всяких церемоний я сделал ладонь «ковшиком» и пальцами собрал в неё все кусочки. Передёргиваясь от брезгливости, сходил и честно попытался промыть их водой.

После *заморения червячка* я долго прислушивался к странному звуку, которые испуганно издавал мой желудок. И всё ждал, когда меня начнёт неудержимо *нести*. Неторопливо наготовил многослойных лент туалетной бумаги для долгого сидения. Но нет, желудок только горестно повздыхал, да и утомился, бедолага. Свыкается, однако.

Одно радует, что хлеба здесь дают много. Как и молока. Скоро начну, как Ленин из хлеба делать чернильницы и молоком тайные прокламации писать. Будут им ноябрьские тезисы на долгую недобрую память.

Чёрт! Время тянется не то что медленно, а просто отвратительно медленно. И книги совсем не помогают. Каждую страницу приходится перечитывать по паре-тройке раз, что-

⁴⁹ <https://www.finnair.com>

бы понять, что там автор задумал. Зато уши у меня медленно, но верно трансформируются и превращаются в локаторы, пытаюсь уловить любые посторонние звуки за дверью. Довела, *чудь козлодоева*, до коренной перестройки организма. Так и до полного *сдвига* недалеко осталось. Стану эльфом травоядным или ещё кем похуже.

Наконец я не выдержал, решительно сполз с нар и стал делать зарядку. Сто медленных приседаний, два прихлопа, три притопа. Потом снова. Отжиматься не будем. Пол такой, что никакая химчистка потом не спасёт. Я покосился на нары, но одёрнул себя. Это постельное бельё и так от одного взгляда расползается, а тут мужчинка в полном расцвете сил плюхнется с потугами на гимнастику. Буду потом, как морская свинка в лоскутках себе норку вить.

В коридоре зашаркало. Вот и колёсики заскрипели. *Кто-кто в теремок к нам ползёт? Небось хавку вертухайчик везёт?* Лязгушечки-скрипушечки. Кормушка-кормушка, отворись, покажи, что от щедрот губернских нам местный интендант оставил. Ах, как негусто. Три кусочка колбаски, маргарин и опять много хлеба. Жлоб вы, дяденька-интендант, желаю вашей скромной дачке вырасти только до третьего этажа и покрыться цинковой крышей, вместо черепичной. И протечь весной до самого подвала.

– А чай?

– Сейчас принесу, – ну, слава Богу, с этим хоть поговорить можно.

– Сегодня таможенники будут?

– Не знаю.

– А завтра?

– Не знаю.

– Который сейчас час?

– Четыре ровно.

– А до какого времени разрешаются допросы?

– Не знаю.

– А завтра таможенники будут?

– Я охранник, а не справочное бюро.

Уел, вертухай, так уел. Ещё бы сказал: «*I am a whore screw, not forecaster*» (*Шмара вертухай я, а не синоптик*), то я точно бы знал, что наши люди здесь *шорох* наводили⁵⁰.

– Не знаете, как себя чувствует моя жена?

⁵⁰ Один из вариантов очень старого анекдота: Приходит деревенский парень в городской публичный дом. – У вас есть особые пожелания? – С детства мечтаю об интеллигентной, как моя училка. – Нет проблем, – отвечают ему, – Проходите в двенадцатый номер. Здоровенный бугай провожает парня до двери с номером 12, тихо стучит и на цыпочках уходит. Дверь открывает молодая женщина-синий чулок, затянутая от подбородка до пяток в строгое глухое платье, волосы убраны в пучок, большие черепаховые очки на носу. В номере книжные шкафы от стены до стены, тахта, наводящая на мысль исключительно об отдыхе. «Да», – теряется парень, – «Что-то я переборщил. О чём с ней вообще говорить? Начнём с простого». – Э-э, не правда ли, сегодня хорошая погода? – Да, – очень серьёзно отвечает женщина, поправляя свои очки. «Господи, она разговор не поддерживает» – начинает нервничать парень, – А-а, и вчера была хорошая погода? – Да, – опять серьёзно подтверждает она. «Вот черт, что же ещё-то ей сказать?» – лихорадочно думает парень, – А как вы думаете, завтра тоже будет хорошая погода? Женщина тяжело вздыхает: – Молодой человек, да побойтесь бога, я бл...дь, а не синоптик!

– Хорошо.

– Что, головой об стену бьётся или только рыдает?

– Нет, она сейчас ест.

– Какое у неё настроение?

– Хорошее.

Ну и что это может значить? Как я себе представляю, шок у жены должен быть просто невообразимый. Вот так возвращаешься с работы домой, а тут раскручивается такой экстрим. Принудительно-ознакомительное посещение тюрьмы. А дома, между прочим, двое детей. Полный беспредел. Хотя очень надеюсь, что дети практически подойдут к отсутствию родителей. Ну, день-два и мы разберёмся в ситуации. Это вам не Басманный районный суд города Москвы, в конце-то концов. Здесь чуть ли не самая старейшая в Европе реальная демократия. Никакого беззакония и ничто просто так не падёт на мою неповинную голову. Это я в криминальном смысле.

– Можно попросить таблетку от головной боли?

– Да, но не больше двух.

– Почему?

– По инструкции.

– А если через час я попрошу ещё две?

– Запрещено. Я не могу выдавать больше двух таблеток на одного человека.

– В день?

– Нет, за свою смену.

– А у охранника из новой смены я могу попросить?

– Да, но он вам не выдаст, так как я сделаю отметку в компьютере.

– А если попрошу завтра снова?

– Будет решать начальник завтрашней смены.

– Тогда можно попросить одну таблетку от головной боли и одну таблетку снотворного, чтобы мне не выйти из вашего лимита? — в голове сразу бравурно зазвучала старая рекламная заставка: *«Замучила бессонница? Переезжай в Херсон!»*

– У вас есть рецепт врача?

– С собой нет, – я сделал скорбное лицо, – Но, понимаете, всю ночь не спал.

– Без письменного разрешения врача я не смогу выдать.

– Хорошо, тогда дайте только две от головной боли.

– Сейчас принесу.

Это «сейчас» растянулось минут на сорок. Я весь извёлся в ожидании. Он их там что, сам синтезировать решил? У меня тут башня лопается и просто откалывается кусками. *Да ещё какая-то сволочь всю ночь в камере курила и за собой не проветрила.* И остатки пищи никакого благоволия не добавляют.

Может здесь выдают персонального тюремного поросёнка на прокорм? А что? Свинья как образцовый санитар камеры. Звучит гордо. *Каждый урка растит свою Мурку.* И берёт повышенные обязательства: *«Я тебя кормил-поил, я из тебя и шашлик-пельмен делать буду».*

Наконец-то, приполз мой алхимик. В раскрывшуюся кормушку охранник просунул мне два стаканчика. Один *махосинький* такой пластиковый с двумя таблетками и одноразовый бумажный с тёплым чаем. Щедро. Этак от посуды скоро деваться будет некуда.

– А что делать с мусором? Пахнет очень сильно. В унитаз не пролезет. Вам отдать?

– Ох, извините, забыл. Сейчас принесу, – не закрывая кормушки, он неторопливо отошёл в подсобку и вернулся с большим чёрным пластиковым мешком, – Когда заполните мусором, то вынесете его из камеры.

– Как я его вынесу, если я тут постоянно сижу?

– Когда пойдёте на прогулку.

– А когда прогулка?

– Утром.

– Но меня никуда не выводили сегодня утром.

– Для этого вы должны были сообщить, что хотите выйти.

– Я не знал. Теперь сообщаю. Сейчас можно пойти на прогулку?

– Нет, только утром.

– И как я должен доложить о своём желании?

– Позвонить.

– Как позвонить? Дать три ярких зелёных свистка? Sorry! Вербально имитировать звонок телефона? Стучать головой в дверь?

– Нет, у вас здесь есть звонок.

– Где? В камере уж точно нет. Я здесь всё осмотрел.

– На стене в углу, – он просунул руку по локоть через кормушку и помахал в сторону стены.

– Это же зеркало... – сказал я и запнулся. А с чего это я решил, что это зеркало? Маловыпуклая полированная металлическая полусфера с дерьмом по центру, – Подождите, секундочку, я сейчас проверю.

Я оторвал от рулона туалетной бумаги очень солидный кусок, обернул кран и намочил водой. Даже капли не попало на дверь. Потом подскочил и потёр грязное пятно. Под ним была малюсенькая кнопочка.

– Действительно есть. Он у меня был грязью заляпан, – радостно сообщил я охраннику, – Но теперь я его отчистил. Вот видите, – я помахал туалетной бумагой перед кормушкой. «Не, ну я уже полный дебил, отставший от прогресса», – поморщившись, подумал я, – «Это ж надо было принять эту хреновину за зеркальце. Заботу об арестованных обнаружил, утопист с гуманизаторными глюками».

Я кивнул охраннику, закрывающему кормушку, выкинул туалетную бумагу в унитаз и спустил воду. Потом помыл руки и торопливо проглотил обе таблетки. Прислонился спиной к двери, помахал руками для просушки.

– Надо ещё раз всё осмотреть. Может здесь ещё найдутся разные скрытые неопознанные примочки? Ну, там потайной выход на случай пожара, жучки, камера видеонаблюдения, то-сё, – я широко развёл руки в стороны и произнёс голосом

инопланетного посланника, – *Я пришёл с миром. Я гуманоид. Ничего не ломать. Тихо сидеть. Только жена забрать. Домой уходить. Дети сильно скучать.*

Скрытные они, эти финны. А то я вот так, вознесусь орлом на горшок, а потом окажется, что цинично и демонстративно порчу ценное государственное имущество некоего секретного ведомства. Заведут дело «Финляндия против русского дерьмоносца-калометателя». И буду всю жизнь расплачиваться за *gadget-вредительство*.

Ну ладно, подурковали и будя. Так, таблетки уже принял. Сейчас клыки наскоро полирну и под одеяло. Жалко, что нормально не умыться. А постоянно обрызгивать бедную дверь уже надоело. Никак руки не дойдут этот кран назад отогнуть. Значит, пока не будем смывать счастье с моей щетинистой физиономии. Ну, вот и всё. Потопали в люлю. Без ляли. Пока башку хоть слегка отпустило.

Очнулся я от энергичного потряхивания. С трудом разлепив глаза, я попытался сфокусироваться на мутной фигуре охранника:

- Доброе утро. Который час?
- Восемь вечера.
- Я что сутки проспал?
- Нет. Наверное, час или два.
- Что случилось?
- Вас ждёт следователь.
- Ну, слава Богу! Я сейчас.

Покачиваясь, я ринулся к своей брызгалке и влажной рукой провёл по лицу. Не помогло. В голове штормило, а глаза нагло разбежались по сторонам. Нет, что не говори, а хорошие *колёса* делают в Финляндии. Основательные. Чтобы с простого аспирина так срубил, а теперь ещё и колбасит. Или это был не аспирин? Да и хрен с ним. Водой раскумаримся.

– Всё. Готов, – сообщил я стоящему в коридоре охраннику, – Куда идти?

– Следуйте за мной.

Меня немного мотало, но я мужественно концентрировался на спине охранника и старался следовать за ним, не особо цепляясь за стены. Поднимаясь по какой-то лестнице, я вспомнил, что забыл очки в камере, но это меня только позабавило.

Если уж древнегреческая Фемида как и римская Юстиция вечно торчат в разных значных местах с повязкой на глазах, то мне само провидение велело быть без очков. Соблюдаем *status quo*⁵¹. Хотя, если честно, мне эти идиотские статуи напоминают доинтернетную студенческую развлекуху, когда девице завязывали глаза и она, используя конвейерный вариант *blow job*, определяла своих знакомых по их эрегированным выступам. Видно древние зашли ещё дальше, раз этим дурным бабам выдали весы и меч. Наверно там ставки были выше, и *loser* прямиком отправлялся в хор кастратов, а неудачник к месту ближайшего погребения. Со счастливи-

⁵¹ Статус-кво – текущее или существующее положение дел.

ками неясно. Иные времена – иные нравы.

Охранник распахнул какую-то дверь, и мы вошли в полутёмную комнату, которая освещалась только яркой настольной лампой. Какие-то люди сидели на стульях у стены. Я помотал головой и снова яростно потёр лицо. Без всякого реального эффекта. Хрень какая-то, право слово. Явился как скусившийся хрюндель перед революционной тройкой⁵².

За моей спиной загундосили. Я что, стал финскую речь воспринимать с таким ужасным акцентом? Пришлось опять помотать головой и уловить, что допрос начался в 20:15. Значит, это толмач говорит. Даже почти по-русски. Но я так и не понял, что за люди собрались вокруг. Да и пёс с ними. Надо будет – опять познакомимся.

– Назовите ваше имя... место рождения... образование... род занятий, – слова доносились как сквозь вату.

Я начал нудно говорить с ужасом понимая, что если остановлюсь, то забуду о чём только что говорил. Меня по несколько раз переспрашивали. Потом отстали.

«Ёжик в тумане», – мутно вертелась только одна мысль, – «Как бы не захлебнуться в этом киселе. И выйдет отсюда колобок, как обритый ёжик. *Знахабнілий москаль*».

– Ваша коммерческая деятельность?

Я стал рассказывать, с явным недоумением замечая, что фразы получаются какие-то угловатые и малосвязанные. И

⁵² Тройка – триумвират, комиссия, состоящая из трех членов. Орган внесудебного вынесения приговоров, существовавший в 1937-38 годах в период чисток.

за язык цепляются. Господи, ну что за бред я горожу? А ведь сотни раз эту пургу нёс при встрече с клиентами.

– В каких компаниях вы работаете ответственным лицом или состоите работником?

– В каких отраслях работают эти компании?

– Назовите всех клиентов компаний. Какие из них самые крупные? Финские клиенты... иностранные клиенты... клиенты из России... как выписываются инвойсы... от кого поступают деньги...

Вопросы сыпались один за другим. Я не успевал закончить ответ, как уже звучал новый вопрос. Даже для меня в этом сумеречном состоянии создалось полное впечатление, что мои ответы здесь никого не интересуют и служат только прелюдией к чему-то существенному. Или я полный тормоз? Да нет, кажись, дождался.

– Расскажите подробно о компании, которая поставляла металлизированные панели для строительства домов.

– А что произошло?

– Только отвечайте на заданные вопросы. Когда придёт время, то вам сообщат всю необходимую информацию.

На душе без того муторно, но я честно и старательно попытался вспомнить все детали этих поставок. Самое поганое, что я так и не смог ничего вспомнить о новой поставке. Только тот странный телефонный звонок. Когда я замолчал, возникла долгая пауза.

Я сидел, тупо разглядывая свои колени и думал, как до-

браться до нар и закрыть глаза. И ещё как не свалиться с этого долбанного стула. Как там было в советской «Летучей мыши»? *Заключённые опять тюрьму раскачивают...*

– Когда вы в последний раз были в Турку? – вопрос прозвучал громко и очень резко.

– В Турции был пару раз, но очень много лет назад. Предпочитаю для отдыха более тропические места. Знакомых больше.

– Не в Турции, а в городе Турку.

– А-а-а... не помню. Вроде бы этим летом.

Мысли ржаво провернулись в попытке вспомнить хоть что-то о всеми забытой бывшей финской столице. И зачем я туда мотался? Что там вообще есть? Средневековый замок, Кафедральный собор, Старая площадь. Нечего мне на них смотреть. Я в них десятки раз был. Рестораны там просто отстой. Порт. Точно, в порту был. Всё, вспомнил.

– Я возил семью в Наантали. Это 20 километров от Турку. Жена очень хотела присмотреть... посмотреть какие там условия... для отдыха. Сходили в парк развлечений «Мир Муми-троллей» – *Muumimaailma*. Погуляли, пообедали. А на обратном пути заехали в Турку. Побывали в порту. Там полюбовались на старые боевые корабли. Заодно полазали по разным древним калосам... там было три деревянных корабля... прошлых веков. Вот вроде и всё.

– Так вы были в порту?

– Да. Так вроде это не запрещено. На входе билеты про-

дают.

– Значит, запишем, что вы долго были в порту. Вам звонили в это время?

– Это когда я был в Турку? Наверно звонили.

– Отвечайте на вопрос.

– Не помню. Запросите распечатки у телефонной компании... уж, сколько месяцев прошло.

– Вам звонили вот с этого номера телефона, – мне поднос сунули бумажку с номером, – Кто это был и о чём был разговор?

– Извините, но я даже телефонных номеров ни своей жены, ни детей никогда не запоминал. У всех моих телефонов есть память и голосовой набор. Наберите этот номер и сами узнайте. Или откройте записную книжку в телефоне и найдите там того кто звонил.

– Значит, вы не признаётесь?

– В чём?

– В том, что вы говорили в этот день по этому номеру телефона.

– Да я просто не помню.

– Вы отказываетесь говорить правду?

– Какую?

– О том, что происходило в порту.

– А что там могло происходить?

– Всё! На этом допрос окончен. Сейчас будет напечатан протокол допроса. Вы, а затем и все присутствующие его

подпишут.

Я опять впал в сонное оцепенение. Затем мне сунули авторучку и листки с напечатанным текстом. Я их подписал в местах, куда тыкали пальцем. Затем меня подёргали за рукав, и я, как распоследняя осенняя снулая муха, дополз до столь желанных нар и вырубился даже не успев раздеться и снять бахилы.

Из вязкого забытья меня вывели гулкие удары. Я с трудом поднял голову. Охранник стоял у распахнутой двери и барабанил по ней ключом.

– По голове себя постучи, обормот! – не удержался я, но хоть догадался произнести это по-русски, а потом уже на демократическом, – What's up? (Что случилось?).

– У вас через десять минут суд. Быстро одевайтесь.

– Какой суд? У меня вещи ещё не собраны.

– Все вещи оставьте в камере. Одевайтесь и пошли.

– А почему сразу в суд? – в голове реально шумело, даже мысли по углам попрятались.

– Суд определит, что с вами делать.

– Ну, это я и без суда знаю.

– Через пять минут вам надо выйти из камеры. Будьте готовы, – я даже дёрнулся, когда он мне выдал девиз заокеанских скаутов: – Be prepared!

«Не дождётесь, гражданин Гадюкин, мы всегда готовы», – подумал я злорадно и ответил бодро, без запинки:

– The Scout motto means that you are always ready to do your

duty! (Девиз бойскаута: всегда готов выполнить свой долг!).

Я с серьёзным видом вытянулся на нарах и поднял правую руку с тремя вытянутыми пальцами, стянув большой палец и мизинец колечком. Но, поглядев на вытянувшееся лицо вертухая, я гнусно хихикнул и этим полностью испохабил всё представление. Вертухай нахмурился и прикрыл дверь. Зевака неблагодарный. Ещё и обиделся. Нет в нём чувства прекрасного.

Это сколько же я проспал? И что вчера такое было? Завтрак стоит у порога. Убей меня, но я вообще ничего не помню. Сам взял или вертухай озаботился?

– Пора, в путь-дорогу, – замычал я. Настроение стало подниматься, – Та-ра-ра-ра. Та-ра-ра-ра. И трижды сплюнем через левое плечо. Нет, не так. По роже двинем, чтобы получить харчо... Исчо. Исчо. Исчо. А то *мусорня* импортная совсем зажралась.

Я быстро помахал руками, имитируя зарядку и широко зевнул. От в хлам измятых шмоток несло уже заметным тюремным душком. Нехорошо, если даже я это осязаю. Вонючка даже в доброжелательном суде это, согласитесь, выглядит неприлично. А мятая и небритая вонючка... это вообще квёлый негатив. Но, за неимением гербовой пишем на туалетной. Будем сглаживать впечатление честной физиономией лица и извинительной улыбкой.

Выданные синенькие полиэтиленовые бахилы продрались от моих постоянных странствований по камере, но других

всё равно нет. Да уж больше и не понадобится, пожалуй. На всякий случай я действительно плюнул через левое плечо, присел на дорожку, а потом и со всей силы постучал собранной ковшиком ладонью по стене, прозрачно намекая охраннику, что готов. Видно гулкий звук его вдохновил. Он моментально распахнул дверь, молча развернулся и потопал по коридору к выходу. Я пожал плечами, плотно прикрыл дверь в камеру (а то вдруг обчистят, кто их знает, что тут за местные порядки и обычаи) и последовал за ним.

Возле вертухайской дежурки бесцельно топтались два очень подозрительных типа. Зато у каждого на шее запаянные в пластик большие картонки с их непрезентабельными физиономиями. Тот, что пониже, с мордочкой хорька-альбиноса, сделал шаг мне навстречу, посверлил меня тусклыми глазками и произнёс похоронным голосом с каким-то невообразимым акцентом:

– Я... Koysti... ваш переводчик... из таможни.

– Здравствуйте, Костя, – как можно сердечнее сказал я, пожимая его вялую потную ладошку. Потом сразу убрал руку за спину и вытер о джинсы. Всё равно одежда подлежит глубокой дезинфекции и неоднократной стирке, – Где уго-раздило вляпаться в великий и могучий?

– Извините... не понимаю... повторите.

– У вас хороший русский язык, – что-то откровенность мне сейчас даётся через силу. У парня очень неприятно несёт изо рта. Но надо постараться наладить контакт, а то

вдруг обидится и тогда придётся корячиться самому. Хотя тип явно какой-то липкий и отвратный, – Где проходили обучение?

– Закончил курсы... стажировка в Москве.

– Да, я обратил внимание на ваше московское произношение, – тут я от истины совершенно недалёк. Старомосковский говор сохранился, наверное, только далеко за кольцевой в домах престарелых, – Столичный суржик ни с чем не путаешь.

– Что такое суржик?

– Pidgin.

– А... пиджин... это когда... смешать языки?

– Да. И получить русский в остатке.

– Извините... мне трудно уловить смысл, – он немного помялся и сказал, указывая на своего спутника, – А вот это офицер нашей таможни. Будет... э-э-э... конвоировать нас до суда.

«Да уж, этот точно не из элиты», – уже с подступающим удовлетворением подумал я, – «Если вместо тех клонов, которые меня сюда конвоировали, такого дристуна прислали, то значит моё дело на мази. Разобрались, значит. И отмечу это по-простому. Мухой домой, рубануть борща под мерзавчик, утешить жинку и у койку... пару суток слюнявить подушку».

– В зале суда... нас будет ждать... государственный адвокат.

– Зачем он вам нужен?

– Он вам положен... по закону.

– А что, меня в чём-то обвиняют?

– Почему вы не знаете?

– А почему я должен? Никакого понятия не имею. Может, вы знаете?

– Нет. Но на суде всё скажут.

– Ну, спасибо, что хоть просветят, с чего я тут вшей кормил, – надеюсь, что с нарочито нехорошей, этакой киношной усмешечкой протянул я, – Бог даст, потом кто-то узнает, что здесь вам не там.

– Что? Извините, я вас не понимаю. Это русский... э-э-э... slang?

– Нет, не сленг, просто такой питерский диалект. Иногда отличается от московского. Как заМКАДный от доБлокадного. Но в последнее время питерский особый в Москве слегка превалирует.

– Правда? А кто такой вшей?

– Кто?

– Тот, кого вы кормили.

– А... это *один маленький птиц*. Её время неудержимо рвало ко мне на нары. Голод наверно.

– Вы так называете птицу голубь? На сленге?

– Ну, уж нет, так называется птица дятел, которая на меня наступала.

– Он мешал вам... спать?

– Регулярно. А уж две последние ночи точно.

– Я сообщу дежурному офицеру.

– Да, пожалуйста, скажите ему, пусть организует засаду и отгоняет по ночам. – дурачиться стало в лом, да и объект неподходящий.

Костик вдруг весь поддёрнулся и с непередаваемым трагизмом произнёс:

– Мы опоздали.

– А что, так далеко ехать?

– Нет, это есть соседний дом. Рядом. Пешком идти.

– Так, может, пойдём? Мне только кроссовки одеть. Ремень и куртку могу уже и на ходу набросить.

– Да-да, – Костик, по-заячьи подскочил, устремляясь к двери, где его вежливо, но по-хозяйски отодвинул охранник и своим ключом открыл дверь.

Мы гуськом протиснулись мимо охранника и через парковочный (или приёмный?) бокс выскочили на свежий воздух. Нет, это не воздух. Это озон, небесный эфир, просто нектар и панацея для моих в хлам отравленных лёгких.

До входа в соседнее здание пришлось пройти всего двадцать шагов. Костик прижался к входной двери и стал там елозить карточкой по панели входного замка.

– Поспешешь, у-дрызг судью насмешешь, – подходя, негромко сообщил я ему в спину, с интересом наблюдая за его манипуляциями.

Костик задёргался, но стерпел и только молча сопел. За-

горелся зелёный огонек, и он рывком распахнул дверь. Увлекаемые им, мы галопом понеслись на второй этаж. Опять закрытая дверь, которая почти сразу поддалась. Небольшой холл. Будка охранника. И опять закрытая дверь.

– От людей закрылись, избранники народа. Ну, всё прям как у нас. Только у вас охраны что-то маловато и переносных мигалок на лестнице не хватает, – переводя дыхание, сообщил я в спину Костику.

Но он опять меня проигнорировал, нервно суетясь со своей карточкой у очередного замка. Дверь, наконец, открылась, и мы влетели в просторный холл с парой деревянных скамеек и несколькими вешалками по углам. Костик судорожно повесил свою куртку и, не оглядываясь на нас, поспешил к одной из дверей. Мы трусцой понеслись за ним.

Местный зал заседания суда оказался весьма аскетичен и чем-то неувлимо напоминал только что отремонтированный класс передовой деревенской школы. Четыре небольших стола образовали стороны разорванного по краям квадрата в довольно просторной и светлой комнате. Три больших окна. У глухой стены в один ряд стоят деревянные стулья. Для приглашённых или зрителей? Точно. Там резко притормозил и уселся наш конвоир-таможенник.

Явно судейский стол поставили на небольшом возвышении и за ним могут разместиться четыре-пять человек. На столе три микрофона на гибких штативах. Справа небольшой приставной столик с компьютером для секретарши. За

ним уже сидит довольно милостивая девица и с остервенением долбит по клавиатуре, всецело уйдя в процесс.

Костик с облегчённым вздохом уселся за стол, который находился прямо напротив судейского, и громко сказал:

– Вам надо сесть рядом.

Ну, надо, так надо. Возле стола четыре стула. С краю, сильно сгорбившись, притулился довольно пожилой человек. Я убрал назад один стул и сел между ним и Костиком.

– Это ваш адвокат, за которого платит государство, – не понижая голоса, сообщил Костик. Отсутствие судьи явно привело его в хорошее расположение духа. Жаль только, что это никак не повлияло на запах изо рта.

– Здравствуйте, – автоматически ответил я. Тот молча кивнул.

– Вам не надо платить за его услуги, – продолжил Костик ораторствовать, – Государство оплатит его работу. Как и все транспортные расходы и услуги переводчика. Меня.

– Я уже понял. Всё задаром, – при этом с трудом сдержался, чтобы не ругнуться. Нервы и так на пределе, а этот зудит как пластинка заезженная. Видно намертво текст заучил.

Мой халявный адвокат пришёл на суд в мятом залоснившемся пиджаке. Весьма сомнительная майка навязчиво проглядывала из расстёгнутого ворота клетчатой ковбойки. Ботиночки также не нарушали общего ансамбля. Н-да, просто ярый антипод Перри Мейсона⁵³.

⁵³ Перри Мейсон (*Perry Mason*) – практикующий [лос-анджелесский адвокат](#),

В голове немедленно закопошился червячок сомнения. Видно на получаемые от государства деньги тут особо не разбежишься. Самое подходящее место этому типу не на суде умные речи толкать, а в самом захудалом пивняке каменную воблу на коленке чистить. Молча и сосредоточенно. Это что, мне специально такое чучело подсунули, экономя государственный бюджет? Может я чего-то пока не уловил или просто недопонял? Ах, да! Видно и у них по одежке встречают, по уму провожают. Ладно, подождём, посмотрим на финальный аккорд.

Я стал оглядываться вокруг. Слева от нас за таким же, как и у нас, столом сидел ещё весьма молодой, но очень худой индивидуум с узким лобиком, покрытым редкими желтоватыми волосиками. У него был вид смертельно уставшего от этой жизни человека. А тонкие губки, которые он постоянно сжимал цыплячьей гузкой, на фоне его остренького скошенного подбородка, только усиливали такое впечатление. И этому государство, что-ли мало платит? Какие-то они здесь все как на подбор молю побитые и затюканные суровой правдой жизни.

литературный персонаж из детективных романов [Эрла Гарднера](#). Главным отличием Мейсона от других литературных адвокатов является то, что помимо представительства клиентов в суде Мейсон проводит своё частное расследование, параллельно с [полицией](#) осуществляет собственные следственные мероприятия, самолично исследует места преступлений, обстоятельства их совершения, вещественные доказательства и добывает другие сведения, которые могут помочь оправдать его клиентов и изобличить истинных преступников.

- Это кто? – спросил я Костика, кивая на соседа слева.
- Это прокурор.
- А где судья?
- Скоро будет.
- Опаздывает ваш гражданин заглавный начальник.

Костик возмущённо мотнул головой, но промолчал. Я принялся внимательно рассматривать прокурора, который достал объёмистый портфель и стал вынимать оттуда папки с бумагами. Ну и видок у него. Красноватые веки, которые бывают у людей с хроническим недосыпом или проявляются после грандиозной попойки. Но лицо не мятое, значит, есть подозрение, что он всё-таки что-то этакое особо важное ковыряет себе по ночам. Козни коварные строит. Глаза у него какие-то замутнённые, как у снулой рыбки. Да и нездоровая бледность придаёт вид утопленника, недовольного тем, что его выдернули из привычной среды обитания. Cadavre. У Жоржа Сименона⁵⁴ был «Инспектор Кадавр», а мне достался зомби на последнем издыхании. Прокурор-кадаврик.

Итого на судейском ринге пока имеем сладкую парочку Cadavre vs Clochard. Кадавр против Клошара. Жмур против

⁵⁴ Жорж Жозеф Кристиан Сименон (*Georges Joseph Christian Simenon*) – бельгийский [писатель](#), один из самых знаменитых в мире представителей детективного жанра в литературе. На его счету 425 книг, среди которых около 200 бульварных романов под 16 псевдонимами, 220 романов под настоящим именем и трёхтомная автобиография. Наиболее известен серией детективов о полицейском [комиссаре Мегрэ](#).

Бомжа. Наверно, точнее будет Жмур против Бича⁵⁵. А ведь оба, наверно, были смолоду любовно взращены на декларируемых тучных государственных хлебах. Это что же это получается? Предстоит битва неумеренных транжир или экономных скупердяев? Как бы не загнулись эти задохлики во время схватки. Надеюсь, им это не впервой. Прямо как у лягушатников: *à la guerre comme à la guerre*⁵⁶ – мордобой на живодёрне.

А почему третий стол пустует?

Тут в зал вкатился маленький толстенький человечек и пронёсся как раз к этому незанятому правому столу.

– А это кто такой пряткий?

– Это представитель обвинения. Старший таможенный инспектор.

Ну вот. Давайте уж скорее занавес. Премьера финской трактовки *commedia dell'arte*⁵⁷ «Двери хлопают» достойно порадует память автора. Актёры второго плана вроде все уже собрались. Теперь ждём появления на сцене главного действующего лица. Публика заждалась. Поаплодировать что

⁵⁵ Бич (также бичара, ж. р. бичиха) – опустившийся, спившийся человек, выполняющий сезонную работу. Слово «бич» происходит от английского beach – «пляж, берег».

⁵⁶ На войне как на войне.

⁵⁷ Комедия дель арте или комедия масок – вид [итальянского](#) народного (площадного) [театра](#), спектакли которого создавались методом [импровизации](#), на основе сценария, содержащего краткую сюжетную схему представления, с участием актёров, одетых в [маски](#).

ли? Или ногами потопать? Лищедеи, начинайте скорее, а то домой чертовски хочется! Эх, вам бы всем русский язык хоть немного подучить, тогда бы знали, что хотя в наречиях после шипящих на конце пишется мягкий знак, но есть исключения из этого правила: *уж, замуж, невтерпёж*. И уж как мне то невтерпёж! Вот ужом, но скорее бы уползти отсюда, хоть тушкой, хоть чучелом.

В это время дверь медленно раскрылась, и в неё величаво внёс себя очень холёный господинчик. За ним, отставая на шаг, семенила преклонных лет дама, неся в руках кипу бумаг.

«Пожаловал к нам барин, барин нас рассудит», – мелькнуло в голове, но как-то стало неуютно. Просто страсть как не люблю таких субъектов. Причём именно вот таких, плакатно наглядных, как из методического пособия – с обрюзгшими лицами, выражающими презрение и скуку, только и умеющих что раздавать ценные руководящие указания своим вечно нерадивым работникам. И, при этом, они умудряются никогда не отвечать ни за какие дела или поступки. Номенклатурные рупорные бездельники. А у этого даже дорогие золотые очки и бородка клинышком оттеняют личину самовлюблённого зажавшегося бюрократа. Вот уж сценический составчик подобрался, прости Господи.

Судья сделал вялый жест рукой, смысл которого я не совсем уловил. Было похоже, что он, даже не посмотрев на собравшихся, милостиво разрешил всем сесть. Это выглядело,

может быть с его точки зрения, и торжественно, но вот только вокруг никто и не удосужился оторвать свой зад при его появлении.

«Смазал сцену», – со злорадством подумал я, – «А мог бы сначала суровым взором всех окинуть, а потом сделать что-нибудь этакое, дабы нас в страх вогнать, таких бесправных *sitters*, что в английском означает не только сидящих, но и простофиль. Нежданчика там громopodobного подпустить, чем сразу показать, кто здесь хозяин и ввести припёршихся просителей в благоговейный трепет. Или ещё чем покруче щегольнуть. Слабовата школа, ох слабовата. Нету в нём клинического шика и крутых понтов».

Однако судья, во время своего шествия, так и не отвёл своего взгляда от кресла, которое должно было удостоиться великой чести принять его внушительное седалище. Осторожно сел, поёрзал, устраиваясь поудобнее, и сразу демонстративно уставился в столешницу. Дама, неотрывной тенью следовавшая за его спиной, немедленно разложила перед ним бумаги и стала что-то в них показывать пальцем, склонившись к его уху. Судья степенно кивал, а потом стал медленно вникать в указанные места.

«А здесь что, к суду вообще не готовятся»? – тут уже я начал впадать в лёгкое смятение от этого зрелища, – «Вот такая импровизация с листа нынче в тутошной моде или моё дело для них и выеденного яйца не стоит?»

Повисла весьма продолжительная пауза. Все, кроме моего

адвоката, зашелестели бумажками.

– В чём меня обвиняют? – через Костика я потихоньку задал вопрос адвокату.

– А вы не знаете?

– Нет, не знаю, – я тут же стал немедленно закипать.

– Я тоже пока не получил никаких документов.

У меня даже рот открылся от растерянности и весь запал ядовитой злости улетучился. Я всего ожидал, но только не такого. Полнейшая дурка. Как в сказке. Чем дальше в лес, тем хуже видно.

– А когда я узнаю?

– Прокурор доложит.

Всё, сил моих больше нет спрашивать. Буду только тупо ждать. Хотя, как не крути, это полный караул. Вылитый Kunstkammer или Куншт-Камора, как говорят её ласково величал Пётр Ляксеич. Здесь явно в подражание ему создали свою каморку, но выпендрились и набили живыми экспонатами для наглядного изучения тупиковой ветви антропологии и этнографии. Пока своими глазами не увидел, ни в жисть бы не поверил! Любой зуб отдам оптом.

Ещё минут пять судья вникал в написанное. Буквы расплывчатые ему, что ли подсунули, или он вверх ногами читать сейчас тренируется? Затем, не поднимая головы, судья монотонно забубнил.

– Слушается дело 08/1740 от седьмого ноября 2008 года...

– жарко дыша мне в ухо, зачастил близко придвинувшийся

Костик. Да что ж это такое! Лучше бы зубы почистил, декадент, или на Dirol навалил Stimogol. Не жалея. Я же до конца суда не доживу.

Господи, да сегодня 7 ноября! По городу болтаются редкие колонны трудящихся. Идёт празднование исторического события планетарного масштаба. Октябрьский переворот. Ах, какое было время! Матросы берут винные подвалы Зимнего и тут такое понеслось! Все бегают бухие с красными бантами и ликуют. Одни толкают речи, а другие ретиво ищут, где добавить и что ещё можно экспроприировать...

Я очнулся от лёгкого толчка Костика.

– Вам мало интересно? – прошипел он, – Следовательно таможни сейчас будет выступать.

– Мне много интересно, – огрызнулся я, вздрогнув от неожиданности, – Но пока ничего ценного я не услышал. Одно крючкотворное словоблудие и вялая переключка присутствующих.

Костик сморщился как от зубной боли и отвернулся, давая мне короткую передышку. Хоть вдохну полной грудью.

Следователь покивал головой судье, масляно разулыбался и стал неторопливо раскладывать на своих бумагах мятые листочки, которые он по одному торжественно доставал из внутреннего кармана пиджака. Потом любовно разгладил их, даже ногтем подцепил загнувшийся уголок. Выдержал паузу. Затем манерно прокашлялся и приступил:

– Сегодня в 8:00 утра мы предоставили суду первой ин-

станции требование об аресте находящегося в зале суда подозреваемого, – гуняво забубнил Костик как истинный синхронист. Видать ему не впервой такую типовуху переводить. Наблатыкался, толмач языкастый, – Он был арестован в 16:30 в среду пятого ноября. Задержан в 8:50 утра шестого ноября.

Я перевёл удивлённый взгляд на адвоката, но тот только слегка пожал плечами.

– Задержанному предоставлен полноправный адвокат, – Костик не удержался и театрально махнул рукой в сторону «подарка», – Для ареста существует... причина. Уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах... Произошло это в Лаппеенранте в понедельник третьего ноября 2008 года. Задержанный подозревается по вероятностным причинам.

– Что это значит? – шёпотом спросил я, тихо сатанея.

– Потом, – отмахнулся Костик, – Ваш адвокат расскажет... я не успеваю делать перевод ... э-э... третьего ноября на территорию Финляндии через таможду Нуйямаа прибыл... truck... машина и прицеп... регистрационный номер... по документам, которые имел водитель... задекларировано 80 покрытых в металл-панелей... стенные элементы... sandwich panels... я не знаю, как это звать правильно.

– Так и будет. Сэндвич-панели, или просто панели с утеплителем.

– Ага, груз шёл на растамаживание... однако рентген на

таможне Нуйямаа был сломан... тогда водителю приказали ехать... на таможню Ваалимаа и там он должен быть просвечен... рентген... этот просвет нашёл, что внутри элементов спрятаны сигареты.

– Слава Богу, – выдохнул я, – Хоть не наркота и не ворованное оружие.

– Тихо, – уже достаточно зло отреагировал Костик, – При разломке одного элемента нашли... почти... примерно 180 блоков сигарет...

– А что, точнее сосчитать не смогли?

Костик одарил меня недобрый взглядом и стал что-то чиркать на листке бумаги.

– Сломали все элементы... нашли 14.428 картонок... блоков сигарет. В случае легальной растаможки... с этих сигарет сняли бы налогов суммарно... не менее 500 тысяч евро. Получателем товара указана ваша компания.

– Да, что вы такое говорите? – вырвалось у меня, – Без меня меня женили? А документы можно посмотреть?

– Он говорит... в документах указан ваш домашний адрес.

– Бред какой-то, – я уже не знал смеяться мне или уже пора начинать орать, – Послать несколько тонн контрабаса к себе на дом? Утопиться в никотине? Тут все совсем сбрендили или пока только прикалываются?

– Все ваши вопросы потом... адвокат вон сидит... да, ваша компания... вы ответственное лицо... есть ваш адрес. Так. Специальные причины ареста. За преступление... ожи-

даемое наказание более одного года. Мы... нет, они... подозревают, что подозреваемый сбежит... или будет другим образом избегать следствия... суда... либо наказания. Будет... делать всё для того... чтобы усложнить расследование дела.

Костик перевёл дух и продолжил:

– Обоснование ареста... расследование дела не закончено... подозреваемый является российским гражданином, и он может уехать из страны... например в Россию... если будет сейчас освобождён. Речь идёт об очень серьёзном преступлении... надо выяснить его участие... и общую деятельность подозреваемого в преступлении... он русский гражданин... как это сказать... его надо проверить полномасштабно, с разных сторон. Сложность и серьёзность преступления... а российский подозреваемый, если виновен... будет на свободе пытаться помешать следствию... влиять на информированных лиц... прятать доказательства... которые пока не найдены. Полученная на данный момент информация от подозреваемого не может быть... признана исчерпывающей.

– Что? – я аж задохнулся, – Какая информация? Да со мной вообще никто не удосужился поговорить на эту тему. Только что-то о моей поездке в Турку.

Костик остановил меня взмахом руки.

– Арест подозреваемого не является негуманной мерой... учитывая возраст... его активность... и другое. Для гарантирования... нашего честного и быстрого расследования...

должен содержаться в полицейской тюрьме.

Таможенник почмокал губами, улыбнулся судье, собрал листочки и бережно упрятал их назад в карман.

– И что я должен делать? – спросил я у адвоката.

– Встать и сказать, что вы невиновны. – переводя, Костик презрительно скривился, явно выражая своё отношение к заведомым лжецам.

– И всё?

– Больше ничего не говорите, остальное он сам скажет...

– Костик перебил сам себя, – Вам дают слово.

– Скажите судье, что я невиновен и хочу ознакомиться со всеми документами, которые были с грузом. Никуда сбегать я не собираюсь. Мешать следствию... а зачем? Готов только помогать. Прямо сейчас дам подписку о невыезде. Можете забрать мой паспорт. А арест... он только приведёт к большим финансовым потерям и, возможно, даже к потере бизнеса. Я обязательно буду приезжать по первому вызову следователя.

Судья молча проглотил эти сумбурные высказывания и уставился на моего адвоката. Тот сглотнул и, не поднимаясь, скрипуче выдавил из себя:

– Мой подзащитный невиновен и должен быть освобождён.

И всё. Однако, какой лапидарный защитник мне достался. Своё веское слово явно на вес золота ценит. Судья поразмыслил и потом сфокусировал взгляд на прокуроре. Тот

оторвался от своих бумаг и скороговоркой сообщил:

– Я полностью присоединяюсь к требованию управления Восточного таможенного округа.

Судья с минуту бесполезно ожидал продолжений, а потом объявил перерыв на час для вынесения решения.

– Быстро тут у вас дела делаются, – резко высказал я Костику, – Удаться можно от зависти. А как насчёт моей жены? И зачем её то загребли?

– Это решает судья.

– Сейчас? Или в перерыве?

– Не знаю. А нам надо пройти в тюрьму и ждать решения там.

– А на улице подождать нельзя?

– Нет. Вы есть задержанный и должны ждать в тюрьме.

– Есть, так есть... жесь. Ладно, сваливаем.

– Извините, что?

– Перемещаемся к месту временной дислокации, роём окопы и выставляем боевое охранение.

– Зачем?

– На случай внезапного нападения агрессора, – я посмотрел на растерянного Костика и добавил, – А... извини, это так... глупая шутка. Идём в тюрьму. Ждём сколько положено. Потом возвращаемся. Слушаем немногословного гражданина судью. Так доходчиво?

– Да.

– А когда меня выпустят, то я лично попрошу твоё на-

чальство разрешить тебе командировку в Питер для повышения языковой квалификации до недостижимых высот. Хотя нет, я знаю местечко и получше. Надо проехать из Питера через Псков по направлению на Пыталово, где путинские уши раздают⁵⁸, но тебе не это надо, так что за Островом надо свернуть дальше на запад, и там уже совсем недалеко будет всемирно знаменитая деревня Козлы. Ах, какие там учителя! Как раз для всех вас. Ладно, пошли.

В том же порядке с замыкающим конвоиром-таможенником мы вернулись в тюрьму. Нас встретил ухмыляющийся охранник:

– Так быстро? Будете здесь ждать решения?

– Да.

– Как долго?

– Около часа, наверное.

– В камере посидите или пойдёте прогулку?

– А можно?

– Да. Если замёрзните, то постучите в дверь. Если вас раньше позовут, то я сразу выпущу.

Ну, спасибо, вот правильный сапог попался, уважил, так уважил. Господи, да в гробу я видал свою камеру. Хочу на воздух, в душистые пампасы. Ну, какой идиот может торчать

⁵⁸ Комментируя территориальные претензии Латвии к России, на встрече с коллективом газеты «[Комсомольская правда](#)», приуроченной к 80-летию газеты (в 2005 году), [президент Российской Федерации Владимир Путин](#) произнёс свою знаменитую крылатую фразу: «Не Пыталовский район они получают, а от мёртвого осла уши».

в прокуренной бетонной коробке в ожидании вердикта? Надо снова привыкать к запаху свободы!

– Гулять и только гулять! До самого конвоирования в суд.

В стене перед дежуркой оказалась неприметная дверь, к которой меня и направил охранник, пальцами показывая, что надо повернуть головку замка по часовой стрелке, а потом ладонью сделал отталкивающее движение – распахивай, мол, сам.

Я аккуратно приоткрыл дверь и вывалился в ярко освещённый кирпичный бункер. Сзади меня мягко захлопнулась дверь. Место для прогулок представляло собой пристройку к первому этажу с металлическим навесом, неплотно прилегающим к стенам. Продолжение приёмного бокса для машин. Щель в десяток сантиметров, как наивно ожидали проектировщики, должна была исполнять роль естественной вентиляции.

Но это только в теории. Чтобы здесь проветрить от устоявшейся чудовищного смрада, нужен тропический ураган и взвод уборщиков с ведром хлорки.

Для поддержания чистоты территории, к стене наглядно намертво прикручена никелированная урна. Только вот её показательно игнорировали все предыдущие арестанты-променадники. Пол, выложенный большими тротуарными плитками, весь завален окурками, пустыми пачками сигарет и прочим использованным хламом. В углу кому-то стало плохо. Пару раз точно. Видно сильно прихватило бедолагу, ес-

ли он ещё и стену на полметра не пожалел. Или он так метки ставил? Грозный альфа-самец очертил личные владения? Дальше углубляться в натурные исследования я не стал, старательно обходя этот угол.

Зато по краям, под самой крышей, установлены две камеры слежения каких-то излишне устрашающих размеров, наводящих на подозрение, что их получили по списанию из запасников местного телецентра. Интересно, для каких целей? И что они вообще наблюдают, если тут стоит такой срач? Как я подозреваю, охрана явно предпочитает цветную порнуху из Интернета своим монотонным чёрно-белым обязанностям.

Кажется, я серьёзно погорячился, отказавшись от камеры. Понадеялся на чистоту и цивилизность, которая присутствует в коридоре. В камере хоть и гадюшник, но уже свой. И мизмы привычные, в кожу впитавшиеся. Значит надо валить отсюда и быстро. А то добавлю ещё палитры от этой помойки так, что дыхание Костика окружающим амброзией покажется. Я заметался перед входной дверью. Садисты, могли бы хоть кнопку какую-нибудь установить, молоток там дверной или обычную ручку на худой конец.

«На худой конец вертухаю», – весьма злобно подумал я, представляя такую систему экстренной эвакуации. Быстро, болезненно, зато эффективно.

Нет, ничего такого не наблюдается. Грязная гладкая металлическая поверхность. Дотронуться противно. На кир-

пичных стенах только надписи. Урну проверять точно не буду. Сначала я этак интеллигентненько постучал ногой по наиболее чистому участку двери. Хоть бы хны. Минут через пять я начал долбить уже громко и продолжительно. Никакой реакции. Тогда начал стучать по очереди в два выходящих окна, плотно закрытых пыльными жалюзи. Опять ничего. Но и мы не лыком шиты.

Чтобы не замёрзнуть, я стал маневрировать по извилистой траектории, лихо огибая наиболее сомнительные островки мусора, и стал делать по три стука в каждое окно, а потом особо смачно пинать дверь, завершая каждый круг. Как гонщик F1. Да ещё перед каждой камерой руками делать крест, ненавязчиво намекая, что такая гонка-гулянка меня слегка утомила. Нужен срочный pit stop. И ни фиги. Ну что они там все срочно ушли на фронт? Их ведь там, субчиков, человека три-четыре, не меньше. Да ещё где-то там тусуются два нахлебника из таможни.

Или им такую симпатичную шмару из сопредельной страны бдительные полицейские отловили, что её обыск требует особой тщательности и сосредоточенности? Причём в присутствии всего личного состава и в самой дальней камере? Значит, будем брать упорством и настойчивостью. Количество стуков и пинаний будем доводить до пяти, а скорость оборотов резко взвинтить. Круговорот среди дерьма в ограниченном пространстве. Вонизм, как двигатель прогресса.

Прошло минут десять. Всё напрасно. Бросили охраняе-

мый объект. Полнейшая безответственность. А может я за это время уже дыру в стене сумел прогрызть и уйти тайными контрабандистскими тропами? Или руки на себя наложил, используя провода от видеокамер или неотобранный ремень? Вены ногтем вскрыл или язык откусил? Выговор же получают, раззявы безалаберные. И накроется им премия в квартал. Как тогда перед своими жёнами оправдываться будут?

Я встал на относительно чистом участке и негромко захрипел:

Мои друзья, хоть не в болонии,
Зато не тащат из семьи.
А гадость пьют из экономии,
Хоть поутру, да на свои.

А у тебя, ей-богу, Вань,
Ну, все друзья – такая рвань!
И пьют всегда в такую рань такую дрянь!

Уж ты бы лучше помолчала бы:
Накрылась премия в квартал.
Кто мне писал на службу жалобы?
Не ты? Да я же их читал⁵⁹.

⁵⁹ «Диалог у телевизора» © Владимир Высоцкий.

В горле запершило. Нет, не пробыть мне и минуты все-народно любимым бунтарём-менестрелем. Было бы здорово, конечно, проорать что-нибудь обидное в адрес вертухаев и выругаться грязно до неприличия. Но неизвестно до каких высот дополз местный прогресс. Может они помимо картинки ещё и звук пишут. Потом посмотрят и обидятся, а мне извинения приносить придётся. А это совсем не в жилу. Противно это моему естеству – стыдливо хлопать невинными глазками. Да и с курением надо притормозить, а то с таких доз можно лошадей табунами живодёрить. И самому копыта отбросить. Весьма, даже запросто. А я ещё должен разобраться в этой бредовой ситуации.

Интересно, что там судья целый час обдумывать будет? Небось, завтрак не успел вовремя потребить, вот и навёрстывает упущенное. С салфеткой на коленях. Боров в кружевах. Да, а сюда на допросы я могу и из дома приезжать. Никакой особой разницы не вижу.хлопотно это, но потерплю ради процветания правопорядка в славной стране Суоми. И чем лично я смогу помешать расследованию? Да ничем. Все копии транспортных и финансовых документов есть и в самой таможне, и у экспедиторов. Мало будет? Так ещё есть бухгалтерия и налоговая. И вообще-то в данных сделках я являюсь только плательщиком за услуги, оказанные моей компанией, ну и счастливым обладателем международных транспортных накладных СМР⁶⁰, которые также не моих рук де-

⁶⁰ Международная товарно-транспортная накладная СМР – это документ, наи-

ло. Мысли в голове безостановочно размножились и бесцеремонно толкались.

– Да куда же все запропастились, – не удержавшись, рявкнул я, – Совсем тут протух, задубел и скоро околею если не от холода, то от миазмов. От миазмов к маразму.

Интересно, как скоро они закончат свои большие и малые неотложные дела и вернуться к исполнению? Захолустье какое-то совершенно непуганое. Тюрьма без ока государева. Никто же потом не поверит. Оставили одного, по колено в дерьме, мечтать о тёплой и уютной камере. Видно, чтобы проникся, что за стеной чистая и честная жизнь бьёт ключом. Изуверы.

Дверь как-то внезапно и без всяких скрипов распахнулась, и на пороге появился что-то воровато дожёвывающий охранник.

«Нет, ну точно занимался чем-то неуставным, а теперь запах отбивает», – с российской ностальгией пожалел я его, быстро, но очень осторожно пересекая территорию по кратчайшему пути к двери.

– Грязно тут у вас.

– В понедельник уберут, – в голосе охранника был явный укор и обида, типа сами нагадят, а потом ещё с претензиями лезут.

более широко используемый при международных грузоперевозках. CMR выписывается для подтверждения заключения договора перевозки, который определяет ответственность отправителя, перевозчика и получателя товара.

Перед дежуркой Костик тихо переговаривался с таможенником. И эти явно вернулись с хорошего перекуса. Вот гниды лобковые. А почему меня не накормили? Я бы сейчас от чашечки кофе не отказался. И хорошей такой рюмки коньяку. Большой такой. И может даже очень большой. Без всякого лимончика, но с крепеньким солёным огурчиком. Чтобы отдать дань моему нестигаемому характеру перед лицом трагических бурь и потрясений. Вот такой лёгкий завтрак простого русского человека в этой холодной и неприветливой стране. Я аж всхлипнул от умиления.

Всё-таки финны явно отсталый народ в области общения с выходцами из племени Большого Соседа. Ну, нет в них достаточной широты и нашей тёплой душевности. Только душегубство и серый бюрократизм в наследство себе оставили от общей хоть и короткой, но славной истории.

– Нам скоро надо идти, – негромко произнёс Костик, непроизвольно потянув носом в мою сторону.

– Да, воняю я... *як гівно москальское*... но готов. Могу идти... хоть прямо сейчас. Где мой адвокат? – от обиды на такое его поведение, я стал говорить чётко, рублёнными фразами. Преувеличенно артикулируя и жестикулируя. Как для глуховатого дауна.

Да и на лице у меня, видно, всё так ясно прописалось, что Костик, слегка покраснев, очень неприязненно ответил:

– Хорошо, пойдём. Адвокат должен быть уже там.

«Ну, не судьба нам, милый Костик, дружить семьями», –

слегка отойдя, подумал я, разглядывая его затылок, – «У нас разные дороги, у нас разные пути. И чтоб глаза мои тебя ещё сто лет больше не видели. Ни в этой, ни в последующих жизнях. А то при близком общении с тобой хроническим токсикоманом станешь... как там по-бусурмански? Inhalants... так твою перетак через пародонтоз... addict⁶¹».

Так, маршрут движения, скорость и схема построения колонны прежние. Не допускают и тени *волюнтаризму*, господа из таможни, ох не допускают. И опять не дадут мне надыхаться.

В зале суда уже сидел прокурор, зарывшись по макушку в своих бумагах... и безмятежно кемарил мой адвокат.

«Господи, да хоть бы в носу ковырял и результаты фиксировал, чем так нагло и демонстративно манкировать своими обязанностями», – с приливом накатившей злобы подумал я, – «Ну и как этого баклушника дрыхонистого расшевелить, чтобы он свою задницу с насеста оторвал и делом занялся? Или хотя бы ИБД – имитацией бурной деятельности. А то ведь совсем заплесневевает мужик от такой непосильной нагрузки на постоянном довольствии налогоплательщиков».

Меня этот охламон предпенсионного возраста точно с резьбы сорвёт. Ну, нельзя же так, в самом то деле. В этом захолустье и так всё неправильно. Зазеркалье, Mutter (мать) их ети. И при этом всё у них совершенно буднично и беспрочно. Как в тухлом застоявшемся болоте. Трясина и ряска.

⁶¹ Inhalants addict – токсикоман.

Только жужжания мух не хватает для полного счастья. Ну и как мне всё же этот гостинец от государства заставить хоть что-то толковое сделать?

Ох, как правы были советские люди, говоря «лечиться даром – даром лечиться» – о достаточно неплохом бесплатном медицинском обслуживании. Здесь уж точно бесплатный защитник – деньги на ветер. С таким и вышак схлопочешь – моргнуть не успеешь. Хотя нет, здесь пока демократией высших мер не предусмотрено. Я решительно сел рядом и громко кашлянул. Адвокат неохотно приоткрыл один глаз, сосредоточился, открыл второй и слегка выпрямился.

– Что мне надо сейчас делать? – вынужденно затолмачил Костик, всё ещё неприязненно косясь на меня.

– Абсолютно ничего... у нас самые честные и профессиональные следователи... они быстро разберутся... если невиновны, то вы получите... справедливую денежную компенсацию.

– Да в гробу я видал эту компенсацию... – я запнулся, видя откровенное недоумение Костики, и уже спокойнее продолжил, – Мне не нужны эти деньги. Мне надо работать. Свои дела делать. У меня контракты скоро начнут тухнуть, а я здесь как золотарь... нет, не золотых дел мастер, а как фуфло позорное на помойке торчу... как тополь, блин, жухлый на Плющихе. Э-э-э... моё пребывание здесь совсем необязательно. Я готов оказать любую помощь следствию. Но, находясь на свободе. Ну, какая от меня может быть польза, если

я буду сидеть в этой вашей «дюрьме»?

– Следствие быстро и честно во всём разберётся.

– Таможенник уже сейчас нагло соврал, что они не получили от меня никакой информации. А со мной по этому контрабасу никто вообще не общался. И это у вас называется честным расследованием?

Костик отрицательно покачал головой и упрямо произнёс:

– Я это переводить ему не буду... за это можно получить тюремный срок.

– За что, за правду?

– Вы хотели... обвинить следователя... а он при исполнении.

– А ему врать при исполнении не запрещено?

– Он высказал своё мнение.

– Вот и я высказываю... объективное, хоть и моё субъективное мнение. И в очень мягкой форме.

– Я этого переводить не буду, – набычившись, повторил Костик.

– Да и... крендель вам в... с вами, – безнадёжно махнул я рукой, – Посмотрим, что скажет судья. А потом я всё как на духу выложу. Достало меня это... до самого ливера.

С четверть часа мы, надувшись друг на друга, молча сидели, глядя в разные стороны. Адвокат опять ушёл в сумеречное состояние, и даже стал этак ритмично посапывать, стервец. Вот что значит профессиональная подготовка. Этого у него не отнять.

Сияя, как надраенный целковый, проскочил на своё место таможенный инспектор. Значит, скоро будет и явление судьи народу. Такая вот у меня теперь новая народная примета. Ну, как в воду глядел. Шаман, однако.

Опять повторилась сцена торжественного восшествия судьи, на которую никто из окружающих не отреагировал и по достоинству не оценил. Тот медленно сел, устроился поудобнее и глубокомысленно уставился в поданные ему бумаги. Все присутствующие, за исключением моего адвоката, как занимались, так и продолжили заниматься своими бумажными делами.

«Соня несчастная», – опять впадая в озлобление, подумал я, – «Тут, можно сказать, судьба человеческая решается, а он свои зенки продрать не может. Может вмазать ему слегонца этак незаметненько, но чувствительно, за то, что он появление судьи проворонил? А то, глядишь, он так и всё заседание будет себе поживать в трагическом неведении».

Я непринуждённо положил ему руку на локоть и слегка сдавил. Адвокат весьма живенько вздёрнул головой и открыл рот. Однако, зыркнув по сторонам, медленно закрыл рот, посмотрел на меня укоризненно, потом, этак осуждающе покачал головой и поднёс палец к своему рту, типа помолчите пока, не мешайте мыслительному процессу.

Нет, но как быстро сориентировался, шельмец. Ишь ты, бдит на посту! Или это он только для меня делает вид, что медитирует? А на самом деле уже мысли судейские актив-

но гуманизирует, отрешаясь от всего сущего? Из неведомой простым смертным глубокой нирваны. Может он тут вообще инкогнито под прикрытием, а на самом деле это знаменитый Кашпирович из Лапенжоповки, со своим коронным номером наполнения благомудрием замшелых мозгов через раскрытые чакры? Муладхарит, понимаешь, напрямую через манипуру. А я сейчас совсем как Нео, который сдуру развалил прекрасный мир Матрицы.

Время тянулось в томительном ожидании, пока судья медленно и невозмутимо перечитывал разложенные бумаги.

«Ну, что ему там детективчик подсунули по ошибке?», – начал я ёрзать от переполняющего нетерпения, – «Слова заковыристые попались или секретарша, вместо решения по моей судьбе, свою личную маляву всучила об извращённом глазе с требованием на бесплатный аборт?»

Фу, дочитал, родимый. Давай, не томи, лепи своё правило. А то я скоро вообще только на одну феню перейду с такой жизни. Все же со школьной парты знают, что бытие и сознание неразделимы, как нерушимая связь и любовь всех советских народов. Вон, даже Костик напряжённо на судью уставился. Засиделся, служивый. В бой рвётся. И ему не терпится узнать веское слово образцового правосудия.

Судья повертел в руках свой деревянный молоточек, отложил в сторону, и стал монотонно зачитывать текст, не делая никаких пауз. Костик потянулся вперёд, похлопал своим ртом, потом суетливо схватил авторучку и стал стреми-

тельно выводить малопонятные каракули на единственном, уже полностью исчерканном листочке, изредка бросая преданные взгляды на судью.

– Ну и... – весьма внятно произнёс я через некоторое время, – Переводить будем или глазки рисовать? Что там твоя клинопись вещает?

Костик, сначала отрицательно мотнул головой, но потом осмелился, и виновато вклинился в речь судьи, всем своим видом показывая, что он здесь совсем не причём. Как дети малые в песочнице. Боится, что по кумполу судейской кувалдочкой схлопочет? Вообще говоря, Костик за последние четверть часа очень преобразился. Он бы ещё язык от усердия высунул, хвостом завилял и стал повизгивать от восторга, внимая мудрой речи Великого Судии. То ли сам в судейскую братию намылился, то ли что-то в речи судьи его так возбудило. А я тут сижу без понятий. Нехорошо это.

– Судья будет делать паузы для перевода... я постараюсь очень коротко... потом получите письменное решение.

– Да оно мне нах... э-э-э... хороший перевод только нужен... но краткий. Позитивный итог.

Костик пробежал глазами по своим закорючкам и торопливо начал:

– Суд первой инстанции города Лаппеенранты... решение об аресте... номера пропускаю... дата – сегодня... требование сделал старший таможенный инспектор... дальше идут все ваши личные данные...

- Лабуду пропусти, суть давай.
- Таможня требует ареста... причины были указаны...
- Это то, что зачитал вон тот жук таможенный?
- Да. Он его сегодня письменно приложил.
- Бойко накосячил.
- Что?
- Это я так... отвлёкся... что там дальше, а то судья ждёт?
- Дальше ответы... подозреваемый опротестовал требование об аресте и потребовал отпустить... быстро... нет, моментально.
- Это правильно. Хотя не помню такого.
- Подозреваемый никогда не видел... инвойс и таможенный документ.
- Ты смотри, точно зрит в проблему.
- У подозреваемого нет причин для побега или... влияния на доказательства...
- Истинная правда.
- Подозреваемый готов согласиться на запрет на путешествия...
- Хоть сейчас подпишу. И перестаньте говорить подозреваемый. Коробит.
- Судья говорит, что запрошенный таможней срок расследования не слишком длинный... хотя расследование может закончиться и раньше.
- А сколько следак запросил?
- Не знаю... далее... суд будет учитывать ваши финансо-

вые потери, но это дело очень серьёзно.

– Я понимаю. Но и у меня деньги немалые...

– Теперь судья должен изложить позицию... требователей ареста.

– Кого?

– Прокурора.

– И эта плесень туда же.

Костик подобострастно уставился на судью и закивал головой. Судья замонотонил дальше. Костик перевёл дух и зашелестел:

– В документах покупатель... ваша компания... груз направлен на ваш адрес... расследование дела только в самом начале... просит удовлетворить требование об аресте. А теперь решение суда.

Костик опять стал быстро чиркать по бумаге. Потом нескрываемо облегчённо вздохнул:

– Решение суда... общие причины для ареста... преступление, по которому требуется арест... вероятностные подозрения...

– Да что это за хрень у вас такая «вероятностные подозрения»? Ты мне эти слова по-фински перепиши – я тоже где-нибудь острым умом блесну!

– У нашей таможни просто имеются подозрения... не мешайте... подозрения в уклонении от уплаты налогов в особо крупных размерах... судья говорит, что это произошло в Лаппеенранте... дальше он говорит о грузовике и как нашли

контрабанду... то же самое, что доложила таможня.

– Пропускай.

– Нашли 14.428 тысяч блоков сигарет.

– Я помню.

– 500.000 евро надо было заплатить в случае легального импорта.

– Уже слышал. Я в эти игры не играю.

– Ваша компания указана в инвойсе... вы владелец компании... глава правления... ответственное лицо компании, которая указана как получатель и покупатель товара... есть существенные подозрения... вы знали, что за товар прибыл...

– Не знал.

– Это вам надо сказать потом следователю. Я продолжаю... учитывая, что количество сигарет крайне большое... есть причины вас подозревать в преступлении. Теперь дополнительные обоснования ареста.

Костик опять вернулся к своему листку, а меня стали терзать смутные подозрения. Что-то далековато в сторону от домашнего очага уклоняется мой путь. При такой-то подаче. Да и звучат эти обвинения как-то больно убедительно. Вот только никак не могу пока понять, как это я умудрился стать владельцем контрабаса, да ещё приписанного на мой домашний адрес. Всё это оч-ч-чень странно и без документов мне ничего пока не прояснить. Надо обдумать, как их запросить...

– Максимальное наказание за преступление... более одного года тюрьмы, – прямо мне в ухо громко и удовлетво-

рѐнно сообщил Костик.

– Чтоб тебя! – взвыл я, чуть не упав со стула. И уже тихо добавил, – Предупреждать надо. Так и мотор порвать можно.

– Бойтесь тюрьмы?

– Нет, просто от неожиданности. Я что-то отвлѐкся. А тут такое в ухо. Да, не хотелось бы. Что там дальше?

– Есть причина также подозревать... вы русский... вы сбежите... или другим образом будете мешать расследованию.

– Я это уже в третий раз слышу.

– Учитывая персональную ситуацию... ваш возраст... семейные обстоятельства... этот арест не является необоснованным или негуманным.

– Я что, на свободе засиделся?

Но Костик невозмутимо продолжил:

– Злостность преступления и важность расследования данного дела... важнее вреда подозреваемому... это вам... понесѐнного за это время.

– Спасибо, понял.

– Арест является обоснованным и гуманным.

– Гуманоид, блин.

– Кто?

– Я!!! Гуманофродит какой-то особенный.

– Я продолжаю... вы гражданин России... на свободе вы сбежите из Финляндии...

– Зачем?

– ... так ожидается очень серьёзное наказание... если вас

признают виновным...

– Но пока ещё не признали.

– ... есть подозрение, что вы будете негативно влиять на следствие...

– А как на него можно повлиять?!!!

– ... вы будете скрывать собственное участие в этом деле... разговаривать с людьми, которые об этом деле что-то знают... прятать и уничтожать доказательства...

– Какие доказательства?!!!

– Которые пока ещё не получены чиновниками... да помолчите же вы! Место содержания... для эффективного, быстрого и удачного расследования дела очень важно... и на то есть веская причина... содержать вас в полицейской тюрьме... Срок поднятия обвинения... суд считает, что запрошенный обвинением срок до 16 января 2009 года... является правильным сроком.

– Какой срок?!!!

– Суд приказывает сразу арестовать... вас... и отправить в полицейскую тюрьму Лаппеенранты... а когда у следствия появится такая возможность... отправить в тюрьму города Миккели... пока не будет другого решения. В тюрьме Лаппеенранты вы можете содержаться максимум до 3 декабря 2008 года... если нет других причин, которые делают... важным продления вашего содержания... Всё.

– Что всё?

– Решение суда.

– Я могу что-нибудь сказать?

– Нет. Суд закончен. Вам сейчас надо идти в тюрьму.

И точно, судья встал и неторопливо поплыл к выходу. За ним потянулись мои обвинители. Адвокат неловко помялся, пожал плечами и также намылился к выходу. Ну, уж нет, соловей ты наш, малоголосый.

– Когда мы можем обговорить это... – я пощёлкал пальцами, стараясь подыскать цензурное слово, – Странное решение суда?

– В понедельник. Сразу после допроса. Я обязательно буду присутствовать на вашем допросе. А после обсудим апелляцию. Через две недели её рассмотрит суд.

– А раньше никак?

– Нет. Это нормальная процедура.

– А что мне делать?

– А вам сейчас в тюрьму, – в глазах Костика мелькнула лёгкая усмешка, – У меня ещё дела, а офицер таможни вас... проконвойствует... это так... идите с ним.

Картина маслом. *Finita la Commedia*. Все освободились и уже занялись своими делами. Кроме меня.

А вот мне предстоит открывать новую страницу в своей биографии.

И ведь не рыпнешься.

ДОПРОСЫ

Последующие за судом выходные дни в тюрьме ни под какое иное определение, кроме как *reality show* «Трезвоатель буйных алконавтов» просто не подходит. К счастью, без прямого контакта и визуального ряда.

Весь остаток пятницы я старательно забивал себя чтением российских книг, дабы вытравить из головы чёрные мысли и постоянно всплывающие всё более изощрённые ругательства и невероятные планы мести.

Но это всё пока надо откладывать в долгий ящик из-за отсутствия конкретных целей и фигурантов. Как нам мудро завещал великий вождь, учитель и друг всего трудового человечества⁶². Знал в этом толк товарищ Коба, ох хорошо знал. И всегда умело пользовался. А чем мы хуже?

Но больше всего меня угнетает отсутствие компьютера и невозможность намертво залипнуть в паутине. Оторвали, нехристи, от живого контакта с миром. Просто как в другой век засунули, без виртуальных баталий и сисек. Как там у нашего афро-русского классика⁶³? Гнилой приют убогого чухонца. Ничего не меняется. Теперь бетонная пещера с наскальными рисунками и в хлам ухайдаканной сантехникой. Тишина и запустение.

Всё кардинальным образом изменилось к вечеру.

⁶² «Месь – это блюдо, которое надо подавать холодным». © Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).

⁶³ «По мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там, приют убогого чухонца». © Александр Сергеевич Пушкин.

Тюремные коридоры стали оживать. Поодиночке и мелкими группками полицейские стали доставлять первых жертв, переоценивших свои силы *в борьбе с зелёным змием*. Как оно обычно и бывает в таком очном споре, за явным преимуществом победили представители защитников окружающей среды.

Своё бессилие проигравшие отмечали воплями, руганью. Изредка перемежая громкими песнями и тренировочными боями с дверями камер. А потом через вентиляцию тихо пополз *запахок* – большое спасибо проектировщикам за столь продуманное издевательство. Это было весьма неожиданно, а от того ещё более неприятно. Кто мне объяснит, почему ближе к ночи эти ещё днём нормальные люди превращаются в зловонных *смердов*, а камеры вопреки всем физическим законам наполняются летучими газами по закону сообщающихся сосудов?

Я даже вспомнил малораспространённое словечко *дефекация*, которое необходимо знать всем ежедневно взирающим на собственный процесс выведения из организма твёрдых или жидких непереваренных пищевых остатков через задний проход. В школьный курс также необходимо ввести и *флатологию* – науку о флатусах⁶⁴. *Флатуны, флатунчики и флатусики* требуют научного подхода и классификации.

Не надо безграмотно пускать неклассифицированные *ветры* на окружающих. Тут всё серьёзно. А то можно голову

⁶⁴ Flatus – просто вежливое название выброса газов из кишечника.

потерять и запаниковать в подобных экстремальных ситуациях. Если к выхлопам переработанной продукции местных рыгаловок притерпеться как-то можно и довольно быстро, то вот к смеси с недержанием ранее употреблённого, да ещё из всех ослабленных проходов – очень проблематично.

Тут просто стало не до книг. Я мотался по камере, стараюсь дышать только через рот, ожесточённо куря одну сигарету за другой. Вспомнил даже старый способ избавления от вони. Стал через равные промежутки сжигать длинные ленты туалетной бумаги. Правда, помощи от этого *как мёртвому парфюм*. Копчёное дерьмо ничуть не благороднее свежего. Ну, вы поняли...

Тогда я начал на слух определять методу и принципы заполнения камер и молить всех местных святых и их угодников вразумить вертухаев, чтобы те максимально уплотнили наиболее удалённые от меня камеры. А лучше вообще за поворотом. Можно вообще за порог не пускать. Пусть их там ветерком обдувает. Заодно от голубей избавятся.

Ещё возвращаясь с суда, я имел весьма сомнительное удовольствие лицезреть открытые на проветривание пустые общие камеры. Бетонные коробки раза в два больше моей, но вообще без всяких архитектурных излишеств. Унитаз, раковина, а по центру здоровенный сток для грязи, да в углу навалена стопка из десятка-другого пластиковых матрацев для совсем сдавшихся. Под потолком всё те же монументальные видеокамеры для наблюдения за этим чумным муравейни-

КОМ.

Охранник, предложивший заглянуть внутрь камеры, радостно сообщил, что смыв унитаза осуществляется извне. Если не врёт, то толи воду экономят, либо берегут природу от необратимых загрязнений. А может, даже социологические исследования проводят на выживаемость своего народа в частных отходах. Кратковременный симбиоз с отторгнутым собой. *Total recycling*. Заодно узнал и про самый существенный недостаток этой тюрьмы. Дезинфицируются общие камеры только по вечерам понедельников. Так что с началом трудовой недели мне придётся пережить новую атаку – не менее агрессивной хлоркой.

Хотя наличие видеокамер позволяет (лично мне) предположить, что эти хлопотные выходные служат неиссякаемым источником ставок для дежурной смены. Финны вообще народ азартный и разнообразные *bets&stakes (ставку)* могут держать по любому мало-мальски значимому поводу не хуже британцев или китайцев. Азартные, аж до исподнего.

До самого утра хоровые децибелы зверствовали между затуханиями и усилениями. При этом уже вполне можно разобраться, кто и где скис и утробно храпит, кто ещё бодрствует и поёт, а у кого неиссякаемый самобытный фольклор и глубокие познания в жизнеописании извращений в семьях вертухаев.

Но самое занимательное, что вообще не слышно шума потасовок или иных форм мелкого членовредительства. Явно

не попали в раскинутый полицией невод загулявшие русские души. А у финнов только и получается, что *шуму много – драки нет*. Это просто как звуковой фон, который, наверное, стоял в древности у *терпил* после молодецкого рыка: «*Сарынь на кичку!*», когда некоторые хоть и могут слегка покочевряжиться, но должны лежать смирно, пока происходит неторопливый и вдумчивый *гон-стон*. Иначе дух вышибут. Для удобства и большей продуктивности изыскательских работ.

В общем, *трупная дурка*. Запахи соответствующие. К ним вот только никак не привыкнуть из-за слишком частых изменений. Одно утешает, что табачный дым из моей камеры когда-нибудь перебьёт все выбросы расслабившихся сфинктеров у перегулявшей публики. Прямо как по пророческой фразе Великого Кормчего⁶⁵. Может плакат на стене нарисовать? В добром старом стиле: «*Ответим ударными перекурами на турмалайские передние выхлопы*». А уж задние они пусть вынюхивают сами.

После полуночи в особо громкие всплески эмоций я стал вносить и свой посильный вклад. Однако сразу выяснилось, что попытки исполнять по-шалаяпински: «*Вечерний звон, бом-бом, вечерний звон, бом-бом, как много дум наводит он...*» неизменно приводили к тому, что голос мой давал презренного петуха и жалко обрывался. Но это явно издержки запойного курения и расшатанных нервов.

⁶⁵ «Ветер с Востока одолеет ветер с Запада». © Мао Цзэдун.

Приходилось переходить на более приземлённое: «*На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед, рабочий народ*». Хотя этим я смог свою общественную позицию громко высказать и морально помочь захваченному мирному населению в борьбе против государственных супостатов. Почти как новый рупор революции *Финн дель Кастро из Рус*, хоть и оторванный здесь от своих *барбудос*, перед началом штурма казармы Мон Гады⁶⁶.

Умиротворённый, я уснул вместе с утихшей тюрьмой только под самое утро. И даже увидел фривольный сон. Только вот судье с прокурором он бы точно не понравился ни с одной стороны. А про таможенников тут и говорить нечего. Странный сон. Несмотря на то, что у меня махровая гетеросексуальная ориентация. Видно раскрепощённое подсознание искало пути к главному виновнику, перебирая их по очереди с разных направлений. Жаль, но я так пока и не выяснил, кто в этой странной истории с контрабасом может сыграть первую скрипку. Видно, *сиё тайна великая есть*.

Надо дождаться допросов по контрабасу и уже там разбираться, откуда выскочил такой умный и предприимчивый нарушитель спокойствия. И, по возможности, прояснить, куда и откуда ноги растут у незапланированного *рассейского табачку*.

⁶⁶ Фидель Кастро и его товарищи-бородачи (барбудос) захватили военные казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба и казарму в городе Баямо. Их главным лозунгом стали слова: «Свобода или смерть»!

Суббота прошла в пятничном ключе, а вот во второй половине воскресенья наступила тишина и покой.

– Дисциплинированный всё-таки народ, эти финны, – громко рассуждал я с умилением, наслаждаясь блаженным безмолвием и относительной свежестью, – В пятницу ужираются в полный хлам, в субботу стабилизируются и полируются, в воскресенье только слегка похмеляются и отмокают в саунах, а с утра понедельника они уже как свеженькие огурчики на своих рабочих местах. На проблемы и на начальство никакого зла протрезвевшие уже не держат. Готовы к трудовым подвигам и прочим творческим свершениям. Вот такой внутренний контроль и саморегуляция. Не то, что наша отечественная незатейливая прямолинейность⁶⁷.

А ведь даже те финны, кто сюда опрометчиво попал, явно не рвались своими добрыми провинциальными лицами царапать государственный асфальт или молодецки колотить полицейские дубинки. Деревенские, в отличие от столичных, берегут свои муниципальные объекты и имущество. А уж если допускают публичные *дефекации*, то только в свои кровные портки. Без видимого ущерба казённой обстановке и внешней среде общего обитания.

Да и вербальные выяснения отношений тут давно вытеснили добрую публичную потасовку. Я неоднократно был свидетелем таких трагикомичных сцен на улицах финских

⁶⁷ «Утром выпью пива – просто похмелюсь, днем еще добавлю, к вечеру нажрюсь».

городов. Стоят мужики друг перед другом и надрываются как на базаре, сердешные. Кто кого *на голос* возьмёт. И всегда быстро находятся добрые самаритяне, которые помогают разрешить возникший конфликт. Один короткий звонок и появляется бело-синяя *силоповка*⁶⁸.

Дальше можно наблюдать типичную картину. Из полицейской машины этак лениво выползает парочка откормленных лбов в синей униформе. Они демонстративно забрасывают в рот подушечку-другую жвачки (наследие американского кинематографа) и начинают чрезвычайно медленно и демонстративно (явно на публику) натягивать толстые резиновые или кожаные перчатки. Выдерживают паузу, а затем неторопливо двигают к вопящим *драчунам*. Те, как выдрессированные бобики, моментально глохнут, покорно подвергаются обыску и послушно ползут в арестантское отделение патрульной машины. Ни тебе протестов, ни сопротивления. Полная обречённость, вбитая ещё многие и многие поколения назад.

Мне всегда было интересно, а если у полицейских в это время обнаружатся дела поважней? Чем тогда может закончиться такой поединок? Кто первый охрипнет? Вежли-

⁶⁸ На капотах некоторых полицейских машин попадаетея и шведское написание POLIS, которое нанесено в зеркальном отображении – SILOP. Интересно, а если в России когда-нибудь введут полицию, то будут ли также писать зеркально? Было бы любопытно увидеть такую надпись, которая может дать изумительный повод для практического использования. ПОЛИЦИЯ – ЯИЦИЛОП, что окончательно оформит ментов в яйцелопов.

во потолкаются и разбегутся? Или не выдержат и перейдут к активным действиям? Плюнут особо злобно в противника (упаси их, Господь, на тротуар попасть) или гордо облегутся на противника по-малому? И то, если в сапогах – иначе не спортивно. *Кто первый иссяк, тот босяк, мать твою раз так!*

Что-то в этом духе.

Зато сколько криминальных новостей не слышал, то каждый раз они как прямое следствие слишком долго сдерживаемого собственного Я, то бишь, вовремя не реализованного эго. То отец семейства ночной порой молча наточит топорик и отправит свою спящую скандальную семейку в царство молчаливых теней; то примерный мальчик подсунет самодельную бомбу в крупный торговый центр, исходя из чисто научного интереса и отсутствия возможности обсудить свои увлечения с понимающими людьми; то отличник прикупит себе пистолет с мешком патронов и на одноклассниках начинает демонстрировать свои успехи в стрельбе по движущимся мишеням, о чём они вчера так и не захотели мне внимать.

Мне на полном серьёзе иногда кажется, что получи такой очередной сбрендивший умник перед своим *подвигом* пару раз в торец, да и сам, если сумеет, в ответ хоть небольшой фонарь навесит, то это сразу всю гниль из головы начисто вынесет. И заставит хоть слегка задумываться о последствиях своих действий.

За *любой* базар надо отвечать.

Недаром же самой радостной и шумной забавой на Руси была *буза*, более известная как кулачный бой «стенка на стенку» или «улица на улицу». Как первую кровушку противнику пустил, так все обиды как рукой снимает. Причём, у обоих. Опосля только и остаётся, что весело осушить по *мировой*. И не раз. До многократного лобызания и совместных слёз.

Только вот ушлые японцы догадались перенять у нас опыт и понаделали себе манекены начальников. Что-то не так – руки в ноги и бегом в специальный кабинетик. Там досконально выскажи *Boss imitation*, что о хозяине думаешь, даже измордовать можешь с повышенным злобострастием. Да и манекен довольно мягкий. Особо руки не поотшибаешь. Зато потом выходит такой затюканный работничек с широко раскрытыми глазёнками, улыбка во всё лицо, да и на начальничка поглядывает уже слегка снисходительно. Даже во время своего раболепного поклона. Главное не зарываться особо и слишком часто ту комнату не посещать. Иначе отправят в дальний эротический поход без выходного пособия.

Сдерживаемые и загнанные вглубь себя эмоции это просто бич нашего времени.

Зато как вижу американцев, так меня аж чёрная зависть гложет. У них у всех выражение своих чувств гипертрофированы до младенческой непосредственности. Явно всё это от тотальной рекламы и обязательного использования психоаналитиков в стрессовых ситуациях. Да и рекомендации

personal shrink (личного психоаналитика) им значительно важнее всего остального вместе взятого. Подарите любому американцу вещь безделицу, и он будет в таком восторге, будто *Chrysler* последней модели получил или неожиданное наследство от своего сволочного скупердяя-дядюшки. А уж если самую плоскую шутку при встрече запустить, то будет такая какофония смеха, оглохнуть можно. Их надо на российское телевидение оптом заманивать, когда наши лидеры перед народом выступают. Для поднятия настроения инертной биомассы.

Возьмите любую TV рекламу. Тут я за антиглобалистов и меня лично мутит от вида толпы жизнерадостных идиотов, которые просто обдeldываются от счастья, наткнувшись на кусок подозрительного мыла или левого стирального порошка. Бог мой, а как эти кретины, кретинки и их телевизионные кретинята-отпрыски, пускают жизнерадостные сопли от разных химических напитков или странных полуфабрикатов? Вот только реклама пива почти правдоподобна. Если сорт не соответствует этикетке.

Но самая честная реклама может быть только у очень крепкого бухла, наркоты и сутенёров. Там *верняк* небо в алмазах⁶⁹. Полёты во сне и наяву. Тут не прибавить, не убавить. Но засевшие на TV жлобы всегда показывают только отходняк, похмелюгу и ломку с изжогой. Несправедливо это.

⁶⁹ «Lucy in the Sky with Diamonds». © The Beatles. «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band».

Ну а америкосов, как при родах отрезали пуповину, так сразу нацеливают быть самым лучшим в том, чем конкретно занимаются. Хоть галльон драить, хоть мусор убирать, или с такими же собратями ударно строить светлое будущее для тех, кому подфартило с деньгами. А всё в надежде когда-нибудь высунуться и самому добиться недостижимого счастья. Перфекционизм, как средство вытащить выигрышный билетик американской мечты. Тотальное зомбирование для поднятия производительности труда.

Правда у них есть и обратная сторона. Это самозабвенное впадение в чёрный депресняк. Точнее в полный и безвозвратный ступор. Срывает их с катушек капитально. Вот это у них не подлежит быстрому и дешёвому лечению. Тогда таких надо быстренько отправлять в Россию на восстановительные процедуры. А если пройдут испытание русским запоем, то возвращаются как новенькие. В их мозгах происходит полная перезагрузка и возрождается утраченное стремление найти свой способ делать деньги...⁷⁰ Самое интересное, что успех после этого прямо-таки к ним нагло липнет. Если, конечно, процедура лечения не начинает регулярно повторяться.

Или вон немцы своих трудных подростков насобачились как-то в Сибирь посылать. Вроде бы и в простые крестьян-

⁷⁰ Each of these punks has a hustle – a specialty in crime (A scheme to make money). – Каждый такой мерзавец энергичен – специальность в преступной деятельности (Схема делать деньги).

ские деревни, но зато каков эффект! Наши деревни всяким там тропическим Гуантанамо сто очков вперёд дадут. Уже родились леденящие душу легенды о беззащитной голой заднице, висящей в сорокаградусный мороз на тонкой скользкой жердочке над острой как бритва горой закамневшего дерьма. Такие страсти кого хочешь в трепет введут. И ужас перед таким наказанием делает из большинства *teenagers* добрых и ласковых *pacifists*.

О, Господи! Что-то меня на философские темы потянуло. Был бы карандаш под рукой – я бы им сейчас все чистые остатки стен измарал рецептами быстрого счастья для человечества. Как наши трепливые несистемные оппозиционеры. Всё-таки видать меня сильно шандарахнуло, если на мировые проблемы потянуло. *Неладно что-то в Датском королевстве*. Правильно Минздрав предупреждает, что курение опасно для здоровья. Но, как видно, это относится именно к такой среде обитания.

В понедельник я снова сразу уснул после получения завтрака. Организм так и не сумел прийти в себя после столь насыщенных выходных. Вторично меня подняли под грохот засовов уже после полудня. В проёме двери показался здоровенный мужик в цивильном. Он остановился на пороге и долго, с явным интересом стал меня разглядывать.

Я, ещё сонно помаргивая, для придания солидности нацепил очки и взаимно стал присматриваться к нему более пристально. Некоторое время мы молча изучали друг друга. Под

два метра ростом, широкоплечий, одет в рубашку и приличные джинсы.

«Здоров, как лось на случке», – мелькнуло в голове первое впечатление от увиденного, – «Лыбится плотоядно, будто здесь ещё не оприходованное стадо обнаружил».

Этот Лось что-то негромко проговорил, но я ничего не понял, всё ещё продираясь сквозь тягучую дрему. Выругался он что ли?

– Доброе утро. Извините, что вы сказали?

– Доброе утро. Я ваш следователь. Меня зовут *Arto Huilla*... вы меня не узнаете?

«Растём прямо на глазах», – подумал я, старательно приглаживая растрёпанные волосы и пряча ненужную сейчас улыбку, – «От *Piskanen* до *Huilla*. Интересно, кто тут следующим на горизонте проявится? Какой-нибудь *Fallosonen*, *Hrenovinen* или удачно смывшийся от революции *Luka Mudischeff*? И как я его могу узнать? По оттопыренным штанам?»

– А завтрак вы проспали, – заботливо продолжил Лось, указывая на нетронутую кашу, – У вас сейчас начинается допрос. А почему вы так на меня смотрите?

– Пытаюсь вспомнить, где я вас видел.

– Я вёл ваш первый допрос.

– Да? Мне казалось, что он... то есть вы были значительно ниже ростом, – поняв, что сморозил чушь, я негромко добавил, – Умыться и покурить я успею?

– Да, я зайду через 10 минут.

Не успела за Лосем захлопнуться дверь, как я стал лихорадочно одеваться. Опа, а джинсы-то сползают. Видно, за эти несколько дней произошла явная усушка. Ремень конфисковали и теперь нечем портки поддерживать. Значит, будем пыжиться и надувать живот, чтобы облачение не потерять и срамными местами народ не смущать. Лишь бы только *флатусиками* не сдуться при таком пузырении. Будет тогда им реактивный двигатель со спадающими штанами.

Быстро выкурил утреннюю сигарету, и одновременно попытался привести себя в более-менее *товарный вид*. Зеркала здесь нет, а залезать на нары и смотреться в облезанный кем-то звонок не столько *западно*, сколько лень. Значит, доверимся своим внутренним ощущениям. Вот только надо перестать постоянно и продолжительно, да ещё с таким надрывом, зевать. Во-первых, это не очень прилично, а во-вторых, можно и челюсть ненароком вывернуть. И посчитают, что в несознанку ушёл, а это может быть чревато... Так, вроде бо-ме готов.

Ну и где этот Лось с выпендрёжной фамилией? Посмотрим, чем эта почти голливудская симпатяга меня после этого порадует. На первый, но мало осознанный взгляд, он всё-таки не полный отморозок, а это уже дорогого стоит. Ждём-с с нетерпением. А прошлый раз не считается. Я там сам был в неадеквате.

Но ждать пришлось ещё с полчаса. Я успел неторопливо

выкурить две сигареты, погулять и даже несколько раз оросить себя водой в процессе восстановления водного баланса в организме.

– *Уж полночь близится, а Германа все нет*, – негромко пропел я себе под нос, – Там что, местные дамы открыли сезон охоты на одинокого Лося? Как там в песне было? Ага! *«Из-за вас, моя черешня, ссорюсь я с приятелем. До чего же климат здешний на любовь влиятелен!»*. Только любовь на трендѐж надо бы заменить для большего правдоподобия.

– Ну и где ты, мой проводник к свободе? Надеюсь, маму твою звали не *Ivonna Susaninen*? – стал я вопрошать ещё через некоторое время, чувствуя, как меня захлёстывает нервная адреналиновая волна, и пальцы начинают заметно подрагивать – Да где же ты застрял, *моя черешня*? В коридоре заблудился? Ногу сломал, или у зеркала зацепился, увидев столь неотразимого красавца?

Ну, слава тебе. Господи! Я наконец услышал неторопливые шаги по коридору. И под шумовое сопровождение двери произошло второе явление Лося затомившемуся от нетерпения народу. В моём лице.

Лось появился на пороге прямо-таки светясь от радости.

«Тебе, что, любезный, новое звание по дороге успели присвоить, или анекдот свежий рассказать?» – уже слегка озлобленно подумал я, – «Вроде на службе, а ведёшь себя так, будто на свадьбе невесту лучшего друга успел оприходовать. Ещё бы в пляс пустился от избытка *чуйств*».

Лось сделал шутливой жест рукой в сторону выхода, мурлыча что-то себе под нос. Я прислушался. Ну, точно, напевает: – «*Home Sweet Home*».

Вот гадёныш сладкомордый! А может он просто по жизни такой? Был же у нас один глуповский градоначальник с органчиком в голове. Может и у этого что-то из народных инструментов забыли ампутировать? Или кастрировать? Ведёт себя как массовик-затейник, мозгохрен затаможенный.

Направляемый Лосем, я прошёл половину тюремного коридора – до малозаметной двери на лестницу, а потом через вереницу массивных дверей мы поднялись на третий этаж. В самом его конце он указал мне на угловой кабинет и довольно произнёс:

– Допрос будет проводиться здесь.

Здесь, так здесь. Мне всё едино. Лишь бы побыстрее моя правдивая правда на свет божий проклюнулась, а моя несчастная оболочка была выдворена отсюда без всякого промедления.

Комната для допросов представляла собой очередной эталон финских бюрократических заведений. Серая окраска стен, типовая фанерная мебель из *Ikea* – стол и несколько шкафов, забитых папками. И обязательный комп забытой древности. Интересно это тот же кабинет или другой? Совершенно не могу вспомнить. Да и темно вроде было.

Лось указал мне на стул перед изогнутым столом. Я сел и стал осматривать немногочисленных присутствующих.

Так, здесь опять присутствует Костик. Рядом с ним какая-то излишне полная дама классического финского облика и мой незабвенный адвокат, который и тут продолжает мирно себе отдыхать в уголке. Вид у адвоката настолько непрезентабельный, что мне даже стало за него немного стыдно. Ну, бомж-бомжом. Ему не меня защищать, а с шапкой для милостыни ходить, если уж государственных гонораров не хватает. С чем-нибудь заунывным: «Подайте монетку малую на моего несчастного русского. Защитим вымирающую нацию». И ведь ему никакого дополнительного реквизита не потребуется. Может только для полной законченности образа ему фингал под глаз поставить? Тогда за неполный рабочий день сможет насобирать столько, что хоть процесс века финансируй за счет сердобольных граждан. Главное, чтобы сионисты не пронюхали.

Ох, но что-то мне уже разонравилось всё это. Спинным мозгом чувую, что не к добру всё это, ой как не к добру.

– Это аппарат для ведения записи допроса, – Лось слегка подтолкнул в мою сторону весьма древний диктофон. Хорошо, что хоть цифровой, а мог бы и кассетный на своём складе откопать. Ну, просто поразил. Ещё бы авторучку показал, как прогрессивную замену свежих перьев из подшефного курятника. Он меня, что за полного недоумка держит или это такая предварительная психологическая обработка?

– То есть я говорю, а оно записывает? А потом можно себя слушать? – я постарался убрать из своего голоса всю желчь и

сохранить интонацию на среднем, почти доброжелательном уровне.

– Да, только старайтесь говорить вот в этот микрофон, – он потыкал пальцем в торец этого чуда прошлого века, – Мы вас выслушаем, а потом напечатаем протокол допроса, который все присутствующие подпишут.

– У вас даже печатная машинка есть? – неожиданно для себя я услышал свой так опрометчиво вылетевший каверзный вопрос.

– Нет, я сейчас включу компьютер. Протокол будет на финском языке. Остальной допрос будет также проведён на финском. Начиная с этого момента, вы можете говорить только по-русски.

– Спасибо, у вас просто невероятное техническое оснащение, – сообщил я, мысленно представляя, как бы мог использовать такие продвинутые новинки. Может, если выпотрошить всю начинку, то будет ли удобно пустые корпуса приспособить для хранения гвоздей или шурупов? Пока, правда, их у меня в хозяйстве нет, но это так на отдалённую перспективу. Ничего другого в голову пока всё равно не лезет. Кактусы точно сдохнут. От ядовитой ржавчины.

– Ну что вы, – этак вальяжно ответил мне Лось с ноткой барской озабоченности в голосе, – Финансирование нам пока не позволяет иметь самое современное оборудование. Приходится иногда пользоваться кое-чем из своих личных запасов. А сейчас немного подождите, пока я всё тут подго-

ТОВЛЮ.

Лось долго и неуверенно открывал заветный файл в компьютере. Потом задумчиво перечитал открытое. Покопался в своих бумагах, изредка впечатывая небольшие изменения.

«Это что, и здесь прямо-таки хроническое нежелание заранее готовиться, или это очередной штрих к созданию необходимой атмосферы для наиболее эффективного проведения допроса?» – непроизвольно я начал более внимательно присматриваться к Лосю.

В целом довольно красивый мужик. Этого у него не отнять. Правильные черты северного лица. Короткая стрижка, выгодно подчёркивающая его характерные особенности. Явно у хорошего мастера пользуется. Глаза вот только плохие. Какого-то бледно-серого оттенка и оттого кажутся непропорционально маленькими. Как бельмы с чёрными зрачками. Нижняя часть также немного подкачала. Волевой подбородок, обесценивают начинающие брыли, а узкие бескровные губы наводят на неприятные подозрения. Такому только в Голливуде играть добропорядочного гражданина, который в финале оказывается законченным психопатом-убийцей.

«Батюшки мои, а губы то у него явно подкрашены. Вон как тонкая плёнка на свету отблёскивает», – подивился я, – «Или это у тебя герпес, несостоявшийся герой экрана? Жалко, что не генитальный. Под статью фамилии».

Но, надо отдать должное, выглядит очень представительно. Особо на вкус тех дам, кому за сорок с солидным хво-

стиком. Волосы причёсаны со старанием, брови как по линейке. Выщипывает он их что ли? Ногти очень ухожены и даже, кажется, отполированы. Так кто же вы, господин следователь? Актёр по службе или никак не сделаете решительного шага на перепутье в окончательном выборе своей правильной сексуальной ориентации? Тут только я заметил, что улыбка наползает на лицо Лося только в момент, когда он поднимает голову, отрываясь от бумаг или от монитора.

«Ай, молодца», – у меня даже пробилось что-то похожее на умильное уважение, – «Ты доподлинно знаешь о своих недостатках. Тут какая-никакая, а всё же дама сидит. Вот перед ней и выставляешься в наиболее выгодном свете. Заодно и брыли свои улыбкой подтягиваешь. Слегка кобелируешь, значит, при исполнении».

Этакий слащавый герой-любовник в процессе раскрытия преступного замысла врага. Правда есть ещё поганенький шансик, что это гримасы пассивной кокетки перед подружкой. Или нашему ароматному Костику сигналы посылает. Тогда он только такую славную фамилию позорит. Но для меня это может быть совсем плохо. Если Лось не традиционал, то моя сущность никак не даст нам конструктивно общаться. Оскорблю ведь без злого умысла или брезгливости своей не скрою к лощёному *дерьмотолкателю*. Терпеть ненавижу таких *педриотов* на службе родины.

Хотя пока никак не могу уловить, что он за зверь такой и чего от него можно ждать. И как с ним вообще держаться.

А о прошлой встрече вообще ничего толком вспомнить не могу.

Наконец Лось закончил свои дела и барским жестом подсунул свой диктофон поближе ко мне. Сзади заскрипел стул. Это Костик подсел поближе и накрыл меня своим дыханием.

«Опять забыл освежить полость рта», – так-то оно так, но надо бы быть поспокойнее, тут же одёрнул я себя, – «У каждого свои недостатки. Я тоже не весенние ароматы источаю. Да и видок у меня должен быть соответствующий. В общем и целом, тут все *по-своему* хороши».

Лось начал торжественно читать, что сегодня 10 ноября и начинается второй допрос подозреваемого в ужасном уклонении от налогов. Костик неторопливо дотолмачил, поглядывая в окно:

– ... допрос будет проводиться следователем таможни в присутствии адвоката задержанного, его переводчика и под наблюдением понятого.

«Ого, дама, значит, выступает здесь *кивалой*», – я тут же начал её бесцеремонно рассматривать, – «Ишь ты, как она преданно на Лося смотрит».

Что мы с неё имеем? Подходит к перезрелому возрасту. Любит много и сытно поесть. Мало двигается. Килограммчиков 30 можно было бы безболезненно скинуть и даже тогда остаться женщиной с рельефными формами. Не мешало бы ещё приличный насисечник прикупить себе на падающее вымя, а то оно скоро совсем под юбкой окажется и при ходь-

бе мешать будет. И никто не поверит, что эти сиськи с мозгами. Не приведи, Господь, ей в корсет вздумается влезть, тогда неизвестно с какого фланга жировые запасы вырвутся на волю. Только вот ноги, определённо, впечатляют. Мечта тяжелоатлета-кавалериста. Ей бы рекламировать логотип McDonald's. Хотя может и зря я так. Где-нибудь в аравийских песках была бы недостижимой мечтой зажиточного кочевника-бедуина. И ходила бы вся в золоте, такая из себя неотразимая. А пока вон сколько сырья для дармового мыла пропадает, злостно утаённого от нужд африканской бедноты.

Да и неприлично ей так пялиться на Лося, как на чудотворную икону. У них что, служебный роман? Но, мне кажется, такой роман ей может светить даже не через год после *конкретной голодухи*, да и то только где-нибудь на необитаемом острове. Лось её может рассматривать исключительно как рабочий аппарат для оздоровительного отправления насущных физиологических потребностей. И только за неимением иных подходящих объектов. О, как я загнул! И почему, интересно, сексопатологом не уродился, раз такой прозорливый?

Ходит себе на работу этакая подвядшая Пышка, как хранительница секретов своих более удачливых товарок. Явно ведомая. Что скажут, то и сделает. Итог плачевный. У нас здесь присутствует явный *безропотный подписант*. На шее висит таможенная бирка. Если направили сюда, то, похоже, что это биомасса из офисной *шлейфовой некондиции*, при-

годной только вот для таких второстепенных задач. Точнее, просто для закорючки в протоколе. Шнек⁷¹. Точнее, *инечка*.
Конторская улитка.

Лось закончил что-то подправлять в своих записях, и выжидательно уставился на меня.

– На основании чего я здесь? – сразу выпалил я так муравший меня вопрос.

– А мы не обязаны вам отвечать. Идёт следствие, и оно определит степень вашей вины.

– Но тогда почему арестовали ещё и мою жену?

– Против вас даны убедительные показания, что вы вместе можете иметь определённую информацию о российском преступном сообществе.

– Что? Кто вообще мог такой бред выдумать? И о каком российском сообществе?

– О преступном. Все факты пока говорят об этом. Есть ещё и заявление из организации, которой мы полностью доверяем.

– Какие факты? О преступлении я вообще узнал только на суде. И что это за организация такая?

– Мы ещё к этому вернёмся, а пока приступаем к плановому допросу. Тут только я задаю вопросы, а вы быстро и чётко даёте на них краткие ответы.

– Хорошо.

⁷¹ Шнек – стержень со сплошной винтовой гранью вдоль продольной оси, от нем. Schnecke – улитка.

– Только убедительно прошу вас говорить исключительно правду. Это в интересах вас и вашей жены.

– Ну, уж это-то я прекрасно понимаю.

– Хотите что-нибудь добавить к предыдущему допросу?

– Я? Нет, – мне как-то стыдно признаться, что я ничего, кроме дурацкого вопроса о таинственном телефонном звонке, якобы полученном мною в Турку, вообще не помню. Или там ничего другого и не было?

– У вас были наличные средства во время домашнего обыска?

– Да. Что-то около 15.000 евро.

– Они были спрятаны?

– Зачем? Лежали себе спокойно в коробке на самом виду.

Под рукой, так сказать.

– Что это за деньги?

– Евро. Кроны. Рубли. Долларов, по-моему, там не было.

А может и были.

– Кому принадлежат эти деньги?

– Мне и моей компании. Расходняк. Остатки от командировок и десятка как возвратный залог одной русской кампании. Ну, как гарантия последующих банковских платежей. У одного из моих клиентов... как бы поточнее высказаться... у него лёгкое недопонимание со своим банком... по размеру открываемого паспорта сделки. Вот у меня до сих пор и валяется его залог. Сто тонн бумаги и оставшаяся часть наличными. Я за него давно всё проплатил и жду контрактно-

го перечисления денег. Общая сумма там что-то свыше пятидесяти тысяч. Если хотите точно узнать, то нужно посмотреть бухгалтерские документы.

– Как и когда вы получили эти наличные?

– Месяца два назад. Даты не помню. В компьютере есть все эти записи.

– Зачем вы получили эти деньги?

– Чтобы быть уверенным, что клиент заплатит. Если заплатит всю сумму, то получит свои наличные и бумагу назад. Если что-то недоплатит, то разница из этих денег будет положена на счёт компании. В бухгалтерию такой залог не вносится по закону. Это наша *джэнтельменская* договорённость во избежание ненужных рисков и обид. Как у нас говорится, *хочешь нажить себе кровного врага – дай человеку в долг.*

Лось заметно увял и стал увлечённо рассматривать бумаги, сверяясь со своими рукописными пометками на отдельном листочке. Потом он хищно посмотрел на меня и замогильным голосом спросил:

– А что это за эстонская транспортная компания, которая вывозила эти панели из Финляндии?

Однако, я вам скажу. Подвывание, в сочетании с выхлопами Костика, это действительно нечто! Им бы на пару в театре зомби играть. Только что восставших из протухших гробов. Сногшибательный будет эффект. Я затаился, выждал несколько секунд и на выдохе произнёс:

– Обычная небольшая компания. С самыми низкими провозными ставками при очень пунктуальном выполнении своих обязательств. Рекомендовали российские транспортники. Тут есть некоторые определённые проблемы с иностранными водителями на транзитных перевозках грузов внутри Финляндии. Это требует разъяснений?

– Нет. У нас свои специалисты, которые проанализируют этот вопрос. Давайте вернёмся к строительным панелям. Расскажите ещё раз с самого начала о вашей совместной деятельности с этой российской компанией. Очень подробно.

Я битый час вещал о грандиозных планах Абаса и возникших потом у него проблемах с грузополучателями. И о бесславной стагнации или окончательной кончине производителя этого несостоявшегося чуда.

Лось сидел с кислым лицом и даже не порывался побарабанить по клавише. Хотя бы для приличия. Да и мне уже давно пора завязывать впустую языком молоть. Я им что, сказки тут рассказываю, что ли? Тоже мне, нашли кота учёного. Ни тебе вопросов, ни тебе уточнений. Не аудитория, а склад замороженной трески.

– Всё, что вспомнил, я сейчас рассказал. Ещё вопросы есть?

– Нет. Пока этого достаточно, – сказал он сумрачно и даже без своей коронной улыбки, – Я сейчас распечатаю протокол, и все в нём распишутся.

– У меня вопрос. Почему я арестован?

– Вы пока только временно задержаны. На период проведения следствия.

«Хрен редьки не слаще», – с тоской подумал я, – «Ох как прав был дяденька Высоцкий: *чтой-то неприличное на язык ко мне просится: Хун-вей-бины...*».

Но надо и мне шаги навстречу следствию предпринять:

– Есть большая просьба. Мне нужны копии всех транспортных документов по этой странной контрабандной поставке. Номера всех арестованных партий сигарет. Эти номера выдавлены на каждом блоке и каждой пачке. Нужна связь с Россией. Я думаю, что уже в ближайшие дни буду обладать полной информацией по всему этому криминальному делу.

– Нет. Это невозможно, – на лице Лося заиграла улыбка. Такая светлая и радостная, что я даже поперхнулся, – Вся эта информация засекречена вплоть до окончания следствия. И вам мы её не дадим и никаких документов не покажем. Со всем. Пока сами во всём полностью не разберёмся.

Я не знаю, что отразилось на моей физиономии, но взгляд Лося споткнулся, и лицо его нехорошо затвердело. Даже алые пятнышки на скулах выступили.

«И с этим точно не споёмся», – со встречной неприязнью глядя на него, подумал я, – «Красавчик-то, оказывается, с ба-а-альшой гнильцой. Он дело шьёт, а тут я под ногами путаюсь со своей помощью. Ну что у меня за рожа такая, прямо открытое зеркало души, *растуды его в бубен*. И всё на ней ясно прописано. Нет, чтобы всем видом показывать, что

всем доволен. Влип ты, сокол мой ясный. Точнее, жопа ты, сокол, да туда же тебя и запихивают. Притом в очень большую такую, просторную и чрезвычайно глубокую».

Из тягостных раздумий меня вывел Лось, ловко подсунув мне на подпись листки протокола допроса и авторучку. Костик получил свою копию и бодренько её оттолмачил. Я прослушал, неторопливо подписал все листы и стал смотреть на своего адвоката. Тот поёрзал и сообщил:

– У нас с вами назначена встреча на сегодняшний вечер. Точное время мне пока ещё не сообщили. Нам предстоит обсудить некоторые проблемы.

– Да неужели? – я аж остолбенел, – А то-то я, глупенький, думал, что у меня никаких проблем нет. Пригласили лекции почитать о вкладе ленивых россиян в экономику Финляндии.

– В камеру, – голос Лося стал непреклонен и суров, – Дату следующего допроса вам сообщат дополнительно.

– А можно попросить бумагу и авторучку, а то в камере у меня их нет?

Лось брезгливо сунул мне несколько листков из принтера и обгрызенный жёлтый *Vis*, явно выбрав самый исписанный. *Но, с паршивой овцы...*

В камере я, как загнанная оса, барражировал, размахивая лапками, и старался понять, чего добивается Лось. Полный отстой получается. Лося что, мой пустопорожний трёп нужен для отчётности? Или рабочее время нечем другим за-

нять? Но, начнём по мере появления явных мутностей.

Турку. Что тогда Лося больше всего заинтересовало во время допроса? Сам факт посещения порта или непонятный телефонный звонок? А хрен его разберёт. Может, привлекая внимание к звонку, скрывал свой интерес к посещению порта? Или наоборот? Может я там секрет *шестнадцатого века* выведал, как сигареты надо правильно контрабасить? Или уловил всеми забытую секретную разницу между нюхательным и жевательным табаком?

Стоп. Порт. Вот где может быть собака зарыта. А через какой порт уходили эти панели? Первые точно через Ханко. Потом, в основном, через Хельсинки. Да и пару раз через Турку, когда пробовали другой маршрут, исходя из надуманных клиентом экономических соображений. Но тогда почему Лося порт Хельсинки не заинтересовал? Я там вообще-то и живу неподалёку. Могу в порт как на работу ходить. Или вообще оттуда сутками не выползть. Сидеть себе в засаде до полного посинения. Там с этим проблем нет. Всё там так удачно способствует провёртыванию любых чёрных делишек, если они, конечно, вообразятся в его следовательской голове. Тьфу ты, какое непотребство в череп прорывается. Это отбрасываем.

Так, а кто на меня *телегу* мог накатать? Экспедитор? Бред полнейший. Он получает все документы и груз на свой склад прямо из России. Перегружает эти долбанные панели на таможенный склад, осматривает на предмет возможных повре-

ждений и ждёт дальнейших распоряжений о дате отправки и маршруте. Потом, опять же по заказу из России, делает растаможку с дополнительной проверкой с привлечением инспекторов. Но это в теории. На практике все старательно берегут свои ноги, маникюр и такое дорогое личное время. Спокойно подмахивают полученные от экспедитора бумажки и выписывают счета на налоги и пошлины, если таковые предусмотрены. Потом экспедитор делает новые транспортные документы, и груз уходит к другому получателю. А это очередной перевалочный склад. И что экспедитор может такого знать обо мне? Тем более, что мы даже не встречались ни разу? Что я своевременно оплачиваю его услуги, а это выглядит страшно подозрительно?

Или всё же водила? Но он вряд ли попадает под упомянутую Лосём организацию, к которой, как сам он заявил, имеет полное доверие. Или что он там говорил о показаниях? Всё равно какая-то полная туфта.

Темнит, гражданин начальник, ох темнит *чудь белоглазая*. Была бы правда, то *очняками* бы замучил, как говаривали некоторые знатоки по телеку. Или время не подошло? Не все бумажки ещё выстроены стройными шеренгами? Но вот с моими документами у него проблем не должно быть. У меня в компе всё разложено и систематизировано. Деловая информация занимает массу гигабайт, но доступ простой и, что самое главное, очень быстрый. Я очень давно понял, как сильно это экономит моё время. И сделал свой вариант хра-

нения всей информации, взяв за основу *Timex organizer*⁷². В эру тотальной компьютеризации те первые *organizers* почти вымерли или сильно упростились, превратившись в *personal digital assistant*, сильно утратив свой первоначальный замысел. Но базовая идея осталась.

В своих компах я за считанные секунды найду все документы по интересующему меня вопросу, клиенту, событию, даже если не вспоминал об этом долгие годы. Легко, быстро и непринуждённо. Это как нетерпеливый сперматозоид запустить в нужном направлении. Правда часть информации я стерилизую или урезаю, исходя из защиты интересов клиентов, превращая их в безымянные шаблоны. Как задел на будущее. Может, через некоторое время, они пригодятся, а может и нет. *Запас память не тянет, главное, чтобы техника не глючила от моего усердия.*

Голова у меня одна, а она, как и у каждого, всегда и постоянно забита текучкой. О прошедших сделках я помню только в свете случившихся проблем. Этакий *training* на собственных и чужих ошибках. Самого себя надо не только внешне, но и внутренне уважать. Выглядеть дураком можно только раз. А если опять и снова, то значит, дурак и есть. Хоть и без справки с печатью. Да и место будет сразу определено.

⁷² Были раньше, ещё в доисторическую эпоху, очень популярны ежедневники с огромным количеством приложений, позволяющие наперёд планировать любые свои действия. К каждому ежедневнику прилагалась ещё и здоровенная коробка с различными формами на все случаи тогдашней размеренной жизни. Но они действительно стоили своих реальных денег.

Истина уж больно нелицеприятная, но на то она и истина. А с такими людьми дело иметь – себе дороже выйдет. Проверено. Какой бы высокий пост сей чел не занимал. Исключая заоблачные. Там другие расклады. Иногда, правда, стоит и потерпеть, но обычно это бывает только в случае, если лезешь играть на чужом поле в ожидании солидного куша. Тактическая терпеливость. Но это совсем другие истории, хотя в подавляющем большинстве случаев и подтверждают избитую истину.

Так что Лось легко найдёт в моём компе документальные опровержения по всем своим теориям, если он не полный урод, конечно. Или сознательно постарается не увидеть того, что не в его интересах? Посидим -услышим. Надеюсь, что он также не любитель живописи и его не возбуждала в детстве патриотическая картина товарища Иогансона «Допрос коммунистов»? Хотя с такого станется. Не дай Бог, *кровь белофиннов стучит в сердце его.*

Слегка уgomонившись, я несколько часов посвятил выработке возможных планов действий и накидал тезисы к встрече с адвокатом. Сволочь он, конечно. Нет, ну какая мне досталась ленивая и бомжеватая сволочь! Но, с другой стороны, если подумать, он то хоть и сволочь, но теперь будет временно защищает мои интересы. И ведь не придерёшься к нему пока никак и ни с чем. Подсунули мне его, убогого, в защитнички на деньги налогоплательщиков, сиречь государства. Вот и ответ за свои действия... точнее бездействия, он

держат будет перед... а хрен его знает перед кем. Может тут живут по старому советскому принципу *государственное – значит ничейное*. А на нет, как известно, и суда нет. Хотя один уже был. И этот мой *государственный предохранитель* там даже гордо отметил себя одной фразой.

Я заставил себя несколько раз вслух прорепетировать краткую речь для адвоката. Вроде бы ёмко и доходчиво. Правда, в голове постоянно гнусавенько вертелось: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Точнее про его вечную сонливую неторопливость. Посмотрим. Где наша не пропадала. Живы будем, не помрём. Тьфу ты, Аника-воин. Опять мозги в цикл закручиваются.

От таких чрезмерных усилий я слегка расслабился и как-то незаметно вырубился, продолжая цепко держать авторучку в тяжело натруженной руке.

Я помотал головой, просыпаясь. В проёме двери молча стояла весьма смазливая разбитная бабёнка и зазывно поглядывала на меня, морща милый носик.

«Ну всё, вот ещё и фигуристую *белочку* подхватил в этом санатории. *Delirium tremens*», — как-то отстранённо подумал я, помаргивая, — «Осталось окончательно свихнуться, запустить руку в штаны, начать радостно гугукать, пускать слюни и признать себя побледневшим африканским шпионом за страшным секретом русских сигарет».

– Здравствуйте, – внятно произнесла *белочка* по-русски.

– Здравствуйте. А вы кто? – спросил я, нервно косясь на

её руки в напряжённом ожидании увидеть поднос с запотевшим графинчиком водки и парой малосольных огурчиков. И услышать обыденный ответ: «А я ваша белая горячка».

– А я... ваша переводчица для адвоката. Он ждёт вас в комнате для переговоров.

– Ух ты, – у меня даже слов подходящих не нашлось, так отлегло от сердца, – Сейчас буду готов. Только быстренько общнусь с другом. С вашего разрешения, конечно.

– А вы разве здесь не один? – она сделала шаг в камеру.

– Я один, но о двух головах.

–А-а-а, так вам просто пописать захотелось? Прямо бы и сказали. А то я уж испугалась. Писайте, не стесняйтесь.

Она демонстративно отвернулась, но не тронулась с места.

– Ничего, если вы дверь прикроете?

– Вы что это, смущаетесь? – в её голосе настолько явно прорезалось удивление, что я даже опешил.

– Да вот такой я, предпочитаю гадить и пакостить в гордом одиночестве и без всяких свидетелей.

– Как хотите, – она отступила в коридор и слегка притворила дверь.

Я, тихо чертыхаясь, приложил все усилия, чтобы пустить свою нетерпеливую струю по стенке унитаза. Хоть не так громко. Как там? *Энт хтой то там ссыть як пожарная лошадь?* Просто стыд и срам какой-то. И откуда столько накопилось? От нервов, что ли? Не исключено. Моему активно

работающему мозгу явно требовалось водяное охлаждение. Теперь идёт слив отработанных отходов. Других версий нет.

Гроыхнув спуском воды, я бездумно перешёл к мытью рук. И только задушенный писк вывел меня из этого состояния.

– Ох, извините, это я не специально. Тут кран сломан. Сильно брызгает.

– Да? – недоверчивость в её негодующем голосе была уж слишком очевидной, – Это точно вода?

– Точно. А вы что подумали? – хотя догадка пришла раньше, чем я задал свой вопрос, – Нет. Это чистая озёрная вода без всяких вредных примесей. Надеюсь. Можете понюхать.

С последним я явно переборщил, так как переводчица потемнела лицом, смахнула крупные капли с блузки и отодвинулась на пару шагов в глубь коридора.

– Это... извините... я уже иду. Мне только свои записи надо взять. А где конвой?

– Он сказал, что я вам сама покажу куда надо, а вы уж дойдёте. Я тут уже несколько раз была. А он пока ушёл искать ключ от второго входа в переговорную комнату.

Я умилился такой патриархальной доверчивости. Что ни день, то всё ближе познаёшь местную деревенскую жизнь. Очень надеюсь, что хоть за мелкие провинности руку рубить или клеймо ругательное выжигать перестали. Ушли в далёкое прошлое добрые дедовские обычаи.

Переговорная, собственно, являлась двумя анфиладными

комнатами со своими отдельными дверьми. Комнаты соединены вместе окном с толстой стеклянной перегородкой и были оборудованы микрофонами и телефонными трубками.

Охранник так и не нашёл ключа от второй комнаты – маленькой и тёмной конуры, предназначенной явно для меня, то есть для неприхотливого временно задержанного. Он несколько раз чертыхнулся, ковыряясь во внушительной связке ключей, но потом разрешил нам сидеть вместе с адвокатом и его переводчицей в одной, более просторной, комнате.

– Когда закончите, позвоните вон в тот звонок, – буркнул он раздражённо, – А пока я вас тут запроу.

– Мы не представлены друг другу. Как вас зовут? – обернулся я к переводчице.

– Агрипина.

– Как? – от неожиданности я дёрнулся, – Из местных староверов что-ли?

– Не-а. С Выборга мы. Папуля перед моими родами грипп подхватил. Заранее отмечал такое событие сильно очень. Ожидал сына, а тут вот я народилась. Вот он и изгольнулся. И получилась Агрипина Никифоровна Лушина. Это моя девичья фамилия.

– Оригинальное сочетание, – осторожно сказал я, – А как правильно Агрипина или Агриппина? Я, если честно, никогда с таким именем вживую не сталкивался.

– Да чего уж там оригинального. Скажете тоже. Всю жизнь

кефирным гриппом дразнили. А некоторые гады ещё и *клушей гриппозной*. А зовут меня правильно Агрипина. Папула утверждал, что в честь святой мученицы Агрипины. Может и врал. Но в паспортном столе у меня завсегда проблемы были.

– Но сейчас уже никто не дразнит?

– Сейчас меня здесь все кратко *Pinne* зовут. Очень похоже. Но это что-то навроде прищепки или скрепки. От английского слова *pin* у них в языке так сохранилось. Ласково, но смешно.

– Да уж, обхихикаешься.

– Что есть, то есть. Да и фамилия у меня по мужу *Venäläinen. Pinne Venäläinen*⁷³. Но звучит красиво только для тех, кто финского совсем не знает.

– Ничего. Мне нравится. А чем вы тут занимаетесь?

– Сюда вот переводчиком иногда приглашают поработать. Говорят, у меня язык уж больно хороший, – она кокетливо стрельнула глазками.

Я сглотнул, прочистил горло и вежливо поинтересовался:

– А до приезда сюда?

– Ну... – тут она слегка замялась, – Тоже переводчиком... в таких, ну знаете... индивидуальных турах... контракты, переговоры там всякие... то-сё. Другой работы тогда у нас почти никакой не было. Так вот с мужем и познакомилась.

– А кто муж по профессии?

– Водитель автобуса.

⁷³ Русская прищепка.

– Да-а-а. Хорошая профессия, – я решил больше не углубляться в её историю знакомства с водителем-крутым-бизнесменом и особенностям *выборгских переговоров и контрактов*. Можно было по её виду догадаться.

Здесь от таких супружеских пар можно со счёта сбиться. Хваткое у нас женское поколение выросло. Такие не по локоть откусят, а целиком заглотнут и запором не будут мучаться. Ещё годик-другой и разведётся она со своим водителем. Станет более обеспеченной и опять независимой. Для новых свершений и дальнейшего продвижения по социальной лестнице. Знакомая картина. Эх, Семёныч, Семёныч... ты не в бровь, а просто по самому сокровенному вмазал:

*А после из прораба до министра дорастешь, -
Но, если туп, как дерево – родишься баобабом.
И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь.*⁷⁴

Прав наш народ, утверждая, что если баба под тобой превратилась в бревно, то сам скоро заметишь переизбыток кальция в организме. С половинной потерей всех сбережений. Да, по местной статистике, наши ушлые дамы из Финляндии уже больше полутора миллиардов евро урвали себе после разводов. Легко и непринуждённо.

Адвокат всё это время безучастно сидел с полужакрытыми глазами и слегка покачивал головой в такт нашему разгово-

⁷⁴ «Песня о переселении душ» © Владимир Семёнович Высоцкий.

ру. Со стороны посмотреть, так просто он ей свои ранее от-
данные наставления подтверждает. Как пить дать. Вон и ка-
мера к стене пришпилена. На мониторе у охраны любопыт-
ные могут наблюдать нашу оживлённую беседу. Интересно,
они нас сейчас пишат или это только по заявкам заинтере-
сованных слушателей?

Нет, но орёл так орёл! *Солдат спит, но службу бдит*. Та-
кую закалку сразу не пропьёшь, это уж точно. Какой, инте-
ресно, у него жизненный принцип? *Отработан зек – ask for
paycheck (требуй оплаты)*? И ведь отсыпят ему малую толи-
ку грошиков на карточку.

Я, как юный пионер, медленно и чётко изложил свою
отрепетированную речь. Даже самому приятно стало, как от
зубов у меня эта свободолюбивая хрень отскакивает. Вот что
значит *на волю захочешь, не так раскудахчешься*.

Главный постулат: *я невиновен*.

Основания для задержания: *отсутствуют, потому то
их нет, и никогда ни один следователь ничего не сможет мне
предъявить*.

Перечень срочных мероприятий для моего незамедли-
тельного вызволения из этих абсолютно антисанитарных
условий: *девять пунктов с краткими подпунктами*.

Перечень неотложных дел компании: *двадцать один
пункт*.

Варианты помощи следствию с моей стороны: *три пунк-
та, хотя я уложился бы и в три коротких слова-маршрута*.

тизатора.

Уф-ф! Я закончил и гордо посмотрел на адвоката. Он дослушивал игриво щебечущую Агрипину без всяких эмоций, как преподаватель, которому всё вокруг давно обрыдло, но, невзирая на острые приступы геморроя и подагры, ему обязательно требуется принять экзамен-обязаловку у нерадивой студентки, которая ещё и азбуку не осилила. Вот так. Обидно, но сейчас мы имеем наглядную иллюстрацию к пособию для детей «Метание бижутерии перед типичными представителями млекопитающих». Мой пыл потихоньку начал угасать.

Но я мужественно сделал последнюю попытку:

– Как срочно вы сможете нанять необходимое количество юристов, которые быстро докажут мою полную невиновность? Лучших. Тех, кого вы считаете нужными. Желательно местных и хорошо знающих специфику работы. Оплата по самым высоким расценкам.

Мой непотребный адвокат пошамкал губами, закатил *очи горе*. Это у него очень хорошо получилось. Явно отработано годами тяжёлых тренировок. Даже соизволил толкнуть речугу:

– Вам не надо сейчас платить вообще никаких денег. Всё оплачивает государство. У нас одна из самых старых демократий в Европе. Мы здесь все очень честные люди. А ваши деньги только вызовут лишние подозрения. Наши следователи самые... – он надолго задумался, пошевелил в возду-

хе пальцами и, наконец, выдал, – Самые квалифицированные и очень честные. Здесь не так, как у вас там в России. Там вы все... абсолютно коррумпированы. Вплоть до руководства страны. А у нас... демократия и порядок.

Последнее он особо выделил, что меня страшно вздёрнуло.

– А давно ли вы были в России?

– Я там вообще никогда не был.

– А откуда такие познания о коррупции и беспорядках?

– Это все знают.

– *Знайки-такие-фуняйки*, блин. Агрипина, это что за гнилой наезд на мои деньги и коррупцию?

– Не знаю, но он говорит, что до окончания следствия любые ваши действия могут негативно повлиять на конечный результат.

– Не понял. Это что, типа прозрачного намёка *сиди и не рытайся, а то хуже будет?*

Не знаю, что там Агрипина перевела, но ответ был достойным:

– Вы всё правильно поняли. Надо только очень терпеливо ждать. Оказывать следователям любую помощь. У нас хорошие и честные следователи. Самый честный и демократический суд. Все работают в точном соответствии с нашими демократическими законами.

Я громко скрипнул зубами:

– Он издевается или это такие издержки перевода? Всё

также верно, как российские жирафы самые толстые в мире. Можно не переводить. Всё равно этот сонный гриб моей мысли не догонит. Спроси его лучше о следующем. Его демократический... вот уж привязалось, прости Господи... его суд основным основанием... всё, сам уже заговариваться стал... Итак, для моего задержания суд нашёл только одно реальное обоснование, что я являюсь гражданином Российской Федерации. Это что, ненавязчивое преследование по национальному признаку? Или что-то мне пока неведомое новое, но, очевидно, блин, строго демократическое?

– Нет, суд посчитал, что вы можете спешно покинуть страну и создать трудности следствию.

– А зачем мне бежать? У меня тут семья и бизнес.

– Таково мнение следователей. Вы же русский... имеется в виду иностранец.

– Ага, *инорусская иносрань*. Но любое мнение должно основываться хоть на каких-то бесспорных фактах!

– Ну... они предполагают это с высокой долей вероятности.

– Но это уже полный беспредел. *В Москве говорят, что кур доят*. Вот это факт действительно с высокой степенью вероятности. И потом, там действительно продают торты и конфеты «Птичье молоко». Научились у поляков делать *ptasie mleczko*.

– У нас продают только куриные яйца. Ну и тушки там, ножки, крылышки. Про птичье молоко адвокат ни разу не

слышал. Но это не имеет отношения к вашему задержанию.

– Ещё как имеет. Следовательно что-то там выдумал и все считают это истиной в последней инстанции. Фактов нет. Документы предъявить мне вообще отказались. Это у них, видите ли, тайна следствия. На допросах пережёвывается полная ерунда. Он сам слышали. Кстати, а кто и что за кляузы на меня тут успели накатать?

– Следствие ведётся по всем правилам. Ваш следователь очень умный и порядочный человек. Нарушений никаких нет. Я подтверждаю. Документы и конкретные обвинения против вас пока мне недоступны.

– Хорошо. А в чём тогда заключается ваша работа?

– Следить за соблюдением законности. У нас очень демократичное государство. Вы должны это знать.

– Так само задержание уже незаконно. Оно сделано на основании предположения, что если русский, то он имеет генетические криминальные наклонности и теоретически может быть причастен к контрабанде. У вас тут что, секта ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ имени Чезаре Ломброзо?

– Но груз шёл на ваш домашний адрес.

– Да неужто? А откуда это вообще взято? Я что, выгляжу настолько полным идиотом, что избрал такой хитрожо... хитрый анальный... чёрт, не прямой, а извилистый путь и надумал послать себе на домашний адрес несколько тонн сигарет? Решил затовариться на всю оставшуюся жизнь? Самому скуриться в хлам или никотином отравить всех своих

знакомых и соседей? Так что ли?

– Просто честно во всём признайтесь следователю.

– Признаться в чём?

– В вашей степени участия в этом преступлении. Я просто информирую, что таможенное управление уже разослало всем вашим финским и европейским партнёрам извещения о том, что вы подозреваетесь в уклонении от налогов в особо крупных размерах и попросило их сообщить все известные факты вашей возможной криминальной активности.

Я несколько мгновений хватал воздух ртом, потом глубоко вдохнул и тихо сказал:

– Повторяю. Я ничего не знал об этом грузе. У меня на него никогда не было заказа. Ни от транспортников, ни от компании, которая изготавливала эти панели. У меня нет точных данных, но ещё пару месяцев назад она вроде как вообще обанкротилась. В Европе начался кризис. Там сейчас не до строительства. И груз просто не может идти на мой домашний адрес, потому, что я... даже по тому старому, уже закрытому контракту никогда не был грузополучателем. Для этих целей существуют экспедиторы. Поэтому я так настойчиво прошу показать мне транспортные и таможенные документы. А вот насчёт рассылки такого письма... это чистое бл... это конкретно подло и, как мне кажется, совершенно незаконно. Повторяю. ПОДЛО. И без всякого решения суда.

– Но в своей информации вашим партнёрам следствие только сообщило о своих подозрениях. Это вполне законно.

А если вы так упорствуете, то я мало чем смогу вам сейчас помочь. Будем ждать результатов следствия и тогда попробуем смягчить ваше наказание.

– Значит, хотите только ждать... а наказание за что, если не секрет?

– Это уже решит суд на основании документов следствия. Он может признать вас или простым участником, или руководителем российской мафии.

– Расту прямо на глазах. Как пузырь. Простым крёстным у нескольких детей был, а теперь вот и до Крёстного отца дорасти сподобился. Вы это серьёзно? Я только никак не пойму, вы мой адвокат или добровольный помощник следствию?

– Это очень громкое дело. Мы все оказываем помощь в его раскрытии. Вам лучше сразу признаться во всём. И срок будет сокращён. Я лично поговорю с прокурором.

– Да, уж это я хорошо изучил по книгам. *Чистосердечное признание облегчает вашу участь, но увеличивает срок лишения свободы.* Это ему можно не переводить. А то ещё законспектирует. Скажи этому... что мне с ним всё ясно. Поползу я лучше нах... на хату, в свою конуру. Думать буду, что делать дальше. И где искать себе нового адвоката. Такого, который меня будет защищать, а не только тратить время в смиренном ожидании. Тем более за казённый счёт. Да, спасибо за перевод. А то у меня до этого такой *стрекозёл* был... уж больно духовитый... в смысле духовно развитый...

до обморока. Ещё раз спасибо. Надеюсь, если ещё увидимся, то в другой обстановке. До свидания.

Я встал, кивнул на прощание и повернулся к ним спиной. Со всей силы кулаком шарахнул по металлическому звонку и стал ждать вертухая, с ненавистью глядя на дверь.

А что тут ещё остаётся делать? Сбежать, спереть и нагло выкурить все вещдоки натошак? Повыть? Пустить в камере слезу чистосердечного раскаяния? Вот хрен вам мхом проросший. Потихоньку пойду, завалюсь на демократические нары и буду думать, откуда появились эти диктаторские сигареты из тоталитарного отечества. Или тоталитарные сигареты из диктаторского отечества. *Тотадики* или *диктатоки*, которые тут превратились в какие-то вероятностные *демдоки*.

В камере я на собственном опыте я убедился, что в будние дни привыкнуть к окружающим запахам можно легко и даже очень быстро. Просто надо самому соответственно смердеть и забыть про редких окружающих. Тогда уже через 15 секунд вам будет вполне терпимо и почти комфортно. Если, конечно, нет аллергии, и слизистая постоянно не раздражается очередной новизной. Вон, вся Европа с десятков веков по уши в дерьме жила и ничего, до конца не вымерла. Теперь, правда, за чистотой пристально бдит. Значит и в человеческих отходах есть определённое воспитательное зерно. Может и ещё какой-нибудь полезный прок, просто я пока не оценил.

Труднее бороться со статистическим электричеством. А всё из-за этого спального белья. За ночь так наэлектризуешься, а потом приспичит по малой нужде, зацепишься за металл, а там как шарахнет. Одно слово – эбонит⁷⁵. Один раз был такой за... *предельный эбонит*, что я чуть на сопрано не сорвался. Да и днём я теперь искры испускаю исправно. Здоровые такие. Приходится на бетоне сидеть, чтобы поменьше изображать Зевса-громовержца. А то уже реально боюсь к металлу приближаться.

К постоянно горящему свету также можно приспособиться. Соорудил себе небольшой навес и вроде как чукча в чуме в солнечный полярный день. Хотя могли бы замуровать в потолок лампы значительно слабее, всё же не правительственную ложу освещают.

Реально гнобит принудительная вентиляция. *Гадом буду*, но эту хрень явно наковыряли из азиатского пыточного арсенала. Особенно это дёргает в ночную пору, когда нерегулярно сменяемая тональность, тупой скрежет и механические всхлипы просто вгрызаются в оступевший мозг. Самый сволочизм, что постоянно вслушиваешься в эти мерзкие звуки. В транс себя вгоняешь. А после бессонной ночи вообще наступает переход человека на тупиковую ветвь эволюции. *Дервиш утренний сильно дёргающийся.*

⁷⁵ «Сегодня в провинции Шаньдунь сдана в эксплуатацию новая сверхмощная электростанция постоянного тока. Три миллиона китайцев в шелковых трусах ползают по эбонитовому стержню длиной в двести двадцать километров». © Из апрельской передовицы «Инновации без инвестиций».

И это так не только на меня одного так действует. На стене я нашёл инструкцию, как заклеить эту проклятую вентиляционную решётку. Что-то вроде временной заглушки из подсобных материалов. И на второй день после её прочтения я сдуру поддался искушению. Полдня провозился, но и полчаса не прошло, как я с проклятиями повывёртывал все эти затычки. Уж лучше в конец свихнуться, чем загнуться в личной душегубке. Да ещё и от никотина, купленного на свои кровные. Пока я себе ещё дорог, как память о славном боевом прошлом, то обидно так просто сыграть здесь в ящик. Это уж как-нибудь в другой раз и в другом месте. Да и предпочтительно за чужой счёт.

Вот так всего за декаду, проведённую в одиночке, я незаметно превратился в нервную особь с тремором. Тупая лёжка при нерегулярном питании и редких испражнениях. Причём в мучительных потугах. Камерный овощ. А каждому овощу, как всем известно, требуется свой особый фрукт. Чтобы окончательно не зачахнуть в одинокой тоске и бесильной злобе. Да и дверь что-то совсем стала заедать. Вроде бы и не должна так быстро проржаветь. Хотя я до сих пор не могу вспомнить свойств никотиновой кислоты. Интересно, табачный дым, растворяясь в воде, даёт какую-нибудь особую никотиновую кислоту или это только продолжающийся бред моего советского образования?

А вот кран хоть и не до конца, но я терпеливо привёл в более-менее нормальное положение. Теперь обильно забрызги-

вается только стена и унитаз. Унитазу это по инструкции положено. А я, кроме как орлом, на него и под страхом смертной казни не сяду. Лучше умереть достойно, чем сгнить через ... ну через очень жопо-писное место от этих сочащихся миазмов.

Последующая недельная пытка полным отсутствием допросов закончилась приятным сюрпризом. Охранник, негромко ругаясь, с третьей попытки распахнул дверь, внимательно осмотрел косяк и только потом неодобрительно уставился на меня.

– Стучит вертухай. Открывайте ворота. Ждёт за порогом расстрельная рота, — неизвестно от чего лыбясь во весь рот бодро продекламировал я, — Когда русский учить начнём, чмырь коридорный? Пригодится в тайге. А то, глядишь, сосной придавят от незнания жизни по понятиям.

Охранник настороженно вслушался в мой монолог. Но, не уловив угрожающих ноток, расслабился и достал из кармана телефон.

– Следователь разрешил сегодня позвонить вашему юристу. Сейчас я наберу номер, — Он показал мне листок бумаги, — И вы будете с ним говорить.

– Ещё бы не разрешил общутся с этим стукачком зашпанным, — буркнул я себе по нос, — И чем только он может сподобиться меня порадовать? В моём домашнем подвале уже нашли неучтённые винные склады? Или в сауне сильно фонит полоний из прохудившейся тары?

– Ваш разговор должен продолжаться не более пяти минут, – охраннику надоело моё непонятное брюзжание, и он придал своему голосу полагающуюся твёрдость.

– Мне и минуты хватит на такого адвоката.

Я взял протянутый телефон и приготовился вылить всю накопившуюся желчь на этот подарок от государства.

– Добрый день. Меня тут просили позвонить... – начал я говорить в трубку голосом, не предвещающим ничего хорошего, – Алло...

– *Papa?* – такой неистребимой привычкой коверкать моё славное погоняло на французский лад, обладал только мой старший сын, – Это ты?

– *Ja-ja, natürlich,* – от удивления ничего более умного мне в голову не пришло, как пошлое лягушачье кваканье встретить киношным колбасным, – А ты чего там делаешь?

– Маму позавчера отпустили. Узнали про финский паспорт и сразу отправили домой. Сейчас сижу у нового адвоката. Тебе надо официально отказаться от государственного адвоката. Срочно. Я нашёл очень серьёзную контору, которая специализируется как раз на таких делах.

– Оставить моего бездельника без прибыльной спячки? Я не ослышался?

– Он нам будет только мешать.

– Да запросто. Есть ли какая-нибудь бюрократическая процедура или я просто могу его послать на... – тут педагогическая составляющая всё же перевесила мои возраста-

ющие тюремные наклонности, и я более миролюбиво закончил, – Э-э-э... на защиту других терпил? По профнепригодности или как?

– Тебе надо просто сказать своему защитнику, что отказываешься от его услуг. Этого вполне достаточно.

– Понял. А как ты догадался, что он халевщик?

– Ну, так это обычная финская практика. Здесь все адвокаты дают присягу, что они вначале отстаивают интересы государства, а только потом интересы своего клиента. За это они от государства и получают свои деньги. Точнее судьи определяют им «правильный» размер оплаты за «правильную» работу. Зато здешняя раскрываемость преступлений составляет 93 процента. Угадай почему? С одного раза.

– Умно. Не знал, но понял. Единое стадо государственных псов легко сомнёт любого чужака?

– Похоже. Мог бы и знать очевидные вещи.

– А честные попадаются?

– Конечно. Но они очень дорого стоят.

– Это ты так шутишь?

– Какая уж тут шутка. Это реальность. Столько лет здесь прожил, а всё в какие-то светлые идеалы веришь.

– Так сам пока ни разу под судом и следствием не был. Всею своё время. Как там Муся? – это кодовое имя жены. В зависимости от настроения оно может быть как уменьшительно-ласкательным до Мусеньки, так и ругательным в широком диапазоне, начиная с Муськи.

– Отходит. Но процесс долгий. Сейчас уже на работе. Разбирается со своим незапланированным отсутствием. Ночью плакала. Купил ей коньяк и буду заставляю выпивать каждый вечер по рюмке.

– Вы там с ней подушевнее.

– Сами разберёмся. Тебе что-нибудь надо?

– Тазик свободы. Смыть прах тюрьмы с усталых ног.

– Это потом. Мы тебя скоро вытащим. Что-нибудь из еды или вещей?

– Чёрт его знает. Сейчас ничего не соображу. Да и правил не знаю. Что тут можно, а что нет.

– Тогда пока. Сами разберёмся. Адвокат к тебе подъедет в ближайшее время, – из трубки понеслись короткие гудки.

Да уж, кратко и рационально. Иногда до чёрствости. Но в данной ситуации это просто замечательно. Мне сейчас только ещё и сыновней жалости не хватало. Как нет и никаких сил утешать своих ближайших родственников. *Зачем поросянок гонять и крутить поганку, когда дело не перетереть и масть не капает?* Во какие песни могу вспомнить! Тем более, что появилась злобная путеводная радость в предвкушении очередного допроса. Жаль, что очередь пока не дошла до следака, но хоть на адвокате отметимся. Мерзость, конечно, но зато как душу греет!

Нет, но какие хитрозадые, эти демократы со своей столетней историей! Создали такую, я бы даже сказал, весьма изящную конструкцию. Следаки, как хотят, так спокойно ле-

пят любое дело, исходя из своих личных подозрений. Судьи закрывают глаза на отсутствие даже минимально требуемых доказательств, и принимают творения следаков за провидческие откровения. Государственные адвокаты тебя самого ещё и притопят, если вдруг станешь рыпаться. Мечта, а не система!

Интересно, а почему у них раскрываемость не все сто процентов? Я, например, не вижу никаких преград для дальнейшего роста. Могли бы взять встречные повышенные обязательства и довести раскрываемость до 150% или даже 200%. Для большего правдоподобия. Или назначать на каждое дело по два-три преступника. По принципу прямой коллективной ответственности. Нет пределов совершенству. Особенно такому.

Лось нарисовался ранним утром следующего дня. Его появление предварил весёленький мотивчик из Белоснежки и её мелких спонсоров, но вместо ... *go home, go home...* Лось жизнерадостно выводил... *sweet home, sweet home... la-la-la... sweet home...* – и на мажорной ноте закончил, ковыряясь ключом уже в двери.

– Доброе утро, – не очень любезно встретил я его, – Я эту песню уже слышал. Если хотите, то готов поменяться. Моя камера вполне приличная. Даже денег с вас не возьму. *Dreams come true – just call your wish.* (Мечты станут явью – просто произнеси желание).

– Это шутка? – в глазах Лося мелькнула лёгкая растерян-

НОСТЬ.

– Истинная правда. Иногда полезно сменить обстановку. А для вас это и практический опыт. Потом будет быстрый карьерный рост. Да, заодно и образцовый порядок здесь наведёте.

– Я знаю правила содержания, – Лося подозрительно осмотрел меня.

– Зато почувствуете на своей *шкурке (pelt)*, – глядя на озадаченное лицо Лося я понял, что машинально сделал кальку с русского, и вся соль сразу потерялась, – *OK, total immersion in prison live (Ок, полное погружение в тюремную жизнь)* ... пару месяцев в камере и точно станете хорошим следователем. Лучшие сыщики получались из преступников.

– Вы считаете, что моё место в тюрьме? – он весь подобрался, и даже зрачки сузились. Ух ты, прям напугал, бельмастый. Сейчас вот забьюсь в угол и зарыдаю. Даже в штаны наложу, если сильно поднатужусь.

– Никто не знает собственной судьбы, – философски протянул я, сдерживаясь, чтобы не приснуть... *ах, Моська, знать она сильна, что лает на слона.* И повторил напыщенно, но в более доступном виде, – *Create your own destiny, because nobody else will. (Сами вершите свою судьбу, иначе никто не будет.)*

У Лося, как и у большинства кабинетных крыс, наиболее активно разработана главная извилина. Без неё нет карьерного роста. Но она лишь в зеркало видна. А лучше в сауне –

со спины. Лицо его начало моментально краснеть, и он прямо-таки натужно выдавил из себя:

– Вы мне угрожаете тюрьмой?

– Да нет, это был только мой дружеский совет. Не поверите, но от всего сердца, – я даже постарался изобразить самую сердечную из своих улыбок.

Лось что-то буркнул и резко развернулся.

– Идём на допрос? – я постарался показать чрезвычайную наивность, а потом, не удержавшись, задал ему в спину риторический вопрос, – Значит, взаимовыгодный обмен сегодня не состоится?

Лось только дёрнул плечом и ускорил ход. Я неторопливо двинулся за ним к двери, ведущей на верхние этажи. Приходилось подавить в себе прямо-таки эстетическое наслаждение остановиться и понаблюдать за наливающимся уже свекольным цветом Лосём, который одной рукой открыл, а теперь с натугой удерживал тяжёлую железную дверь.

«А пружина-то там сильная», – позлорадствовал я, – «Как там в наши пионерские годы пели... *не торопись-пись-пись, прибодрись-дрись-дрись, мы застрахуем*... нет, вот это фиг вам, не дождётесь, гражданин следователь. Главное, чтоб не сдулся от натуги, Атлант ты наш, быstroногий».

– Не тяжело? – участливо спросил я.

– Быстрее, нас ждут, – ишь вызверился, даже жилка на лбу вздулась. Не обрел, значит, ещё нужного индекса здоровья. *Во всём нужна сноровка, закалка, тренировка.*

– Спешу, как могу. Года, знаете ли... – я начал демонстративно шаркать ногами и закатывать глаза, а в голове предательский голос подленько завёл: «*А это правда, что в молодости вы были членом суда? Ах, молодость, молодость – членом туда, членом сюда...*». Жалко, что неперевожимая игра слов. А то облагодетельствовал бы этого сохатого старой одесской мудростью. Тем более, что настроение просто *предвкусительнейшее*.

Пока я лениво поднимался по ступенькам, то неожиданно разродился интернациональными слоганами: «*Попал в prison – найдут reason*» и «*Suomen Maa – чухонская тюрьма*». Особую гордость доставило то, что Suomen Maa, то бишь *финская земля* или *финская страна*, читается как *Суомен ма* и размерности такого замечательного слогана не нарушает. Просто очередной перл духа. Хоть рекламное агентство открывай для такого талантища, который из меня сейчас неудержимо попёр.

Лось остановился перед дверью и стал дёргать ручку в лёгкой растерянности. Ну и что у него там?

– Проблема? – нейтрально спросил я, – Ключ потеряли?

– Никого нет и дверь заперта. Это очень странно, – он вытащил телефон и принялся названивать.

Через пять минут он обернулся ко мне, и с озабоченным видом сообщил:

– Они перепутали время и будут только через два часа. Я пока отведу вас назад в камеру.

«Ай, молодца», – я чуть не застонал от умиления, – «*Они перепутали...* сам ошибся, лоб ретивый, а их, значит, бес попутал. *Двигать фуффло* надо мягко и ненавязчиво, разделяя вину на всех, иногда слегка намекая и на себя, любимого. Молчал бы лучше, раз *маяков не сечёшь*».

Ну не два, а все, наверное, все четыре часа я развлекался в камере, предавшись совершенно тупому, но весьма увлекательному занятию. У меня явно что-то в чердаке от навалившейся радости переклинило, оттого так захватило. Как это обычно и бывает, блеснувшая идея была до примитивного проста. Точнее очередной идиотизм, который можно попытаться возвести в ранг особо высокой моды. И прибыльной.

В России сегодня сидят почти 900.000 человек. Итого: 630 заключенных на каждые 100.000 российских граждан. А сколько ещё таких нагло и беззаботно болтается на свободе? Значит потенциальный рынок изначально большой. Не считая наивных туристов, которые ради экзотики на любой колоритный хлам готовы раскошелиться. Итак. Блатной фольклор у нас есть? Есть. Соответствующие фильмы есть? Есть. Чего нет? Правильно. Товаров повседневного спроса, сувениров и прочих свежих решений, которые должны мозолить глаза на каждом углу и даже между ними.

Зря, что ли мы активно прославлены одним весьма писучим стукачом как «Архипелаг ГУЛаг»? Вот и надо этот бренд «ГУЛаг-Архипелаг» вовсю раскручивать. А не бесполезные в западном быту матрёшки-поварёшки. Заодно и

родные липы с берёзками *цельными* лесами сохраним для потомства.

Начнём с компании-монополиста. Тут без этого никак. Рынок надо сразу придавить к ногтю и конкурентов конкретно нагнуть. Заодно и из общаков можно будет ждать приличных инвестиций. Название должно звучать знаково и агрессивно! Но только для наших. Как там у забытого классика? *Как много в этом слове для сердца русского слилось*. Во-во... что самое зримое? С чего начинается наша потаённая в тундре малая родина? Что затронет нежную струнку в сердце даже самого распоследнего лоха? Правильно. Радость от первой победы за отвоёванное место на нарах. *Сижу на нарах, как король на именинах...* Но *нары* никак не прокатят. Это ясно. Слабое уж больно словечко. Без внутренней силы. Так себе. *Нары-нары-гитары-шмары-свары и прочие разные комары-комАры, и ski-нидАры*. Но что там с синонимами? Правильно. Шконка. Шконка-иконка. Две невероятные российские силы.

Тэк-с, берём за начальную основу компанию ООО «Шконка». Но так пока не очень внушительно звучит, да и затесавшиеся ретрограды не пропустят. Значит, быстренько открываем заморский *off-shore* с ласковым названием *Shkon Co Limited*. Замаскировались? Стопудово. Умный поймёт, а дураку подскажут. Или дадут газету «Гудок» почитать всем отрядом. Для заглупления самосознания с оттягом.

Что ещё раскрычено до безусловного понимания? Конеч-

но, *парашиа*. Даже лирическую песню помню. Что-то вроде: *белеет ли в поле парашиа, парашиа, парашиа ...* или нет, это болгарское извращённое произношение. Ладно, потом другую подходящую песню вспомню.

Парашиа. Даёт доминирующий аромат в камере. Значит, это должен быть терпкий одеколон. *Дикалон, ить*. И надо обязательно засунуть туда чуточку ферментов, сходных с мескалином⁷⁶. Нехай будоражат женскую или квази-женскую эротическую фантазию. Чем мы хуже всяких там заокеанских кока-колистов или пепси-коликов? У нас даже дети малые знают, что *табак, вино, наркотик и секс, принимаемые в малых дозах, это лекарства одного порядка*. Панацея, одним словом. Как американский аспирин с колой. Ни хрена не помогает, но потребляется в устрашающих количествах.

Пузырёк, конечно, должен быть только от лучших наших дизайнеров. Но обязательно из нержавеющей стали. И броская надпись *Par-A-Sha*. Надо только шрифт заковыристый подобрать. Eau-de-Cologne «*Par-A-Sha*». Прямо душа порадуется за людей⁷⁷. Обязательным элементом пустить по дизайнерскому пузырьку тёмные полоски. Вертикально, что очень су-

⁷⁶ Мескалин – психоделик, энтеоген, алкалоид из группы фенилэтиламинов. В большинстве стран производство и распространение мескалина запрещено законом (в том числе в России).

⁷⁷ «... *Ах, какой тонкий аромат! Это из последней коллекции «Пар-А-ша вечерняя»? Как я вам завидую, милочка. Мой козлик так и не сумел их даже в Париже достать. Эти лондонские проныры всю выставку на корню скупили...»*. © Из будущей рекламы.

щественно. И больше трёх, а то Adidas придерётся. Жлобы-с.

Грев, тоже хорошее слово. Надо не забыть, что одеколон на спирту любую заблудшую душу согреет. Пусть будет оформлено простенько, но со вкусом. А последнюю букву надо сделать заглавной. Со значением. Вот так: Eau-de-Russ «GreV». И спирту туда вбухать не менее 50°. Зря, что ли, V на пятёрку смахивает? Хотя и 95° пойдёт за здорово живёшь. Да и пузырь надо сделать солидным, грамм на двести пятьдесят. Этакий мерзавчик под нашу широкую натуру.

Теперь дезодорант, который все стерпят. Неплохой вариант: Deodorant stick «Terpila».

Что там дальше? Бритвенный набор. Тут пусть знатоки поломают голову и вспомнят забытый в хозяйстве инструмент. Я, например, точно помню, что оно бывает однозубое (однолезвийное) и двузубое⁷⁸. Является прародителем ледоруба. Которым, кстати, одного нашего пролетарского клоуна в Мексике уконтрапупили⁷⁹. А ранее, сделанное из него оружие называется *клевец*. Это я хорошо запомнил: *клевец-тал на нас, подлец? Получи клевец в торец!* Господи, сколько мусора накопилось в голове. Мне в министры уже пора подаваться, пока питерская волна не схлынула. Итак: Safety razor «Kailo».

Лосьон после бритья. Тут нужно что-нибудь особое: After

⁷⁸ Пусть Gillette не выпендривается, что он первым лезвия клонировал.

⁷⁹ Был я на той знаменитой секейровской фазенде, и даже вялый цветочек цинично возложил. За особую оригинальность исполнения.

shave «Barak». О, чёрт! Жаль, но не пропустят. Вокруг политкорректность расплодилась проклятущая. И такое название теперь впустую пропадает из-за неразборчивости американских избирателей. Может, сделать в белой упаковке или всё равно зарубят как насмешку? Ладно, потом определюсь с достойной заменой, чтобы сейчас с настроя не сойти. Надо бы ещё обдумать «Дух Лубянки» и прочие шалости.

Да, забыл шампунь. И обязательно против перхоти. А кто за этим следит? Правильно: Powerful shampoo «Vertu-Hai». А наши знатоки решат, что это от Vertu да ещё и навороченный Hi-Fi. Прикольно. Все официальные дилеры Vertu с ума сойдут. Но ведь не придерёшься. А если что, то мы дефис уберём и всем привет горячий.

Зубная паста. Вещь в хозяйстве нужная. И напишем наперекор правилам: Tooth paste «Fiksa».

Расчёска. Ну, куда ж без неё: Comb «Grabki».

Нужен ли фен? Хороший вопрос. Интересно, а вот так сойдёт: Hairdryer «Shmon». Или это лучше подойдёт для лосьона после бритья? Обдумаем потом.

Ради уважения установившихся дурных традиций надо выпустить ограниченную партию вазелина: Vaseline «Duplo». Но здесь сразу возникает и альтернативный российский вариант: Vaseline «Petu Shock». Но этот сорт пустим только с дорогим подарочным набором: Farewell gift «Kidok».

А постоянным покупателям бесплатный бонус – неболь-

шой дешёвенький наборчик: Farewell gift «Fuflo». А как супербонус – специальный маникюрный набор с алмазной пилкой. Но это только для тех, кто право имеет: VIP Manicure set «Pa Khan».

Не забыть сувенирчик для малолеток: Souvenir «Luzga».

И сразу после первых успехов надо будет удариться в *Urka Couture*. Полоски, контрастные цвета, нательная вышивка... а это потянет за собой *Tattoo Salons*, которые надо будет переименовывать в *TatUrka's*. Для совсем необразованных иностранцев. Ах, какой классный слоган для прикольной обуви: «*Наши Kirzhace круче Versace!*» Или для наших просторов: «*Где давят наши Кирзачи, там расползутся Версачи*». Богатая тема.

А в запасе есть ещё и ватник, валенки, портянки, да и масса иных российских секретов, слабо известных широкой забугорной и не очень публике. А потом пойдут неохваченные модой забегаловки, рестораны, дискотеки. Господи, а как можно раскрутить экстремальный туризм! Такая пустующая ниша для идиотов, желающих похудеть на секретных воркутинских диетах. Это вам не Нью-Васюки, это в натуре круче...

Из розовых грёз меня вырвал взмыленный Лось. Он уже не напевал, а был сух и официален.

– Это снова я.

– А это я.

– Собирайтесь. У меня мало времени. Много другой ра-

боты.

– А мне вот спешить некуда. Сижу себе, о жизни думаю. Никому не нужен. Может, дадите разрешение отбыть домой? Я готов там терпеливо ждать ваших вызовов. И даже привозить вам обезжиренное молоко за вредность.

Лось лишь мрачно зыркнул, махнул рукой, развернулся и не оглядываясь затопал по коридору.

«Да, нелёгкая у парня работа. Таможенные массы от моего дела разбегаются как тараканы», – я шёл, внимательно разглядывая пятна пота, проступившие у Лося под мышками, – «Он их что, как натасканный пёс насильно сгонял в одно стадо? Или до него так и не дошло, что только *Rexona* никогда не подведет? Скандинавы, блин. У них же эту поганку массово штампуют, но на себе они её не пробуют. Как это знакомо. Раздавать советы здесь все мастера, только сами им следовать никак не желают».

В комнате собралась вся старая шайка-лейка. Лось целеустремлённо ринулся к компу и стал изображать невероятную работоспособность. Затомился, бедолага, в поисках коллег. Я опёрся на свой стул и внимательно осмотрел присутствующих. Мой адвокат ожидаемо пребывал в своём сумеречном мире. Пышка преданно смотрела на Лося и чуть слюни не пускала от предвкушительного томления. При этом она медленно и нежно поглаживала рукой свою пухлую коленку. Костик нервно листал папку с документами.

– Господа, – я выразительно посмотрел на Костика. Тот

нехотя оторвался от своих бумажек и кинул на меня недружелюбный взгляд, – У меня пренеприятнейшее известие, господа. Тяжелейшее.

Я сделал паузу. Главное, чтоб оргазм прямо сейчас не словить от этой картины. А то обидно будет вот так оконфузиться. Примут ещё за извращенца. Свояк свояка...

– Я официально отказываюсь от адвоката, которого мне так любезно предоставило государство Финляндское, – я подпустил надрыва в свой голос, – Не могу я принять сей дар. Не могу. Совесть потом заест. Пусть лучше эти деньги пойдут в помощь сомалийским бедным сиротам. А я уж сам как-нибудь справлюсь.

И смех, и грех. По мере того, как ошарашенный Костик доводил эту похабную речугу до умов собравшихся, моё настроение совершало просто слаломные прыжки от одновременной смены выражений на их лицах. Такое зрелище ни за какие деньги не купишь.

– А как же допрос? – это от Лося.

– А какой допрос без адвоката? – я задрал свои брови на недостижимую высоту, – Никак не демократично.

– А кто ваш новый адвокат? – даже Костик вдруг проявил инициативу.

– Он скоро будет вам представлен. В официальном порядке, – веско сказал я. Хотя и сам был бы не прочь узнать. И имя и дату. А также послужной список.

Тут пробудился мой столь внезапно уволенный адвокат.

Он распахнул свои глазоньки, в которых теперь не было и тени сонливости, и выдал:

– Ну что ж. Приятно было познакомиться. Значит, моя работа здесь окончена. Всем до свидания. – Переводил его Костик вмиг осипшим голосом и как-то слишком трагично. Видать и его проняло.

– Извините, что так вышло, но мне нужен адвокат немно-го... э-э-э... другого плана, – я почувствовал нарастающее смущение. Такого оборота я не ожидал.

– Это, возможно, правильное решение, – интонация Костика явно не соответствовала смыслу переводимого, – Уда-чи вам. В деле защиты ваших личных интересов.

Адвокат украдкой подмигнул мне, гордо вздёрнул небри-тый подбородок, сгрёб свои вещи и направился к выходу. Все молча проводили его непонимающими взглядами и сно-ва уставились на меня. Возникла тягостная пауза. Никто не произносил ни слова.

«Дыру на мне не протрите, Финнкертоньки и Финнкертон-ши», – мне и так неловко, а тут ещё такие откровенно осуж-дающие взгляды.

Мой адвокатишка за всё это время не сделал для меня ни-чего хорошего или минимально полезного. Но вот ушёл дей-ствительно красиво. И то ли уел напоследок, то ли намекнул о чём-то этак прозраченько. Не так он оказался прост, как старался казаться. Да и вообще-то уж больно с явным облег-чением он принял свою отставку. Видно, многого я не дого-

няю пока в этом деле. Ох, не догоняю.

– Вы готовы к проведению допроса или мы перенесём его на дату, которую согласуем с вашим новым адвокатом? – Костик явно заволновался. С чего бы это? Почти пару недель они уже профукали, а тут всего-то один очередной пустой допрос. Да и выпускать меня скоро пора. А тут я ещё такие фортели выбрасываю.

– Хочу оказать вам свою посильную помощь, – я весь стал опять из себя весь такой любезный, что зубы свело, – У вас много дел сегодня, и я не могу заставить себя нарушать ваш рабочий график. А тут некоторые мысли появились по моему новому, совершенно блистательному бизнес-проекту. Надо поработать. Потом обязательно ознакомлю вас с результатом. До свидания.

Лось с каменным лицом встал и рывком открыл передо мной дверь. Я одарил оставшихся ласковой улыбкой и был таков.

Как иногда приятно быть самой распоследней сволочью. Зато впервые в своей камере я заснул как счастливый младенец. Без задних и боковых ног. Хорошо хоть, что во сне не кончил от восторга.

Утренняя прогулка закончилась весьма неожиданно. Когда я подмёрзший, но довольный был впущен в дежурку, вертухай кивнул на скамью и недовольно сообщил:

– Сидите здесь.

– А что случилось? Раздеться то можно? Да и в туалет уже

пора.

– Подождите. К вам пришёл ваш новый адвокат. Он в переговорной комнате. Сейчас придёт напарник и отведёт вас туда.

– Я и сам могу дойти. Кроме того, там нет туалета.

– Нет. А дверь в переговорную закрыта.

– Что? Вы заперли там моего адвоката?

– Он сам попросил. Не хотел здесь ждать. Сказал, что ему надо поработать с документами.

– Хорошо, но я могу пока сходить в свою камеру и воспользоваться туалетом? Всего десять минут. Или пять, если уж очень быстро. Всё равно мой адвокат сидит с документами.

– Я занят. Ждите напарника.

– Как вы думаете, моему адвокату доставит удовольствие общаться со мной, если я наделаю лужу в углу? Он вам объяснит, что это моральное унижение моего человеческого достоинства.

Вертухай медленно переварил услышанное, задумался и выдал:

– Ваша камера открыта, можете идти. Напарник вас встретит у комнаты переговоров.

– Спасибо. Рад доверию. Но дверь камеры я прикрою, а то любопытные будут подглядывать – я дружелюбно улыбнулся и поплёлся к себе, рассуждая о простоте местных тюремных нравов и нейтральному отношению ко мне со стороны

охранников. Они же до сих пор никак не могут определить, что я за живность такая и какого дьявола здесь торчу столько времени.

Взгромоздившись орлом на бетонное извращение, я предался философским рассуждениям о странности поведения окружающих. Адвокат, который спокойно относится к тому, что его запирают. Охранники, у которых нет времени проводить заключённого до камеры. Странно это. Ну, адвокат – это ладно. Ему как актёру нужно войти в образ. Лицедействуют же они в суде. А вот охрана совсем распустилась. Может они здесь от тоски затеяли какую-нибудь модифицированную травку выращивать? Или незаконными излишествами, *pardon*, опытами пробавляться? А что? Места тут навалом. Никто и никогда проверять не будет. Да и аура у здешних помещений соответствующая. Так и тянет на новаторские потуги. По себе замечаю. Просто свербит что-нибудь попилить или подкопать.

А эти чем лучше? Главное, чтобы попался человек предприимчивый. Подопытный материал всегда под рукой. Есть и постоянный контингент для отслеживания процесса. Вот так неторопливо и могут поэкспериментировать с какой-нибудь гадостью. И запатентуют потом сигаретку правды или молоко откровенности. Да и воду из-под крана стороной не обойдут.

Ох, не зря мой адвокат сам под замок попросился. Натура у него, наверное, тонкая, к насилию непривычная. А туда же.

Попил водички и поплыл.

Обременённый своими конспирологическими мыслями я чуть не врезался в охранника, который подпирал стену возле двери.

– Извините. Я уже готов.

– Почему так долго? – тон у вертухая был слегка обвиняющим.

– *Тяжело выходит каменный цветок*, – весело сообщил я ему по-русски и пошёл к переговорной.

– Я вас оставлю вместе с адвокатом. Ничего не передавать.

Ничего не брать.

– Даже документов? – они что, вообще тут не доверяют сторонним адвокатам?

– Документы... – охранник подумал и сообщил, – Если будут документы, то сначала покажите их мне.

– Хорошо. Покажу, но это для моего служебного пользования.

– Я проверю только на предмет вложений.

– За это особое спасибо. Постараюсь, чтобы буквы не выпадали, – язвительно сообщил я и прикусил язык. Не время и не место.

Охранник открыл дверь, и я с жадным любопытством уставился на моего потенциального спасителя.

«*Да уж, явно столичная штука*», — завистливо подумал я, разглядывая своё арендованное орудие самозащиты, – «*Этакий благородный чел, надёжный заслон от финского*

кривопорядка».

Посмотреть было на что. Высокий, худощавый мужчина с гривой седых волос и короткой бородкой. Возраст под полтинник. Движения резкие, порывистые. Костюмчик и ботинки явно сшиты на заказ. Одет весьма строго, но галстук излишне ярковат. Просто гремучая помесь умудрённого опытом орла-могильника и тропической бабочки. Раздутый рыжий портфель, небрежно валяющийся около стула, явно из дорогих и тянет на достойный корпоративный подарок. Вон и именная табличка отсвечивает.

«А вот угол свой он лучше бы у себя в кабинете в шухлядке оставил», – игриво подвёл я мысленный итог своего обозрения, – «Он, конечно, кент авторитетный, но не канает его угол к такому мазёвому клифту с педалями. А так очень хорош. Интересно, почём мне в итоге встанет сей качественный товар?».

– Давайте сразу к делу. Вот моя визитная карточка, – он достал из изящной серебряной визитницы замысловатую картонку, – Как я понимаю, вы уже знакомы с деятельностью нашей адвокатской конторы?

– Пожалуй, да, – осторожно сообщил я, мучительно вспоминая разговор с сыном, – Отзывы чрезвычайно положительные.

– Тогда подпишите доверенности, – он протянул мне несколько листков с текстом, – Вот здесь... и здесь... спасибо. Теперь я официально представляю ваши интересы.

Он собрал бумаги, откинулся на стуле и слегка приспустил узел галстука.

– Я пока не получил никаких материалов по вашему делу. Только протокол суда. Опишите кратко, что произошло. И как можно подробнее.

– Я также не очень пока понимаю, что на самом деле произошло. В Финляндию прибыл груз, в котором обнаружена большая контрабандная партия сигарет. На суде я узнал, что этот груз прямиком шёл на мой домашний адрес. Это вообще без комментариев. Просто привожу слова представителей таможни. Никаких документов по этому грузу у меня никогда не было, а имеющиеся у следователя бумаги мне не показывают. Хотя я неоднократно просил. Вот и всё. Теперь сижу и жду окончания следствия. Именно жду. Почти совсем без допросов.

– Интересно. Тогда давайте подробно и с самого начала. Расскажите о деятельности вашей компании.

– Да, конечно, – обречённо ответил я и начал автоматически нудно бубнить как заезженная пластинка. Интересно, сколько ещё раз мне придётся повторять это снова и снова? Адвокат изредка подбрасывал уточняющие вопросы. Я пытался максимально полно ответить. Всё это время мы, как бы невзначай, осторожно присматриваемся друг к другу.

«Ну, совсем как волки обнюхиваемся», – всплыло воспоминание, которое почти сразу перебилось потоком набегающих мыслей, – «Как там у них? Загрызть или принять в

стаю? А мужик-то вроде реально заинтересован в этом деле. Или это у него чисто профессиональное? С бесплатным гос-чмом его не сравнить. Здесь видна порода и честолюбие. Вроде то, что доктор прописал. Так, а что у него за фирма?».

Я ненавязчиво покосился на визитку. Первое, что слегка резануло, так это логотип конторы. SS. Неужто в самом деле финский филиал *Schutz Staffel*? Очень мило, конечно, даже где-то оригинально и почти в тему. Хотя нет. S[&]S. Маленькая такая добавка, которая в корне меняет дело. Хотя так с ходу и не разглядишь. Ага, это аббревиатура из имён партнёров фирмы. Мой пока в число отцов-основателей не входит. Может это и к лучшему. Есть к чему стремиться. Пока не шеф, но и не последний клерк. Имя только весьма странное *Toni*. Ну, тут уж явно от родителей подарочек на долгую память. Если я не ошибаюсь, то это производное от древнеримского имени Антоний. Что-то вроде вояки, вступающего в бой. Символично. Посмотрим, какой из него боец. *Антошка, Антошка, начнём мочить кокошки...* Правда, лучше здоровой такой адвокатской секирой пора начинать рубить все накопившиеся хвосты, но по самые уши.

Тони терпеливо дослушал меня до конца, а потом активно начал щипать меня вопросами по контрабасу. Его совершенно не смущала моя полная неосведомлённость. Он подталкивал меня к выводам, которые я пока не готов даже себе озвучить. Ну, уж очень всё мерзопакостно в этом деле. Хотя

никаких реальных данных пока нет.

Через час он вскочил со стула и стал нарезать круги по комнате, изредка бросая на меня хитрые взгляды. Потом изрёк:

– Весьма любопытно. Но я не услышал ни одного факта, который обосновывал бы ваше задержание. Я немедленно начну собирать все доступные материалы по этому делу. Перед заседанием суда мы ещё раз встретимся и всё обсудим. Не вижу никаких причин для вашего дальнейшего содержания под стражей.

Господи, его слова да Богу в уши. Долго и насильно. Меня аж в пот бросило. Хоть один морально поддержал. Может и по долгу службы, но душу греет.

– Да, ваша семья передавала вам наилучшие пожелания. К сожалению, до заседания суда у вас не будет никакой возможности звонить и принимать посетителей. Но это недолго.

Мы учтиво раскланялись, и Тони нажал на кнопку вызова охранника.

«Ну что, быстро, ёмко и всё по делу», – у меня на лице плавала улыбка давно забытого чувства глубокого удовлетворения, ранее присущая только настоящим советским людям.

Пока мы ждали вертухая, я продолжал пребывать в приподнятом состоянии и непрерывно как заклинание твердил про себя: *«Нам бы только день простоять, да ночь продержаться...»*

Появление хмурого охранника дало повод ещё раз раскляниться и разойтись. Встреча вызвала такой подъём положительных эмоций, что я в такт шагам начал довольно внятно напевать:

– Так за царя, за Родину, за веру, мы грянем громкое "Ура-ура-ура!"

Последнее "Ура!" очень удачно попало под удар закрываемой двери в камеру. Ну что ж, день прожит не зря. Настроение бодрое. Прищурившись, я внимательно оглядел камеру и стал негромко цитировать наиболее выдающиеся перлы наших лидеров прошлого века:

*– Конспигация, конспигация, и еще гас конспигация, товарищи! Кто не с нами, тот против нас. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами*⁸⁰!

Я бездумно разглядывал загаженный потолок, когда завалился запыхавшийся молоденький вертухай и, не переводя дыхание, выдал редкую по длине тираду:

– Срочно собирайтесь. Тюрьма переполнена. Ждём большое пополнение. Вы должны через пять минут освободить камеру. Свои неиспользуемые вещи можете оставить здесь. Мы о них позаботимся. До вечера вы будете находиться в таможенном офисе, а затем мы решим, что с вами делать.

– У меня суд только завтра. Что-то случилось?

⁸⁰ И только значительно позже я наткнулся на более подходящее и проверенное веками библейское изречение: «Кто не со мною, тот против меня, и кто не собирает со мною, тот расточает». © Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 30 и Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 23

– Тюрьма переполнена. Для вас нет места. Ваша камера будет использована другими заключёнными. У вас есть только, – он выразительно посмотрел на часы, – Четыре минуты на сборы.

– Ну, хорошо, хорошо, уже собираюсь, – хмуро проворчал я, и добавил уже для себя, – Что мы, авралов не видели? Очковтиратели везде одинаковы. *Потёмкинсоны*.

Я послушно слез с кровати, подтянул спадающие джинсы. Огляделся. Прихватил пару пачек сигарет, зажигалку и расчёску. Вроде бы и весь мой скорбный скарб на день. Поскрёб солидно отросшую щетину. Подумал и швырнул очередной уже заветревшийся несъедобный завтрак в мусорный пакет. Надо же, попал! Ну не совсем в пакет, но почти точно.

– Можно я по пути хоть мусор выкину? – задал я риторический вопрос нервничающему вертухаю.

Он молча кивнул, не сдерживая брезгливой гримасы. Ишь ты, чистоплюй хренов. Сам бы взял и посидел пару недель в этой дыре и тогда уж точно постыдился бы нос воротить. Но ничего, какие его годы. Пооботрётся, притерпится. Видно, в «собачью» смену на выходные не попадал. Значит, ещё успеет насладиться прелестями местной жизни по полной программе.

В предбаннике меня ждал смущённый Костик и парочка здоровенных амбалов в полицейской форме.

– Добрый день, – стараясь быть исключительно вежливым, обратился я к Костику, – Что за цирк сегодня?

Костик помялся, пожал плечами и туманно произнёс:

– Мне сказали вас сопровождать.

– А эти что здесь делают? – я кивнул в сторону истуканов.

– Они тоже вас будут сопровождать.

Полицейские, словно очнувшись, синхронно подошли ко мне и тот, что чуть пониже, медленно протянул:

– Всё вынуть из карманов, повернуться к стене, ноги на ширину плеч, руками упереться в стену над головой.

Очень вразумительно. Хорошая операционка у этой модели клона. Я вытащил сигареты, зажигалку и расчёску. Повертел в руках, не зная, куда их деть. Несколько нерешительно сунул в руки полицейскому. Потом старательно вывернул карманы и повернулся к стене.

Сначала меня обыскал тот, кто повыше. Посопел и что-то тихо сообщил напарнику. Тот недовольно взрыкнул и самостоятельно приступил к повторному обыску.

– Скажи им, что из моей камеры кроме туалетной бумаги сейчас вынести нечего. Остальное капитально забетонировано, – сообщил я Костику, – Слушай, я могу вообще раздеться, если эти голубки соберутся пойти по третьему кругу. Достали уже своим лапаньем. Пусть лучше мои трусы обнюхивают, извращенцы.

Костик что-то негромко сказал невысокому. Тот сморщился и медленно пошёл к выходу. То ли слова Костика ему не очень понравились, то ли Костик опять забыл про гигиену полости рта. Так или иначе, но цели он явно достиг. Теперь я

начал полностью осознавать, почему американцы вечно жуют резинку, повёрнуты на стоматологии и весьма почтительно относятся к скунсам. А тут на свободе такой выдающийся *перорально-пердюнальный* экземпляр, хоть из захолустного, но силового ведомства. И с познаниями в русском языке. Это на кого хошь произведёт неизгладимое впечатление.

Бедные силопцы! Впереди у нас совместное путешествие. Просто уверен, что пройдёт оно в гробовой тишине, если Костик не законченный садист. А потом обоснованно порадовался, что у меня сегодня будет отдельное место, заботливо изолированное от таких сопровождающих.

Моё эксклюзивное право.

Я восторженно таращился на полупустые улицы, уже присыпанные утренним снежком, ещё не до конца осквернённым спешащим на работу трудовым народом. Вот так бы часами сидел и наслаждался. Может сейчас таможня выделит мне со своего барского плеча комнатушку с окном? Хотя вряд ли. А если и дадут, то только запирающийся чулан или без окна, или с видом на помойку.

Мелькнул указатель Mustola. Значит, меня везут в местный центр таможенного оформления. Здесь же расположены обе мною эксплуатируемые финские компании и склады, склады, склады. Место скучное и унылое, но уж явно предпочтительнее моей тюремной камеры. Ну, хоть слегка передохнём перед завтрашним судом. Соберём беснующиеся мысли в одну маленькую кучку.

Меня подвезли к одному из двухэтажных зданий, занимаемых таможенниками. Раньше я иногда мимо проскакивал, но никогда внутри не был.

– А можно я тут по парковке пока погуляю? – невинно спросил я у Костика.

– Нет. Вам надо быть внутри.

– Обрыдло. Может, всё же прошвырнёмся? А если под ручку?

– Швырять ничего нельзя... гулять нельзя... ручку попросите у следователя... – Костик сморщился, подыскивая подходящие слова, – Сидеть вам сегодня... запертым здесь. Да. Это так.

– На «так» есть рифма – му... непонятливый мужчинка такой... со странностями.

– Но это не есть рифма. Рифма – когда... звучность ... или звучит одинако.

– Переводчику видней. Хотя точно, не «Калевала»⁸¹.

Мы двинулись к двери. Полицейские помялись и остались у машины.

– *Конвой свободен*, — негромко произнёс я, – Ищите другой объект ощупывания, *рукосу силопные. Ваши руки не для скуки...* сиволапы-сцуки.

Костик завёл меня на второй этаж и распахнул передо мной дверь.

– *Ну, здассьте...* в Новый год, – непроизвольно вырвалось

⁸¹ «Калевала» – карело-финский поэтический эпос. Состоит из 50 рун (песен).

у меня.

В обширном кабинете за центральным столом восседал Лось собственной персоной. По левую руку гордо пристроилась Пышка. Ещё парочка индивидуумов шушукалась за дальним столом.

– Не понял? – я обернулся к Костику, – Так тюрьма действительно переполнена или это такой приколот?

– Мы решили провести последний допрос перед судом.

– *Мы решили.* Это такой таможенный стёб? – я произвольно хмыкнул, – Опять хотите совместить неприятное с бесполезным, трудоголики?

– Есть только несколько вопросов. Надо уточнить ряд деталей.

– И долго мне здесь торчать? Из-за ваших уточнений?

– К вечеру мы отвезём вас назад в тюрьму.

– Значит, целый день. Ох, как нравится мне ваша работа, господа таможенные мечтатели-изыскатели. Сами себе херни напридумывали, а теперь ещё и сами в ней захлёбываетесь. Нормальненькое такое создание напряжённого рабочего графика.

– Мы сможем провести допрос без участия вашего адвоката? – голос у Костика предательски дрогнул.

– Ну... – в голове у меня моментально ожил генератор гадостей, но ничего путного выдать не смог, – А почему бы и нет? Несколько вопросов... и золотой ключик у меня в кармане. В смысле... дадите потом припасть на полчаса к кис-

лороду?

Костик на всякий случай закивал головой и оживлённо закудаhtал с Лосём. Минут этак на пятнадцать.

За это время я успел неторопливо снять куртку. Не обращая внимания на зардевшуюся Пышку, подтянул хронически спадающие джинсы вместе с трусами. Потом демонстративно обнюхал пальцы и нагло нацедил себе чашечку кофе из термоса, стоящего на столе перед Пышкой. Вздохнул и подцепил парочку кусочков сахара из вазочки. Никакой реакции. Пышка только кивала головой и украдкой косилась на Лося. Но тот был занят беседой и нас игнорировал. Раздолье, блин. Хоть заложников захватывай для выдвижения требований. Угрожая горячей бурдой и нервнопаралитическими носками. Я шумно выхлебал чашку и наполнил заново. Жизнь – не только медовые соты без пчёл, но с воском в зубах. Такое ценить надо.

Наконец Лось шумно выдохнул и вытащил из своей сумки пару довольно увесистых книг и положил перед собой. Затем пошарил там ещё. С довольным видом выудил потрёпанную тетрадь и углубился в чтение. Ну, просто Спиноза Роденов. Нет, чтоб всё сделать по-людски или хотя бы по-человечески. О здоровье там справиться, за жизнь поговорить, о том, о сём и прочем разном. А так, сорвали с насиженного места и ещё целое представление раскручивают. Почти ожившая картина сознательного товарища Серова «Ходоки у В.И. Ленина». Все вон как почтительно взирают на мудрого Лося и

наслаждаются сопричастностью к такому учёному человеку. Для полного счастья здесь не хватает только Феликса Эдмундовича или его аватара. Жаль, не дотянул железный старик до наших дней. Повезло внукам недобитых белофиннов.

Лось, упорно ковыряясь в тетрадке, то морщил лоб, то смешно взбрыкивал бровями. Потом оторвался, похрустел пальцами. Откинулся на стуле. Немного подумал и отдал короткую команду Костику. Тот засуетился, схватил со стола заранее подготовленные листочки и стал зачитывать протокольное вступление.

Я благодушно прервал его:

– Да согласен я со всем. Не надо мне это каждый раз зачитывать.

– А вот здесь и английский перевод есть, – Костик вытащил распечатанный лист из своей пачки и услужливо подсунул его мне.

– Что и его подписать?

– Нет. Это чтобы вы потом не говорили, что... – он запнулся, – ... что есть претензии.

– *К пуговицам претензий нет, пришиты намертво – не оторвешь.* – Глядя на вмиг ошалевшее лицо Костика я торопливо добавил: – Это Райкин. Наш локальный говорунок-классик. Почти дословная цитата. Может не к месту, но означает, что я точно согласен. *В натуре, господин толмач начальника.*

– Тогда начинаем допрос без вашего адвоката, – слад-

ко сказал Костик. Просто невооружённым взглядом видно – *всей душой болеет наш агроном за посеvную!*

– Начинайте.

– Вы подтверждаете всё сказанное на предыдущих допросах?

– Да.

– Хотите что-либо добавить или изменить?

– Нет.

Лось, наконец, оторвался от своей тетради. Упёрся в меня вмиг потяжелевшим взглядом и веско произнёс:

– Что такое инвойс?

– А вы не знаете? Могу показать. Их там полно среди моих арестованных бумаг.

– Я вас спрашиваю, что такое инвойс?

– Документ, который предоставляется продавцом покупателю, – начал я осторожно, лихорадочно продумывая, что за гадость может скрываться за таким тупым вопросом. Уж больно Лось решительно настроен сегодня, – Счёт на оплату товара или услуг.

– Что в инвойсе должно обязательно содержаться?

– Обязательно должно? Дата, номер инвойса, референс, сведения об отправителе и получателе, перечень и описание товара, их количество и вес, цены за единицу и общая. НДС, если есть. Обязательно также указывается условие поставки. Остальное обычно зависит от требований бухгалтерии продавца или контрактных обязательств. Обычно вписываются

форма и условия оплаты, некоторые особенности доставки.

– Кто готовит инвойсы?

– Продавец товаров или услуг, естественно.

– Продавец, – протянул Лось, – Конечно же, продавец. И только продавец. И никто кроме продавца.

Я с подозрением стал разглядывать развеселившегося Лося. С утра полистал книги и умом тронулся? Или в своей тетрадке откопал что-то особенное?

– Ваша компания выписывает инвойсы?

– Конечно.

– Подробно расскажите, как готовятся ваши инвойсы, как они поступают вашему клиенту и как их получает ваша бухгалтерия.

Настороженно поглядывая на Лося, я с полчаса описывал механизм инвойсирования и поступления по ним денег. Бухучет. Нудные бодания с налоговой по размеру возврата НДС. Ну и прочую рутинную лабуду.

А в голове всё тревожнее звучал сигнал общей тревоги. Вот только я пока никак не мог уловить смысл уготованной мне ловушки. Или Лось сам от своих новых познаний так тащится? Вон даже пальцами барабанит от нетерпения. Ещё бы ногами засучил и стал повизгивать. Вот уж воистину *многие знания – многие печали*⁸². Интересно, а медики хоть раз

⁸² «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во многотой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». © Екклесиаст, глава 1

изучали пагубное влияние знаний на неокрепший мозжечок таможенников?

– Ну, с этим достаточно, – голос Лося приобрёл мягкие покровительственные нотки, – А почему у вас на счету так много денег, не подлежащих налогообложению?

– Это деньги клиентов. Ежемесячно мы делаем текущие сверки. В конце календарного или фискального года мы проводим окончательные взаиморасчеты, и тогда появляется окончательная сумма, по которой проверяется правильность начисления налогов.

– Да-да, я понимаю, – Лось заглянул в свою тетрабочку, – Понимаю выплаты авансов. Расчёт долгов. В Финляндии это называется *riscontro*, а в Англии – *accounts receivable*.

– Не совсем так. *Ресконтро* – это вспомогательная бухгалтерская книга, состоящая из частных лицевых счетов. По согласованию с аудиторской компанией я представляю ежемесячные согласованные таблицы текущих взаиморасчётов с клиентами – *Statements*. Ну, а упомянутая вами *дебиторская задолженность* подлежит погашению в течение короткого срока. Обычно это недоплаченный остаток от контрактной суммы. У меня такое редко случается. Я больше работаю на доверительном управлении чужими деньгами. *Trust managing*, так сказать.

Лось выслушал, недоверчиво хмыкнул и опять уткнулся в тетрадь и обвиняюще выдал:

– Важной частью ресконтро является выставление инвой-

са, независимо от того приходит платёж до или после.

– Да кто бы спорил. Куда же без них? Иначе меня бухгалтерия с аудитом без соли съест. Инвойс обязан быть и точка. Краеугольный камень. Основа нашего бытия, так сказать.

– С помощью чего вы делаете инвойсы: карандашом, на печатной машинке или на компьютере?

«Виртуально, блин» – чуть не сорвалось у меня с языка, но я смиренно сообщил, – Компьютером изволим пользоваться.

– У нас в распоряжении ваш персональный компьютер марки iMac... без клавиатуры и мыши. Там мы найдём все инвойсы?

– Не сомневаюсь. Даже со всех присланных оригиналов там есть отсканированные копии. Но учтите, в моём компе стоит две разных операционки. Можете пошарить в любой из них. Вы, наверное, ещё и флешки все собрали? Там информации на терабайты. Э-э-э, *а где моя любимая клавиатура с магической мышкой?*

Лось не удостоил меня ответом. Задумавшись, он бесцельно крутил в руках свою заветную тетрадочку.

«Что-то у него заело или не так пошло» – удовлетворённо подумал я и неожиданно чихнул. Хорошо так. Победоносно. С толстой соплей, агрессивно повисшей на кончике носа.

Я покраснел и стал лихорадочно комкать листок с британской казуистикой, всё ещё лежащий передо мной. Спасла положение Пышка. Она вытащила из сумочки пакетик одноразовых бумажных носовых платков и протянула его мне.

Я смачно высморкался и повертел пакетик в руках. Сдуреть можно. Носовые платки от фирмы Lotus с трогательным названием Nessu.

– *Да уж, конечно, не ссу,* – утвердительно ответил я на этот знак судьбы. Действительно занимательно⁸³. Вот так да же внешние силы подталкивают быть готовым к обороне.

Тут Лось откинулся на стуле и спросил:

– Как, куда и кому направляются инвойсы в каждую из компаний, с которыми вы работаете? Очень и очень подробно.

– За какой период желаете полюбопытствовать? – деловито спросил я, подшмыгивая носом.

– За последние три года.

– А может, этак быстренько проскочим только последние шесть месяцев?

– Нет.

Ну нет, так нет. Я медленно и старательно стал перечислять с полтора десятка российских компаний и вспоминать имена многочисленного бухгалтерского люда. Бред полнейший. Главбухов я ещё с трудом, но помню, а остальных точно нет. Иногда я вставлял славные имена литературных героев. Для внесения разнообразия в эту тягомотину. Москвичам немного повезло с ильфовскими петровцами. Даже

⁸³ Lot – это по-английски «жребий», а us – косвенный падеж от личного местоимения «мы». Любопытная игра слов. А ботаники при этом нагло утверждают, что это просто «лотос».

часть белогвардейских булгаковцев им перепала. На этом я решил остановиться и для Питера оставил реальные персонажи. *Может не потому, что осознал, а потому что иссяк мой жидкий литературный запас.* Всё равно это никак собравшимися не фиксируется и явно используется как истощение сил противника перед решительным штурмом.

Лось прервал меня долгожданной фразой:

– Достаточно. Сейчас сделаем перерыв на ваше курение, а затем потом продолжим.

Но насладиться сигаретой мне не дал Костик. Он занял, что на месте курения холодно, надо курить поменьше и вообще, последняя треть сигареты смертельна для курильщика. Достал, как я их называю «кабы ЗДОХ» – очередной словесный поборник Здорового Образа Холостяка. Ни себе ни людям. С вечным лозунгом «*Умирать надо в здоровом теле*». Лучше бы себе почаще в рот заползал с разными приспособлениями.

Лось встретил меня задумчиво:

– Ну, давайте, расскажите нам всё о компаниях, участвующих в поставках панелей. И особенно ваши финансовые взаимоотношения с ними.

– Но я уже неоднократно об этом говорил. Может, уже давайте вплотную подойдём к контрабандной поставке? Мне нужны все документы по этому грузу. И тогда я во всём быстро разберусь...

– Достаточно, – перебил меня Костик, – Вы слишком мно-

го говорите. Отвечайте только на вопросы следователя.

Вот так всегда. Тернист путь к истине. Битый час был посвящён очередному нудному пересказу. Затем Лось мило- стиво выделил мне очередные четверть часа на перекур. А вот только потом всё и началось. Лось достал толстенную пачку листов и стал нудно вопрошать:

– Чего конкретно касается контракт 0105Т?

– А когда и с кем он был подписан?

– Отвечайте на вопрос.

– Совершенно не помню. Наверно что-нибудь связанное с транспортировкой?

– Чего касается контракт 0105TS?

– А это не один и тот же?

– Нет.

– Ну, вам по бумаге виднее. А может, я тоже сначала по- смотрю текст контракта?

– Нет. Вы их все должны знать, раз подписывали.

– Обижаете, уважаемый. Их у меня сотни. От рамочных контрактов до массы приложений по конкретным сделкам. Да ещё и разные черновики контрактов, в которых соответ- ственно меняется нумерация. Да, вы ещё так удачно скрываете, в каком году он был сделан.

– Вы не хотите отвечать на вопросы?

– На такие вопросы я просто не смогу. Тем более что вна- чале у моих контрактов должно быть 6 цифр и две последних означают год. Буквы дают представление о товаре или услу-

гах. Посмотрите в моих документах, в компе, на флешках.

– Что вы скажете о контракте 0607LDPE?

– Не помню. Хотя постоит. LDPE – это *Low density polyethylene*. А полиэтилен низкой плотности мы перевозили для пивоваров осенью 2006 года из Кореи. Значит, номер должен быть 060706LDPE. От шестого июля 2006 года. Если это тот контракт, конечно. Вы вообще-то, с какого года начали документы смотреть?

– За период, который интересуется следствие.

– Однако, какие обширные интересы у вашего следствия.

– Не отвлекайтесь. Переходим к следующим контрактам.

– Не стоит. Вы даёте только часть цифр. В этой угадайке я участвовать отказываюсь. *Коммуниста дешёво не купишь...*
Э-э-э, просто переведи, что не помню.

Лось кивнул и стал без пауз зачитывать кастрированные номера контрактов, соглашений и Бог знает чего. Я только молча пожимал плечами. Наконец Лось угомонился и задал свой давно заготовленный вопрос:

– Почему через вашу компанию проходит такое большое количество денег?

– На мой взгляд, совершенно достаточно для операций, связанных с покупкой и продажей товаров. Да, там ещё перевозки и разная прочая консультационная деятельность. Как у нас говорят, *талантище не пропьёшь*.

– Правда? – голос Лося был полон сарказма. Он вынул несколько листков бумаги и слегка ими потряс, предусмотр-

рительно держа их подальше от меня, – А это что такое?

Я прищурился и не очень уверенно сообщил:

– По-моему, это контракт на покупку вертолѐта и какие-то инвойсы.

– Правильно. Вы доставляли из Польши вертолѐт в Россию?

– Было такое смешное дельце пару лет назад.

– В контракте записано, что вертолѐт летит своим ходом из Польши на аэродром в Санкт-Петербурге. А вот вы выставили российской компании инвойс на доставку его паромом из Гданьска до Котки, а потом якобы вывезли его в Россию спецтранспортом как негабаритный груз. Это мы называем подделкой документов и отмыванием грязных денег.

– А я это называю беспардонным наклеиванием ярлыков.

– Вы признаѐтесь в содеянном?

– В чём?

– В отмывании грязных денег для дальнейшего финансирования контрабанды сигарет.

Ох ты, как лихо Лось загнул. А я-то сначала подумал это шутка. А тут впору и дара речи лишиться. Так вот к чему он подводил меня сегодня весь день.

– Постойте-ка, вы что, серьёзно утверждаете, что два года назад я не перевозил этот вертолѐт? Типа того... клиента кинул, бабки заныкал, а весь *кидок* запустил на личный *контрабас*?

Костик замялся, злобно глядя на меня и тихо процедил:

– Говорите внятно.

– Хорошо, – покладисто сообщил я, отходя от первого шока, – Следователь утверждает, что моя компания не участвовала в перевозке вертолѐта из Польши в Россию, так?

– Да.

– Моя компания выставила счёт за свою фиктивную, то есть не выполненную работу?

– Да.

– А вертолѐт тем временем самостоятельно перелетел из Польши в Россию?

– Да.

– Все деньги, якобы нечестно полученные в 2006 году, пошли на честную оплату контрабандных сигарет в 2008 году?

– Да.

– Скажи ему, что он окончательно рехнулся.

– Извините, не понял, что надо ему сказать.

– Скажи, что это не есть правда! Это есть неправда! Неправда это есть! Тьфу, скоро сам как чучмек зачумурю.

– Но это очень достоверное предположение, да и документы это подтверждают. Можете сами убедиться.

Я глубоко вздохнул. Сделал паузу. Потом вежливо попросил:

– Хорошо, постарайтесь теперь убедить меня в этом с помощью моих же документов. А то такие ваши достоверные предположения доведут до того, что скоро будете утверждать, что я незаконно поставлял венерианское оружие

марсианскому пролетариату, минуя грозное финское эмбарго. Фантасмагория-с.

Костик скривился, но промолчал. Зато активизировался Лось. Он щедро раскидал по столу бумаги и громко хлопнул по ним рукой:

– Вот доказательства вашего финансирования преступной деятельности в нашей стране!

– Где? Ткните пальцем.

Лось, не снимая руки с бумаг, пристально посмотрел на меня особым прокурорским взглядом и веско произнёс:

– Мы также подозреваем, что никакого вертолёта вообще не было. Это было просто прикрытие для контрабанды сигарет.

Я открыл и закрыл рот. Затем почесал кончик носа и перешёл на участливый тон:

– Час от часу не легче. Значит, вы подозреваете, что и самого вертолёта не было? Получается, что из Польши мы привезли сигареты в Россию? Потом два года там их промариновали. Очевидно для придания большей крепости. И только потом повезли назад в Европу. Я правильно понял вашу мысль?

Лось утвердительно кивнул.

– Вы это серьёзно?

Лось снова кивнул.

– Но зачем такой сложный маршрут? Просто для моего понимания.

– Мы не занимаемся разгадыванием мыслей контрабандистов.

Да уж. Такую *клинику* точно ничем не прошибёшь. Здесь обходной манёвр нужен.

– А можно мне посмотреть документы?

Лось нехотя пододвинул несколько листков.

– Хотелось бы со всеми документами ознакомиться. Освежить преступные воспоминания, так сказать.

Лось толкнул ко мне пару стопок с края стола и выжидательно уставился на меня.

– Дайте мне десять минут спокойно поработать. И не надо сверлить меня взглядом. Дырку протрёте. А это отвлекает и нервирует.

– Скажите правду и не будете нервничать.

– Спасибо за добрый совет.

Я медленно стал перелистывать бумаги. Договор купли-продажи. Моей компании тут нет. И это правильно. Изначально планировалось, что вертолёт прибудет к месту регистрации своим ходом. Чёрт! Ну, вот теперь всё сразу вспомнил. Там что-то не срослось из-за очередных свар между излишне нервными политиками. Появились негласные запреты, и пришлось вертолёт разбирать и доставлять на пароме в Котку. А из Котки заказывать тягач и гнать ночью в сопровождении полиции на границу. Было такое. Значит, и все документы имеются. И совсем не эти, подсунутые Лосём, большинство которых к сделке по вертолёту никакого отношения

не имеют.

– Вы меня извините, но здесь в наличие только контракт и один сводный инвойс. А вот эта куча инвойсов вообще связана с другими поставками из Финляндии, – я отпихнул их назад Лося, – Они не имеют никакого отношения к вертолёту. Вы их что, по датам собирали? А куда, кстати, делись первичные инвойсы? За фрахт? За портовые услуги? За провоз негабарита? И где, наконец, инвойс за полицейское сопровождение этого грёбанного вертолёта? Возьмите распечатку банковских счетов компании. Там в проводках есть все эти платежи. А если не лень, то запросите все эти компании. Особо опросите полицейских, которые сопровождали груз. И сообщите им, что они сопровождали не вертолёт, а сигареты. *Их же визуально не отличить.* Наверное, полицейских ваш запрос очень порадует. А они потом чем-нибудь порадуют вас. В ответном слове.

Лось внимательно выслушал и перевёл свой враз потяжелевший взгляд с меня на Пышку. Та съёжилась и стала внимательно изучать поверхность стола.

– Перерыв на курение, – голос у Лося слегка завибрировал.

Кому перекур, а кому пистон по самое сокровенное. Без предварительной ласки. Вот теперь никотин мне точно сладким мёдом покажется. Костик так и не проронил ни слова, пока я медленно и с наслаждением выкурил пару сигарет. А после он мне даже предложил подольше постоять. Подышать

свежим воздухом.

– Ну нет уж, пошли. Посмотрим на крепчающий маразм.

Лось сидел сумрачный. А Пышка точно на грани истерики. Так вот кто, значит, готовит компромат Великому и Ужасному. Чувствует сладкая парочка, что уж очень хлипко и жидко они выступили. Чернушники нахрапистые.

Тут внезапно подала голос Пышка:

– Но был же и второй вертолёт?

– Был. И второй, и третий. Там где-то есть все контракты. Только из Сербии вертолёт не выпустили, посчитав его техникой двойного назначения. Очень жаль. Тот вертолёт был совсем новенький, американский. В боевых действиях не участвовал, да и всё вооружение там давно распродали среди своих. А вот хваленый шведский оказался на деле таким хламом, что его и на помойку выбросить стыдно. Что-то невнимательно вы читали документы, *уважаемая*.

Это оказалось последней каплей. Пышка вылетела из-за стола и скрылась за дверью. *Следачка с возу – босяку послабуха.*

Лось прокашлялся, но никаких замечаний от него не последовало. Он неторопливо стал перебирать разбросанные бумаги. Потом заглянул в одну книгу. Почитал. Отложил. Взялся за вторую.

– Может, закончим на сегодня? – негромко спросил я Костика, – Следователю к суду ещё надо подготовиться. Ему завтра объясняться придётся о реальных причинах моего за-

держания. Тут одним вертолётником никак не отвертишься. Засмеют-с.

Не успел Костик открыть рот, как Лось заговорил:

– Последние годы вы якобы осуществляли поставки биологически активных веществ в Россию.

– Да. Только не понимаю иронии и этого *якобы*.

– Тогда честно расскажите, что это такое.

Я неопределённо покачал головой, не зная с чего начать.

– Понимаете, это, если говорить открыто и прямо, эти БАДы не что иное, как *старческий возбудифилис*.

Костик запнулся, и мне пришлось прийти ему на помощь.

– Вот, к примеру, есть «Виагра». Это дорогая, но хорошо раскрученная синтетика. С кучей побочных эффектов. А вот малограмотные малайцы лепят натуральный препарат на основе женьшеня. Корень жизни такой. Его ещё называют *ginseng* или *panax*. Эти таблетки поднимают потенцию, как у мужчин, так и у женщин. Могу более подробно рассказать...

– Но тут появилась Пышка с распухшим лицом. Я ей вежливо кивнул и продолжил: – ... но это будет очень болезненно для некоторых мужчин. В России препарат пользуется чрезвычайно высоким спросом. У нас, как вы знаете, народонаселение падает. А вот в Финляндии он запрещён. Вас просто нагло обделили простым человеческим счастьем, – тут я скорбно понурился и с жалостью осмотрел собравшихся, – Но вот когда я выйду, то смогу и для вас со скидкой устроить. Честно, почти по себестоимости, как пробные образцы.

Проверите, порадуете семью и почувствуете вкус настоящей жизни.

– Достаточно, – голос у Костика был откровенно печальным.

– Что, уже созрели? Будете делать заказы прямо сейчас?

– Нет, мы продолжим допрос. Ты много говорил, но не убедил нас, что это не является финансированием нелегальной деятельности.

– И каким же образом это могло происходить?

– Отмывание денег.

– Да неужели?

– Мы в этом убеждены, но ещё раз детально проверим все документы. Мы предполагаем, что никакого движения товаров не было. Только одни бумажные фальсификации.

– Да уж вы вначале проверьте, а потом активно обвиняйте. А то опять получится как с вертолётком. И не забудьте запросить TNT, UPS и DHL. Они осуществляли перевозки БАДов в Россию. Желаю успехов в работе с ними.

– Мы проверим и все остальные ваши сделки. Там есть подозрительные моменты при поставках оборудования и техники.

– Вы пока ещё живёте в свободной стране. Кроме почему-то меня. Только прошу, внимательно прочитайте на ночь документы, а то суд состоится уже завтра. Мне будет за это княжество обидно, если у вас снова случится конфузия-с.

– Тогда последний вопрос для протокола. Является ли ва-

ша компания ширмой для табачного бизнеса? Идут ли через счета вашей компании денежные потоки, связанные с нелегальной торговлей сигаретами?

– Ответ может быть категорическим и кратким?

– Да.

– Нет.

– Что значит, нет?

– Нет, значит, нет. Я никогда в жизни не занимался ни легальным, ни нелегальным табачным бизнесом. Жалко, но также не был связан и с алкогольным. И уж совсем не было даже намёка на наркоторговлю. Очень далёк от проституции и сутенёрства. Наверное, это сильно помогло моему семейному счастью. Достаточно? Или продолжить список, чем я никогда не занимался?

Лось покачал головой:

– А вы уверены, что ваша бухгалтерия даёт правильную информацию о доходах и расходах компании?

– Надеюсь. Сами проверьте. А лучше перешлите все ваши теории столичным налоговикам. Потом вместе посмотрим на результат.

– У нас здесь есть и свои высококвалифицированные специалисты.

– И где они прячутся? – я указал на книги, – Или они пока представлены только в печатном виде?

– Вы их увидите в положенное время.

– И то хлеб. Хотя свежо предание, *но серится с трудом.*

Костик пропустил мою хамскую реплику мимо ушей и буднично добавил:

– Есть ли замечания по ведению допроса?

– Да нет, сегодня было даже забавно. Но только занесите в протокол, что мне нужны все документы по этой контрабандной поставке. Все, до последней закорючки и скрепки. Вот это действительно очень важно. Я проведу собственное расследование.

– Мы запишем это в протокол.

– Да, а Конфуций вам знаком?

– Нет, я не помню такой компании в ваших документах.

– Вообще-то это был такой башковитый парень Кун Фу-Цзы. У вас тут его обозвали *Confucius*. Он придумал интересную историю о бесплодных поисках чёрной кошки в тёмной комнате.

– Не понимаю.

– *The hardest thing of all is to find a black cat in a dark room, especially if there is no cat.* Это как раз о вашей работе.

Костик подумал и выдал:

– Лучше пока молчите. Сейчас протокол будет напечатан следователем, а потом я его вам зачитаю.

Подмигнув Костику, я негромко сообщил:

– Ну а пока я вам зачитаю с выражением. Пока ещё помню. Итак...

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья...

– ... денег вам дадут... водки поднесут... нет... тёлку приведут, – значительно тише стал я перебирать себе под нос. Потом извиняюще выдал, – Надо же... запомнил что-то.

– А я это помню, – вдруг заинтересованно сказал Костик, – Это же Пушкин? Мы его учили на курсах.

– Пушкин. Афро-русский сукин сын. И не надо на меня так смотреть. *Son-of-a-bitch* его подлинное и политкорректное самоопределение. Я вот только сомневаюсь про братьев. Наши братаны только и могут, что подлянку какую-нибудь кинуть. Это в их духе.

– Оковы... – Костик стал мучительно вспоминать, – Я же это переводил. Это же *handcuff*, правильно?

– Вам, следакам, виднее. Хотя мне казалось, что это что-то вроде *fetters* (кандалы).

И вот тут меня пробрало аж до икоты. Крутись в гробу гнусный старикашка Зигги Фрейд! Одна моя специфическая знакомая использовала на тусовках слово «оковы» как вежливое сокращение от «Одни КОзлы Вокруг». Сотрясаясь от едва сдерживаемого хихиканья и, смахнув набежавшую слезу, я повторил вслух её любимую, но совершенно непереводимую коронку:

– Достали эти оковы – рвём батоны, коровы.

Костик никак не отреагировал. Взял и зачитал мне распечатанный протокол допроса, а потом сунул на подпись. Я черкнул под каждой страницей и встал, потягиваясь. *Ну вот, вроде бы и еще один трудовой день прошёл. Да и пёс с ним... радуется, что последний... с такими-то «оковами».*

Выходя из здания таможни, я очень интимно спросил Костика:

– У вас тут что, сегодня собрались только заядлые рыбаки?

– Да, – обрадовался Костик, – мы регулярно ловим рыбу. А как ты это определил?

– Легко. Складывается впечатление, что сегодня с утра все поголовно *уху ели*.

– Уха – это рыбный суп?

– Суп, говоришь, – я хмыкнул, – конечно, суп. Содержит массу фосфора. Для некоторых мозгов полезно, но иногда бывает перебор. Ты предупреди своих ловцов гидробионтов, чтобы они ещё и кости обязательно ели. Там кальций. Труднее пальцы веером будет гнуть при шитье такой чернухи.

– Я опять ничего не понял, – сказал Костик вяло.

Я помолчал и мечтательно добавил:

– Господи, а ведь сегодня у нас прощальный день. А счастье вот оно, оказывается, какое! Да ещё и пайка не потребована.

Как говаривала вечно хулиганистая хохлатая вольница из

сопредельной квази-державы: «*Не кажи «Гоп!»*, пока не дой-
деш». Ведь у них, у хохлов, теперь неожиданно выявилась
такая древняя история, скрываемая ранее гнусными моска-
лями, что они до сих пор разбираются со своими корнями,
утонувшими где-то между Атлантидой и Олимпом. Но ша-
маны, видать, знатные были. Куда там *В-Ноздре-Дам-Усу*⁸⁴ с
его невнятными пророческими стишатами.

Я вернулся в никем не потревоженную камеру. Осмотрел-
ся. Ничего не тронуто и не сдвинуто.

– *Херлоки Хамские*, — ругнулся я совершенно беззлобно,
– Могли бы и честно сказать, что перед судом просто хо-
тели халявного компромата надыбать. А то... тюрьма пере-
полнена... тела девать некуда... штабеля под потолок. – Тут
мой взгляд упал на бетонное подобие стола. На нём стоя-
ло аж два подносика с едой. – Вот и компенсация за причи-
нённое неудобство. Чем хорош капитализм, так это пропла-
ченным сервисом. Даже вертухаи подсустились. Чуют, что за
такую подлянку надо правильному человеку жизнь подсла-
стить.

Я придирчиво осмотрел оба подносика и выбрал тот, где
просвечивался приличный кусок курицы, так и не сумев-
ший до конца утопиться в подливе ядовитого жёлтого цвета.
Хотя, может, это жертва птичьего гриппа так сильно перед

⁸⁴ Мишель де Нострдам (фр. Michel de Nostredame), известный также как Но-
страдаамус – французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый
своими пророчествами.

смертью обделалась.

– Ну почему всё время как курица, так в соусе карри? Чтоб вас всех в нём похоронить, – вздохнул я обречённо. Неужели никак нельзя было без этого обойтись? Тухляк что ли опять маскируют? И так ясно, что этот расчленёнка доставлена не из ресторана. Конспираторы. – *По-индусски куркума, а по-русски гадость*, – пропел я на мотив знаменитой интернациональной песни. Но есть надо, а то совсем отощажу. И тогда уж точно век воли не видать. Я решительно нажал кнопку вызова. Минут через пять из динамика раздался недовольный голос вертухая, смутно выделяющийся среди помех. Леню ему к микрофону наклоняться.

– Можно подогреть мою еду? Она совсем холодная.

– Позднее, – вертухай тут же отключился.

Через полчаса я понял, что быстрее захлебнусь слюной, чем дождусь горячего ужина. Обречённо содрал плёнку с подносика. Гадом буду, но эта плёнка явно предназначена для защиты окружающей среды, а не для сохранности содержимого. Двумя пальцами я подцепил странной формы кусок и стал старательно очищать его о край подносика.

– Ну и с какой части тела могли срезать эту опухоль? – задал я себе очередной риторический вопрос и сам себе ответил, – *Больше знаешь – дольше дрищеешь*. А вот запора от этого точно не будет. Вылетит как обкарренная. Да и жалко до конца переваривать такую птичку.

Я осторожно засунул в рот весь кусок целиком и начал с

натугой жевать упругое мясо.

– А-а-а, – замычал я с полным ртом. По дёснам резко полоснуло болью. Я подскочил к унитазу и выплюнул изжёванную массу. Вот только рези так и не прошли. Вот сволочизм, а? Полная расплата за единственный весёлый день в тюрьме. И как-то совсем не ко времени. Тотальный капец. И ждёт теперь меня пост. Не просто пост, а хорошенький такой Пост. И буду я поститься до тех пор, пока не доберусь до своего столичного протезиста.

Это меня прошлое настигло. Мои стоматологические злоключения начались чуть больше трёх лет назад, в славном 2005 году. Однажды, в самом конце лета, я возвращался поездом из Питера после встреч с клиентами. Билет я спокойно купил за четверть часа до отхода и был весьма неприятно удивлён обилием пассажиров в вагоне. Обычно поезд *Sibelius* ходит на три четверти пустым, а тут вот нате вам, полна коробочка мандаринами.

Я протиснулся на своё законное место и стал озиаться. Духота просто африканская. Да и запахи потрясающие. Весь вагон был битком набит гомонящими жизнерадостными туристами из Азии. Соседнее со мной место пустовало недолго. В кресло плюхнулся сопящий и чихающий маленький, но жирненький индивидуум. Он удивлённо осмотрел меня и что-то проорал соседям. Весь вагон затрясся от громового хохота.

– Нашли зоопарк, – сердито отозвался я, перекрывая шум – Что, аборигена без намордника никогда не видели? Или вас сюда тайными тропами закинули, хунвейбины? Цхао ни ма⁸⁵!

Мои слова были встречены новым взрывом хохота. В этой какофонии звуков засверкали вспышки фотоаппаратов. Ну, это уже перебор! Я обречённо осмотрел проход, моментально забитый доверху вносимыми вещами, и понял, что до курилки я точно никак не доберусь. Тут человек-паук нужен.

Обычно вся дорога занимает чуть больше шести часов. Я за это время отлично отсыпался с короткими перерывами на российских, а затем финских погранцов со следующими за ними таможенниками. Главное удобство этого поезда то, что в большинстве случаев наши сапоги пока всё ещё смущаются особо выпендриваться в финском поезде, а финнам... а этим всё просто по барабану. Если за спиной нет хмурых проверяющих. Или не объявлена плановая тотальная облава. Ясно, что сегодня всем будет незапланированный цирк. Такого столпотворения и в метро в час пик не увидишь. Броуновское движение по креслам между чемоданов и коробок. Ох, доставят *рисоеды* радости совсем обленившимся погранцам и прочим разным бездельникам, болтающимся с ними.

Неожиданно гомон стих. В проходе появилась деловитая экзотическая дама и как на плацу стала выкрикивать коман-

⁸⁵ ##### – местное, весьма экспрессивное направление на сексуально-пешеходный маршрут.

ды. Весь вагонный муравейник подобрался и несколько человек стали бодро передавать коробки с сухим пайком. В воздухе явственно запахло полуденным сингапурским базаром. Кто там был, тот поймёт. Это не для изнеженного европейского носа. Я сглотнул подступающую тошноту и стал решительно пробираться в вагон-ресторан через участки, освободившиеся от коробок. Лучше сломать ногу, чем публично опорожнить желудок на соседей. Моё бегство оказалось абсолютно напрасным. Все вагоны были полностью забиты жующим народом. Просто обеденный перерыв в поезде Хайнань-Хельсинки.

А вот вагон-ресторан намертво оккупировали совершенно обалдевшие финны. И, затоварившись пивом, надёжно держали круговую оборону. Не судьба. Таких с места ничем не согнать. Непроступная линия Маннергейма. Пришлось позорно отступить назад.

Мой отобедавший вагон ходил ходуном. До я этого наивно считал наших восточных товарищей людьми тихими, склонными к самосозерцанию и к разным там медитациям. Но эти как с цепи сорвались. Или это ревизионизм на них так подействовал вдали от родной компартии?

Доставшийся мне сосед постоянно кхекал и чихал. А потом внимательно созерцал вылетевшие брызги и подсохшие козявки. Просто юный натуралист преклонных лет. Я терпел-терпел, а потом сделал мужественную вылазку и спёр из туалета все оставшиеся салфетки для рук и стал демон-

стративно оттирать свою территорию после каждого мокрого залпа. Думаете, это произвело на соседа хоть какое-то впечатление? Да ничего подобного. Он только сделал вид, что стал целиться в сторону. Но без особого успеха. Вот вам и дружба народов. Это не слюнявые поцелуи руководства. Тут значительно заразнее.

Единственное развлечение мне доставила появившаяся после Выборга потная группа наших российских пограничников и таможенников. Первые затравленно вступили в вагон с пачкой заранее собранных проводником паспортов и безуспешно приступили к идентификации путешествующего люда. Такие сцены надо лично видеть. Их не просто передать словами. Рядом с моим местом сурово уштукатуренная дева-прапор в супер-мини юбке, обтягивающей широкий зад, с остервенением тыкала пальцем в фотографию на раскрытом паспорте и заезжено вопрошала парочку радостно улыбающихся туристов:

– Это ваш? Или ваш? Это вы на фото? This is yours pass? А? Who is this? На фото смотри. Who... я сама вижу, где who. Это ваше яйцо? О, Господи... лицо, говорю, ваше? Ваше лицо? Нихт шпрехен, а? Может, хоть ты ферштейн?

Оба азиата синхронно кивали и что-то тараторили, но совершенно вразнобой. При этом они упорно не отрывали восхищённых взглядов от внушительного бюста, распирающего форменный китель.

– Ваня... Иван Иванович... товарищ майор! А может про-

сто отдать им сразу все паспорта? Пусть сами разбираются. Этот... проводник весь порядок перепутал. Или вся группа неправильно сидит. Теперь точно не успеем. Они же по-нашему вообще ничегошеньки не понимают. И все так похоже... как сиамские коты.

Раскрасневшийся майор, тихо матерясь, протиснулся к ней и внятно сказал:

– Нарушаешь. Вечером разберусь. А сейчас работать.

Однако его взгляд был слишком красноречив. Мужик. Хозяин стаи секретного бусловского заповедника. Остальных в гомоне не разобрать. Но видно, что мучения испытывают все. И это приятно. Хоть как-то компенсирует имеющиеся неудобства.

Таможенники только внешне и с некоторым испугом осматривали огромные чемоданы⁸⁶, при этом с очевидным сомнением поглядывая на их маломерных владельцев. Но не предпринимали никаких активных действий. Видно, обоснованно боялись, что эти оккупационные чемоданы-монстры легко придавят излишне любопытных. А самим стаскивать и пытаться их раскрывать в захламлённом проходе, мундир не позволяет. Так что они медленно, но неотступно продирались за пограницами. Без всякого намёка на привычное любопытство.

Поезд тихо подтянулся к станции Буслово. Смена караула.

⁸⁶ Таможенник, заглядывая в чемодан: – Итак, господин турист, давайте определяться, где тут ваши вещи, а где мои. © Из любимых анекдотов.

Сейчас через границу переползём и посмотрим импортное продолжение. Мой сосед издал какой-то утробный рык, а потом чихнул так, что накрыл чуть ли не треть вагона, захватывая и часть таможенников. И откуда в этом низкорослом теле столько запасов слизи? Человек-контейнер. Соседние ряды встретили его залп весёлыми аплодисментами. Ещё бы на бис повторить попросили, извращенцы!

Таможенники прытко смылись, а я мрачно осмотрел себя и с тоской подумал, что туалет теперь откроют только после прохода финской бригады. А до этого приткнуться мне негде. Тут нигде свободного места нет. Всё под барахлом. И куда они с собой столько набирают?

Да, а что я потом жене скажу? Откуда все эти подозрительные пятна на брюках? Ах, китаец, говоришь, на ширинку чихнул? Ха-ха, какой ты у меня сегодня остроумный. А в твоих трусах он ничего не забыл? И т.д. и т.п. Вот так и рождаются нездоровые истории о сорвавшихся как с цепи командировочных.

Финская проверка прошла быстро. Пограничники, бесстрастно поджав губы, молча шлёпали штампы в протягиваемые паспорта и как горнолыжники лавировали к выходу. Моего соседа, зашедшегося в очередном брызгающем кашле, просто проигнорировали. Брезгливо прохрустели через свалку из коробок с остатками еды и испарились. Таможенники вообще были больше озабочены трусливым поведением своей собаки. Она, поджав хвост, так тянула поводок, что

было ясно, что никакой наркоты здесь и в помине нет, а вот от запахов пёсику становится дурно. Молодцы, одним словом. И не заляпались, и не перетрудились. Рационалисты. А вот некоторым азиатским сачкам, вовремя не подставившим свои паспорта под штамп о въезде, на выезде достанется по полной программе. За это обстоятельные финские парни отыграются сполна. Неясно пока на каком языке, но очень долго и нудно. Национальная особенность.

В итоге я не поспал, но соплями и впечатлениями наполнился надолго. На третий день после поездки меня скрутило. Я вначале грешил на хитрую азиатскую простуду, но никаких насморков или першений в горле, как у моего попутчика, совсем не наблюдалось. Зато температура стала скакать как сумасшедшая от 35° до 42°. Стало крючить так, что не согнуться и не разогнуться. В это время у меня горел контракт с финскими энергетиками. Но в таком состоянии я был просто недееспособен. Я даже по лестнице ни подниматься, ни спускаться нормально не мог. Полный караул.

И тут впервые в жизни мне по собственной инициативе приспичило записаться на приём в больницу. Я стоически выдержал долгую беседу с бурно радующимся врачом, а потом стерпел и все его предписанные анализы. Такой долбёж ипохондрика холериком закончился к вечеру новой торжественной встречей и обсуждением анализов в присутствии уже нескольких молоденьких медсестёр.

Диагноз был категоричен – радикулит в острой форме и

вызванная этим некая незначительная фибрилляция предсердий. Звучало страшно, но солидно. Да и рецепт был выписан на благородно звучащий препарат Marevan[®]. Запад, господа. Все процедуры и профессиональный диагноз в течение трёх часов! И почти задаром.

Не знал я тогда, наивный, что Marevan – просто закамouflированная торговая марка такой гадости как warfarin. А вот варфарин нормальными людьми используется исключительно в качестве крысиного яда. И очень даже эффективно. От предписанных доз у меня неудержимо и безостановочно пошёл кровь из носа и дёсен. Стало так гадко, что хоть выползай в свет за белыми тапочками. За несколько дней я полностью изучил свой кусочек дороги к аду и узнал, что не всё так хорошо на нашей прекрасной земле.

Повторный поход к врачу и новая серия анализов, к удивлению всех садистов в белых халатах, выявила, что мои показатели С-реактивного белка (CRP), который даже для начинающих медсестёр является индикатором острых воспалительных процессов, уже зашкаливает за двести. Тогда как у приличных людей он должен болтаться где-то в пределах от единицы до пяти. С медицинской точки зрения произошло довольно неприятное ЧП. На подведомственном участке неожиданно объявился грязно ругающийся и кровоточащий иностранный труп с предсмертными судорогами. И совершенно липовым диагнозом. А это могло быть чревато последствиями. Вот тут всех, наконец, проняло и такое заку-

тилось, что лучше не вспоминать.

Дальнейшее вытаскивание меня с того света заняло год жизни, полное удаление зубов и особо хитрую операцию на сердце. Причём эту операцию проводила сводная бригада из разных стран. За такое качественное потрошение, искренне и от всего сердца спасибо деловым парням с военной выправкой. Они почти сразу замаячили за спинами моих лечащих врачей. Сначала присматривались. Потом долго выясняли мельчайшие детали моей поездки. Несколько дней проверяли, и, наконец, предложили подписать массу бумаг о передаче всех прав на использование информации о моей болезни и т.д. и т.п.

После этого был моментально организован почасовой мониторинг моей крови и в меня стали вливать особо заковыристые препараты. Любопытное было время. С меня, облепленного как ёж внутривенными катетерами, постоянно забирали на анализы кровь, а взамен закачивали разноцветные жидкости. И почти два месяца совершенно безрезультатно. Зато я понемногу стал понимать внутренний мир наркоманов. И мечтать о нормальной встрече с унитазом. Главное, чтобы без многочисленных свидетелей.

Потом что-то сдвинулось, но как-то мало и несерьёзно. Расширенный консилиум врачей решил, что мои зубы пришли в некоторую негодность, а курсы лечения вроде как тому сильно способствовали... или нет. Но, их надо обязательно удалить! Под девизом: закроем проход всем оральным бак-

териям и откроем прямой путь к выздоровлению.

Через год я появился дома с шикарным шрамом от горла до пупа, пуская солнечных зайчиков новенькой вставной челюстью. Да и для гостей у меня появилась увлекательнейшая история, как я, рискуя зубами, спас Европу от азиатского ответа на американский спид. А что, недалеко от истины. Если в течение всего трёх дней можно здоровых мужиков превратить в вяло ползающих инвалидов, то это пострашнее атомной войны. Да и не зря вояки так суетились.

Позднее мой старший сын, столкнувшись со сверстниками из медицинского вуза, поведал, что история моей болезни уже вошла в местные учебники. Даже сделан полнометражный фильм об операции. Причём его можно со скидкой приобрести по студенческому билету для более детального изучения. Он сразу загорелся идеей немедленно прикупить его в домашнюю видеотеку. Пришлось резко остудить исследовательский порыв.

Это даже для меня чересчур. Я как-то сразу увидел праздничное застолье и пикантную «клубничку» под аперитив:

– Друзья, по случаю просмотра «My body thriller» пьём исключительно чистую русскую водку. Итак, поехали... здесь скучное начало... слишком много крови... перемотаем немного... сейчас кровь отсосут, и откроется нормальный вид... ага, вот здесь мне начинают пилить грудную клетку... обратите внимание на эту уникальную пилу. Доставлена прямо из Германии. Кости режет как по маслу... ах, ка-

кие изумительные крючки, они так надёжно фиксируют рёбрышки... а вот и моё сердечко... ещё бьётся, шалунишка... сейчас его остановят... а пока ещё по одной... нет-нет, не закусывая, а то ковёр потом будет трудно отмывать... до туалетов всё равно не добежите...

В итоге у меня нормальное заштопанное сердце, грудная клетка стянута титановой проволокой, один аортальный клапан игриво обрамлён платиновым (не вру!) кольцом, зато вместо своих кровных зубов я являюсь обладателем смоделированных компьютером челюстей, которые по внешнему виду почти не отличить от ранее выданных. Внутренний слой у челюстей очень эластичный и намертво прилипает к дёснам. Хоть орехи грызи, хоть пробки открывай. Лучше, чем родные. Только зубочистка больше не нужна. Незабвенный Леонид Ильич, у которого челюсти норовили выпасть при каждом удобном случае, от зависти бы точно умер, существенно уменьшив количество анекдотов о себе.

А вот процедуру врезки керамических имплантатов я оттягивал-оттягивал и запланировал начать как раз перед Рождеством. Дооттягивался, блин, до тюрьмы. Но уж больно яркие были воспоминания о прошедших операциях. И навязчивый кошмар о предстоящих месяцах кулинарных извращений потребления мороженого и детского питания. Попробуйте посидеть хоть одну неделю только на одних этих пюре, и для вас всё станет слишком очевидным.

И вот теперь наступила расплата. То ли от времени, то

ли от непомерного употребления сигарет и полного отсутствия ухода, но внутренний слой затвердел и потрескался в нескольких местах. При малейшей нагрузке эти трещины как кусачки впиваются в десны, и создаётся непередаваемое ощущение, что весь рот забит битым стеклом. Мечта махрового мазохиста.

Вот так всё складывается один к одному. И главное, в удачное время и в удачном месте. Прямо по пословице: *пришла беда – отворяй варежку и не щёлкай клювом*. Будем привыкать к новым беззубым реалиям, где есть исключительно молочные реки и кисельные берега. Но напрочь отсутствует мясо и прочие упругие излишества. Последняя капля к имеющимся безобразиям. Видно, звёзды криво пересеклись. Благодарность тебе особая, моя добрая планида.

Добьют меня эти застенки. Вот так и загнусь здесь перед самым выходом. И перед кончиной буду только мечтать, что так и не смог утешиться неувыдаемым лозунгом лиц древнейшей профессии: «Богатые люди плохими и старыми не бывают»⁸⁷.

Последующий затем прерывистый сон натошак для человека, развращённого сытым городом, есть состояние абсолютно противоестественное, противное и мерзкое во всех отношениях.

Да ещё стало совсем уж невыносимо медленно тянется

⁸⁷ Не подумайте ничего плохого, это я о краугольном камне, на котором строится вся журналистика.

ночное время под недовольные бурчания кровно обиженного желудка. Я просто физически стал ощущать, как он начинает делать робкие попытки заняться самоедством.

Всё для меня съедобное из долгожданного завтрака *червячка* даже не заморило, а только нанесло *gaster* (*желудку*) серьёзное оскорбление и разборки с *intestinum tenue* (*тонкой кишкой*). Желудочно-кишечная битва.

Через час вертухай застал меня за сбором вещей. Он внимательно оглядел камеру и лениво произнёс:

- Там ваш адвокат приехал. Будете встречаться?
- Буду. Когда?
- Да прямо сейчас. Идите в комнату встреч.
- Бегу.

Мой адвокат, весь из себя радостный и благоухающий, представлял рядом со мной собой исключительно разительный контраст. Я покосился на стекло переговорной и отчётливо увидел там отражение взъерошенного и дёрганого пугала.

– Как дела?

– Нормально, – ответил я и с обидой добавил, – *Like a shit on a small stick*. – Судя по его удивлённо поднятым бровям, я понял, что описание состояния *дёрма на палочке* ему совершенно неведомо, а объяснение отнимет последние силы. – Устал и воняю, – это более лаконично и близко к истине.

– Да, это заметно, – он даже слегка повёл своим аристократическим носом, – Но давайте приступим к нашим делам.

– Давайте.

Тони вытащил солидную пачку бумаг и гордо водрузил на стол.

– Это ваши медицинские записи за последние три года.

– А я и не знал, что их так много.

– От следователей так и не получено никаких фактических доказательств, на основании которых вас обвиняют. Они их засекретили до окончания следствия. Вы не узнали почему?

– Нет. Только догадываюсь. Наверное, их просто нет.

– Похоже на правду. Но для местных судей достаточно и простых подозрений. Поэтому мы освободим вас сегодня по состоянию здоровья. А потом начнём бороться за сохранение вашего честного имени.

– У меня ещё и челюсти испортились, – моментально на-ябедничал я, – От молока с кашей с утра тошнит. А это теперь моя основная еда.

– Учтём. Это очень важные доводы для судьи.

– А почему суд не требует хоть каких-то доказательств?

– Ну... это сложно вот так прямо сказать. Так исторически сложилось. У нас суд всегда старается помочь следствию. Они же представляют государственные структуры.

– Помочь? Или выполнить прямое указание следователя?

– Ну... это не так явно. Всё зависит от судей. Хотя такие случаи бывают. Но это редко. У нас все очень честные люди... почти.

– У меня как-то сложилось совсем другое впечатление. Вот про местных следователей этого не скажешь. Видно, не повезло. Да и всё это дело можно было раскрутить за несколько дней, а я здесь сижу уже более двух недель.

– У них, очевидно, пока нет других подозреваемых.

– Или кем-то поставлена конкретная задача.

Я вкратце поведал о последнем допросе с враньём о переполненности тюрьмы.

– Может, мне нужно приезжать на ваши допросы?

– А зачем? О контрабанде следователь молчит, а остальное просто поиски наугад.

– Хорошо, мы ещё это обсудим. Когда вы уже будете на свободе. А пока приведите себя в порядок, – он бегло осмотрел меня, – Ну, по возможности. До заседания суда осталось ещё четверть часа.

Возможностей для придания себе добропорядочного вида у меня не очень много. Но всегда есть выбор, зависящий от настроения и цели. Я намочил волосы и постарался придать им видимость причёски, а потом старательно прополоскал рот. Почесал ногу. Сыпь какая-то странная вылезла. Надеюсь, что не от клопов, а просто раздражение от этого прогрессивного постельного белья.

Вот теперь медленно-медленно можно выкурить сигарету и в последний бой. Наступает пора валить из этого заповедника. Но даже докурить не дал неугомонный Костик. Он всполошено влетел в камеру и привычно заныл:

– Мы опаздываем на суд. Вы опять не готовы. Срочно уберите.

– Собирайтесь или убирайтесь? Для меня в этом есть определённая разница.

– Одевайтесь.

– Вообще-то я одет, а вот всё остальное мне надо получить у вертухая.

– Тогда срочно идём.

У него получилось, как *срочно*.

– Как срочно, так *срочно*. Надо бы запомнить, – задумчиво проговорил я, направляясь за Костиком, – С вами такого наберёшься, что Черномырдина⁸⁸ переплунешь.

У вертухайской дежурки никаких посторонних не было.

– А где мой конвой?

– Вы сегодня пойдёте со мной и одним из местных охранников.

– Что, уже все так прониклись доверием ко мне?

– Нет, просто все остальные заняты.

– Нашли новую партию контрабанды?

– Нет, – Костик мотнул головой и отошёл к дверям.

Под надзором вертухая я быстро влез в кроссовки и нацепил куртку. А вот ремень стал длиннее на одну дырочку. Тощем. Сделал короткую паузу, вроде как *присесть на до-*

⁸⁸ «Хуже водки лучше нет». «Россия со временем должна стать еврочленом». «На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться». «Хотели как лучше, а получилось как всегда». © Виктор Степанович Черномырдин.

рожку, и наша троица гуськом двинулась в суд.

Холл перед залом судебных заседаний был битком набит народом. Я обернулся к Костику:

– Здесь сегодня что, будет рассматриваться много дел?

– Нет, это только наши таможенники. Они пришли на ваше дело.

– Граница осталась без замка? Это вы опрометчиво.

– Это очень важное дело. Крупнейшая контрабанда за всю историю страны.

– Да неужто? А на мой взгляд, просто нашли повод для безделья.

Я заметил своего адвоката, который одиноко сидел в уголке и просматривал документы.

– Могу пообщаться с адвокатом? – спросил я Костика.

– Да.

Я разделся, подсел к адвокату и тихо спросил:

– А это нормально, что тут вся таможня собралась?

– Нет, но это такая неявная форма давления на судью. Город очень маленький. Да и приезжий столичный адвокат для них как...

– Деревенская коррида. Красная тряпка для быка.

– Что-то в этом роде. Очень важно для вас вести себя раскованно и с достоинством. Иначе это будет восприниматься всеми, что вы чувствуете себя виновным.

– Учту. И постараюсь не сорваться в *falling sickness* (падучую). Это шутка, – быстро добавил я, глядя на его изумле-

ние, – Просто я нервничаю.

– Это естественное состояние. Расслабьтесь.

В коридоре появилась секретарша, которую я надолго запомнил с прошлого раза. Она открыла дверь в зал и приглашающе кивнула головой.

– Нам пора, – сообщил адвокат и стал засовывать бумаги в свой портфель.

– Ну, с Богом! Где наша не побеждала, — пожелал я себе по-русски и мысленно трижды перекрестился, не отрывая задумчивого взгляда от мерно качающихся ягодиц секретарши, выразительно подчёркнутых эластичными джинсами. Просто вещественное олицетворение ожидаемой свободы.

Мы с адвокатом заняли своё место. К нам протиснулся Костик и демонстративно сдвинул свой стул к краю стола. Я оглядел зевак из таможни. Они, возбуждённо переговариваясь, быстро заняли все стулья для зрителей, но часть так и осталась стоять. Маловата оказалась аудитория для страждущих. Хотя могли бы скинуться и стадион арендовать по такому случаю.

– Нет, ну это уже ни в какие рамки не лезет, – негромко пробормотал я, – Как свора шакалов в ожидании чужой охоты. Даже повизгивают в предвкушении. В очередь, сиуки, в очередь.

– Что вы сказали? – Костик повернулся ко мне.

– Ничего. Это я о своём, о сокровенном.

– Не болтайте много. А то я могу ошибиться в переводе. Это ещё больше усугубит вашу вину.

– Слушай, толмач, – немедленно взъярился я, – Давай без своих задолбанных комментариев. Переводить будешь, когда я попрошу. Лучше вон своих собратьев успокой. А то раскаркались тут как у себя в гадюшнике. Гопота соромная⁸⁹.

Костик обиженно отвернулся и стал рыться в своих карманах.

– Проблемы с переводчиком? – негромко спросил адвокат.

– Нет, просто нервы. Мой переводчик – человек таможни. А я сейчас постараюсь успокоиться.

– Да уж, пожалуйста. У нас сегодня будет трудный день.

– *Total ambush (Полная засада)*.

Вновь открылась дверь, и величаво вплыл давешний судья со своей неизменной спутницей.

«Опять этот самодовольный боров», – застонал я про себя – «Ну, неужели в округе нет ни одного приличного человека? Хотя бы элементарно порядочного?»

Судья долго устраивался в своём кресле. Потом сонно и тяжело осмотрел притихшую публику. Из толпы рванулись несколько человек и заняли свои места за соседними столами. Судья неодобрительно покачал головой и уткнулся в подсунутые бумаги. Началась отработанная им до мельчайших деталей процедура вникания.

⁸⁹ Срамной, постыдный, неприличный, непристойный.

«Опять дежа вю»⁹⁰ – с тоской подумал я, – «А ведь «My Deja Vu»⁹¹ когда-то была моей самой любимой песней Ace of Base... а этот спесивый выпердыш уже своим видом полностью обгадил сокровенное. *God please deliver me from fools* (Господь, упаси меня от дураков).»

Пока судья вникал в бумаги, я оглядел соседей. Прокурор с кислой миной листал бумаги. А вот за столом обвинения собралась активная группа. Пять человек. Ставки за мою голову растут. Нехорошо.

– А это кто там? – спросил я Костика, ткнув пальцем в их сторону.

– Руководитель следствия, его помощники и руководитель нашей юридической службы.

– «Наши» – это сейчас таможня?

– Да.

– Название до боли знакомо. А где мой горе следунец-следо-поц со своей следо-пыткой? Я их что-то не вижу.

– Они среди приглашённых.

– Их пригласили, или они сами сюда припёрлись в рабочее время?

– Их официально пригласило руководство.

– Посмотреть на торжество беззакония? Или быть под рукой на случай публичной порки?

⁹⁰ Deja vu – уже виденное.

⁹¹ «My deja vu you're my obsession, My deja vu it's always you» – «Моё дежа вю – моя навязчивая идея, Моё дежа вю – всегда ты». © Ace of Base «My Deja Vu»

– Я не понимаю, – Костик отвернулся.

– Да всё ты понимаешь, – сказал я ему в спину, – И тебя это также касается. Ты же у нас тут главный толмачила... *servile interpreter* (холопский переводчик). К тому же полностью бесконтрольный с моей стороны.

Судья очнулся и, точно, как и в прошлый раз, монотонно забубнил.

– Слушается дело 08/1847 от двадцать первого ноября 2008 года... – стал негромко вторить Костик.

– А почему номер другой? – не удержался я.

– Это уже новое дело... слушайте дальше... вам перечислить обвинение... оно не изменилось... а имена всех присутствующих?

– Нет и нет. Чтоб им потом всю жизнь не икалось.

Судья умолк и уставился в сторону обвинения. Там посовещались, и поднялся поджарый седовласый мужчина.

– Подожди, а это ещё кто?

– Это наш старший инспектор, которого назначили сегодня быть представителем таможни.

– Ещё один примазавшийся. Ну и что нового?

– Просим продлить содержание подозреваемого под стражей... по ранее сообщённым причинам... следствие ещё не закончено... но вскрылись новые обстоятельства, – Костик перевёл дух и стал очень внимательно вслушиваться. По мере выступления старшего инспектора, на лице Костики стала проявляться кривая ухмылка и, наконец, он неприлично

злорадным тоном произнёс: – Да, так и должно быть.

– Что так и должно быть?

– В результате следствия выявлено ещё шесть тождественных поставок... итого их семь. Есть причины подозревать вас... с большой вероятностью... как организатора русской мафии. Ты... – с этими словами Костик обвиняюще уставился на меня, – ... и именно ты устраивал эти перевозки из России, обслуживание и экспорт под прикрытием своей компании. Да, это твоя компания... полностью доказано.

– Слушай, ты мне или тыкай, или выкай. Проще будет. И вообще причём здесь это? О ранних поставках я сам подробно говорил, и информация об этом есть во всех базах данных. Могли бы и не изображать здесь... плодовитую работу. Сыскун, блин. Просто счастливый представитель роддома с шестью новорождёнными.

– Подожди... – Костик выставил перед моим лицом раскрытую ладонь, – Он говорит, что во время дознания ты всё отрицал... говорил, что не знал, что в строительных материалах находились сигареты... так вот... сейчас твоя информированность о российских сигаретах, стала центральной темой дознания.

– Не, ну надо же, какой прогресс! А о чём они раньше думали?

– Следователи пока не смогли вскрыть компьютер подозреваемого... – не обращая на меня внимания, упоённо продолжал вещать Костик, – Но следователи уверены, что в бли-

жайшую неделю они... или в его... ну, в твоём компьютере... или в переписке компании... найдут недостающие доказательства твоей причастности к этой цепочке преступлений...

– Предсказатель вещательный, твою мать.

– Преступления были сделаны каждый раз одинаково, и количество сигарет, нелегально ввезённых из России... также... каждый раз... было почти одинаково.

– Лихо сказанул, как в лужу... плюнул.

– Специальные причины задержания... они остаются теми же. Пока неизвестно, есть ли другие подозреваемые, которые скрываются в Финляндии или где-нибудь ещё... но мы их настигнем!

– Да он просто как Буш-младший... *бушемеля*.

– Существуют возможности... порча доказательств... побег из страны... ты же гражданин России... у тебя есть российский паспорт... ты можешь помешать следствию.

– *Blah-blah-blah...*

– Для тебя это не бла-бла-бла, а серьёзные обвинения, – осуждающе прошипел Костик.

– Пусть он засунет их себе в... – я вовремя осёкся и вежливо закончил, – ... в разработку своим распи... следователям. А уж там пободаемся. Мечтун из Лапёры.

Таможенник слегка поклонился и сел под бодрый шёпот коллег. Только аплодисментов не дождался. Но вот теперь понятно наличие такой массовки. Предусмотритель-

ный, однако, попался господинчик и знает, как пользоваться своим административным ресурсом в столь скользких вопросах.

Тут поднялся мой адвокат и загремел хорошо поставленным голосом. Костик поморщился, но послушно стал переводить:

– Подозреваемый категорически не согласен с претензиями таможи... просит отпустить его по причинам, указанным в его *petition* (заявлении)...

Я поднял вопросительный взгляд на адвоката. Ни о каком моём заявлении у нас с ним речи не было. Но видно так надо. Ему лучше знать местную *legal measures* (судебную процедуру).

– То, что твоя фирма указана грузополучателем... это... это не делает тебя контрабандистом... твоя фирма оказывала логистические услуги... существовал долгосрочный контракт... всё это не делает подозрение вероятным... а дальше перечень законов. – монотонно пробубнил Костик.

– Пропускаем.

– Теперь адвокат рассказывает про какое-то старое политическое дело, когда шофёр переносил чемодан своего шефа... а там оказались деньги на взятку... его осудили, а потом оправдали... так как он совершенно не знал о содержимом. Только выполнял свою обычную работу.

– Ну и правильно сделали.

– Ага, только через три года, – мстительно добавил Ко-

стик.

– Теперь адвокат... он просит судью о том, что будет... ох ты... например, судья получит на свой домашний адрес... это... почтовую посылку с наркотиками из Голландии... разве он будет виноват, если ничего не знал о её содержимом?

– Не-а. Молча скурит и не поморщится, – уверенно подтвердил я.

Костик стал мрачнеть прямо на глазах.

– А теперь он требует... показать твой дымящийся пистолет...

– Что??? А-а-а... тьфу ты, *smoking gun*... по-русски это означает предъявить явную улику... а то я с ходу не въехал и из-за тебя чуть Кондратия не подцепил. Не шали так больше... *полиглотчик*.

– Да, он опять требует для суда... живых доказательств, а пока их нет. Только одни слова.

– Вот это он правильно сказал. Я бы ещё добавил об местной эпидемии чрезмерной брехливости.

– Он говорит, что ты... живёшь здесь уже 19 лет... никогда не было никаких проблем с государством... а язык так и не выучил⁹²! – явно от себя язвительно ввернул Костик, –

⁹² Финский язык. Ну, казалось бы, и чего в нём сложного? Всего-то 14 падежей с обилием суффиксов, частиц и окончаний, легко наслаивающихся на корень. Ну и прочие разные изыски. Правда есть и свои примочки. Как вам словечко: *Lentokonesuihkuturbiinimoottoriapumekaanikkoaliupseerioppilas* Между прочим, это официальное название ученика помощника младшего офицера-механика, занимающегося турбинами реактивных самолетов в вооруженных

Так вот, у таможни нет возможности указать, что ты делал попытки скрыться или уничтожить улики... всё наоборот... все данные записаны... э-э-э... по системе и сохранены. Вызывает сожаление, что таможня не успела изучить... конфискованные материалы... и компьютерную информацию.

– Опять в точку. Я весь такой... систематический.

– Дознание проходило бы... гарантированно лучше, если бы ты был на свободе, – тут Костик аж скривился, – И во всём помогал таможне.

– Так мы это... завсегда.

– К твоему заявлению об освобождении есть... ну как это?

силах Финляндии? Может слегка длинновато, зато легко для зазубривания и точно ухватывает суть. Так что не вижу никаких особых проблем. Сел и выучил. Как мои жена и дети. Финский – это же *агглютинативный язык номинативного строя со значительными элементами флективности*. Простой и лёгкий в познании и понимании. Я вот в Финляндии уже почти 20 лет, но у меня действительно уважительная причина – времени нет, чтоб такой ерундой заниматься. Вот, например, возьмите хоть Ивана Алексеевича Бунина, которому в 1933 первому из русских писателей была присуждена Нобелевская премия по литературе. Прожил себе этот человечеще большую часть жизни в Берлине, но достало его ждать того дня, когда все немцы перестанут по-иноземному лаять, а все разом одумаются и заговорят по-русски. Терпел-терпел и переехал в Париж, чтобы там уже общаться с приличной публикой культурно и по-человечески. А мог бы дожидаться немецкого восточного сектора. Правда, неизвестно ещё с какой стороны колючей проволоки. Так и я жду. А пока спокойно обхожусь своим *broken English* или *Englishes* в финском исполнении. И вообще не вижу никаких проблем. Недаром же у них все сериалы, фильмы и прочая пустопорожняя развлекаловка идут на английском с финскими или шведскими субтитрами. Классический вид обучения «не отходя от кассы». И по-своему читать народ тренируется, и зрение постоянно проверяет, да и американское произношение на будущее себе ставит. Многостаночники с далёким прицелом миграции.

Описание болезни... очень страшное. Если будет нужна повторная операция, то твоё сердце... кирдык!

– Типун тебе на язык, зараза... надо же, какое слово вымучил. Ты хоть сам-то знаешь, что *кирдык-базар* это надгробная речь? А за такой базар вы по полной ответите.

Костик непонимающе посмотрел на меня и продолжил:

– Ты подтверждаешь отмену на запрет... на засекречивание... этой... твоей больничной истории?

– А что, должен? Конечно, отменяю, если их свои же воюки потом не замочат. Пусть картинки изучают. До полного омерзения.

Адвокат выдал последний возмущённый аккорд и сел.

– Как понравилось моё выступление?

– Блестяще и очень эмоционально, – искренне ответил я, –

Осталось только дожидаться *judgement for defendant* (*позитивного решения суда*).

Костик дёрнул меня за рукав:

– Говорит прокурор... он это... говорит, что есть причины подозревать тебя... с большой вероятностью...

– Далась ему эта вероятность! Ещё один Эйнштейнёныш в деревне вылупился.

– Кто?

– *Albert Einstein, Айнштейн*, блин, лохматый такой. Просто у него в России до сих пор старая *погремуха*.

– А-а-а... Так вот. Ты единственный человек, который сам решал о перевозках... подставных грузов через Финлян-

дию...

– Ага, уже договорился до подставных... ну, даёт *кадаврун*, как лихо дело шьёт!

– Никто не действовал в Финляндии кроме него... то есть тебя...

– Странно. А следователь только что другое говорил.

– ... по бумагам все грузы одинаковые... эти, как их... панели для строительства?

– Сэндвич-панели.

– Вес всех машин также примерно одинаковый. Да, две машины прошли рентген... ну, эту... проверку...

– Когда?

– Он не сказал. Но они тогда прошли проверку на другой установке... это та, которая стоит у нас в Нуйямаа... а вот через таможенную Ваалимаа... машина проверку не прошла... у них установка значительно лучше.

– Винтики-Шпунтики. Только голову судье морочите, а там и без вас ветер раздольно гуляет.

– Теперь о твоём здоровье... лекарства получаешь ежедневно по часам... находишься под постоянным наблюдением квалифицированных сотрудников...

– Ух ты, а я их и не заметил. Пару таблеток дали, а уже наблюдение...

– По мнению стражи у тебя хорошее самочувствие.

– Вот пусть он к вертухаю со своим геморроем запишется.

– Наши следователи потом самостоятельно решат, будет

ли он... то есть ты... дальше содержаться в полицейской тюрьме... или переведён в государственную тюрьму... или освобождён.

– Вижу, у вас тут таможенное словоблудие... дерьмократия в полный рост.

– В ближайшие дни будет изучаться документация и переписка и он... это значит ты... будет требоваться ежедневно для допросов. Следствие будет продвигаться быстрее... если ты будешь сидеть в тюрьме. Всё.

Я посмотрел на адвоката. Тот сделал утешающий жест и встал.

– Твой адвокат... подтверждает, что действительно была серия ранних перевозок... но он говорит, что оскорбительно... применять к ним термин «подставные поставки»... этим заранее прокурор тебя обвиняет... и этим нарушаются финские законы.

– Да я и так вижу, что вы тут совсем распустились, ханурики деревенские.

– Он говорит, что использовать такое понятие, как... «причины подозревать с большой вероятностью» ... можно, если только есть доказательства и доказанные преступные связи... а вот то, что человек оказался в неправильном месте... недостаточно для обвинения...

– Ещё бы, только правильный памперс оказывается в нужное время и в нужном месте.

– ... ну, это вроде и всё... дальше идут финские законы...

но я этих параграфов не знаю.

– А мог бы и вызубрить, раз прислуживаешь закону.

– Твоё слово.

– Пошли все...

– Нет, твоё выступление.

– А, понял.

Я встал, выдавил из себя бледную улыбку и постарался собраться. Прокашлялся, оттягивая время, и начал:

– Ваше благородие...

– Ваша честь, – прошипел Костик.

– Сам его обзови, он всё равно ничего не педрит... Ваша честь, я постараюсь подробно ответить на все эти... высказанные, но ничем не обоснованные подозрения.

Тут мой голос непроизвольно завибрировал от едва сдерживаемой ярости, и я испугался, что сейчас сорвусь и уж такого наговорю, что потом и армии адвокатов этого вовек не расхлебать.

– Во-первых, я вообще не понимаю, почему меня постоянно пытаются обвинить по национальному признаку. Это что, основной аргумент? Тут предполагают, что я, причём исключительно... и только как российский гражданин, могу сразу сбежать из Финляндии. Да вы уже сегодня можете конфисковать мой паспорт и вернуть его мне только после окончания следствия. И забыть о моей национальности. Уберите этот основной аргумент и тогда вообще ничего не останется.

Я сделал паузу, давая время Костику закончить перевод.

– Кроме того, у меня здесь семья, двое детей. Нет никакого смысла всё бросать и сбежать из-за неясных догадок, которые здесь были озвучены.

– Говорите просто и коротко, – Костик сердито дёрнул щекой.

– Я провёл уже 18 дней в одиночной камере, где постоянно горит яркий свет. Сплю на бетонной плите. За это время я не получил никакой медицинской помощи. Даже мои собственные лекарства мне дают нерегулярно. И вообще смешно слышать об охранниках с медицинским образованием. Может мне покажут хоть один диплом кардиолога? Или любой другой.

– Я не успеваю переводить.

– Хорошо, я буду краток. У вас есть все медицинские рекомендации. Там описаны мои разрешённые нагрузки, указана необходимость избегать стрессов и стараться чередовать краткий период работы с продолжительным отдыхом.

– Короче, – Костик уже еле контролировал себя, – Я и половину не успеваю перевести.

– А ты крутись, раз поставлен. Кроме того, у меня пришли в негодность мои вставные челюсти. Мне срочно нужен специалист для их ремонта. А пока я вынужден сидеть только на молоке, хлебе и иногда на плавленом сыре. Когда повезёт. – Это звучало даже для меня неубедительно. Тогда я выразительно посмотрел на свои свободно висящие джинсы и добавил: – За время заключения я потерял не менее 7-8

кило живого веса.

– А сколько точно? – немедленно ввернул Костик.

– Не знаю. Потом дома взвешусь и вышлю счёт за каждый утеранный грамм, – огрызнулся я.

Костик медленно заговорил, всем видом выражая крайнее недоверие к моим словам. Даже плечиками повёл, свою сомнительность подчёркивая, стервец. Всю малину обгадил своей пантомимой.

Я про себя взвыл, но почти спокойно продолжил:

– Теперь, что касается контрабандного груза. Для начала, я никогда в глаза этот груз не видел, чтобы заподозрить что-то неладное. Кроме того, у компании не было вообще никакой информации об этом последнем грузе, а также не поступило никаких документов, что само по себе очень странно. Следователь отказался показывать сопроводительные документы... но зато сразу объявил их секретными. Здесь всё очень подозрительно и явно не так, как должно быть.

– Ты не имеешь права обсуждать следствие, – прошипел Костик.

– Ещё как имею. Я до сих пор так и не понял причины, почему этот груз не был пропущен? Если уж обнаружили несколько тонн... вдумайтесь только... несколько кубометров контрабандного товара! Этого в кладовке не спрячешь, – я сделал паузу, пытаясь определить реакцию судьи. Бесплезно. Тот упорно смотрел в разложенные документы или просто дрых, – Говорят, что обнаружили контрабанду при

рентгеновской просветке, а не при вскрытии панельных упаковок. Чего проще было бы пропустить груз и отследить весь маршрут, а потом выявить всю преступную цепочку. Ах, да, я понимаю! В этом случае вся слава досталась разным там датчанам или англичанам. Или может Интерполу? Поэтому таможенники решили сразу сообщить о находке и присвоить себе всю славу. А ещё Евросоюз называется! Союзнички! Непонятно только одно. Почему они пытаются сделать это за мой счёт? Свалить всё на меня?

Костик вяло переводил, испуганно поглядывая на таможенников.

«А ведь всё переверёт, паршивец, из лучших побуждений», – плеснулось в голове и тут на меня накатило:

– Я официально заявляю, что готов отказаться от основной суммы компенсации за моё незаконное задержание. Но при условии... – отчеканив, я выдержал театральную паузу, – ... если минимальные потери, которые я понёс за это время, будут взысканы из зарплат тех следователей, которые занимались эти две недели полной ерундой. – Я понял, что загнул. Ещё бы предложил высечь их вожжами на конюшне до занятия умом надлежащего места. И более тихо добавил: – Возможно, достаточным наказанием для них будет понижение в должности... или в звании, – я чуть не ляпнул про выговор по партийной линии, но закончил гуманно, – Вполне удовлетворюсь официальными письменными извинениями.

Костик как-то странно уставился на меня. В его глазах яв-

но читался вопрос о моём душевном состоянии. И в чём-то он был прав. Оригинальное нашёл я и место, и аудиторию для своих разоблачений. Надо быстро снизить накал и увести тему в сторону, а то только хуже будет.

– Теперь о допросах. Они вообще никак не связаны с рассматриваемым делом. Делаются попытки найти хоть какой-то компромат. И только. Вчера, например, меня вообще обманом привезли на допрос. Сообщили, что тюрьма переполнена. А оказалось, что следователь, таким образом, попытался надавить на меня, чтобы найти основание для моего дальнейшего задержания. Специально для сегодняшнего заседания суда. Рассказать об этом подробнее?

Судья неопределённо махнул головой, но Костик это немедленно озвучил:

– Нет, тебе надо говорить кратко. И только по существу.

– Хорошо. Я полностью невиновен и готов оказать необходимую помощь следствию. Значительно больше пользы я принесу, находясь на свободе. Готов немедленно оформить подписку о невыезде и быть под постоянным наблюдением полиции. У меня всё.

Мой адвокат слегка покачал головой и задумчиво сообщил:

– Надеюсь, что судья уделит больше внимание документам, а не нашим выступлениям.

«И вам спасибочки на добром слове», – подумал я, но вслух прошептал:

– Извиняюсь за свою несдержанность. Так уж вышло.

Тут вскочил прокурор, скороговоркой выдал тираду, и сел.

– А у этого, что не так? – спросил я Костика.

– Говорит, что подписка о невыезде обязательно будет обсуждаться, но она пока не является... достаточным методом? В общем, её рассмотрят только после проверки всей информации, которую мы конфисковали. Очень сложно открыть твой компьютер.

– Да в моём компе даже паролей нет! Что, вилку в розетку вашим мудрым спецам так сложно засунуть? Не сумели за две недели? Может им на пальцах надо объяснить, где сувалка, и куда сувалка? Чтоб не перепутали, теоретики. Господи, да если бы в ваших розетках делали дырочки побольше, а у этих пи... были пальцы потоньше, то таких следователей было бы точно поменьше.

В этот момент судья молча встал и неторопливо удалился.

– Куда это он собрался?

– А уже всё закончилось. Через час будет вынесено решение. Тебе надо назад в тюрьму... вон охранник ждёт, а я останусь здесь.

– А с адвокатом я могу переговорить?

– Договорись с охраной, – Костик встал и тут же растворился в толпе шумно галдящих таможенников. Лося среди них видно не было.

Я повернулся к адвокату, задумчиво собирающему бума-

ги:

– Надеюсь, что мы сможем поговорить? Я спрошу у охраны.

– Да, но если можно, то через полчаса.

– Отлично. Мне тоже нужен перекур.

Я дождался, пока таможенники покинут зал, и подошёл к вертухаю.

– Я готов. Посижу в камере. Через полчаса у меня встреча с адвокатом. Это разрешено?

Вертухай пожал плечами:

– Если всё успеете за час, то никаких проблем нет.

– Хорошо, тогда давайте пойдём поскорее.

Я курил, лёжа на своей бетонной шконке, и натужно пытался хоть как-то проанализировать сложившийся расклад. Но кроме похабщины в обе стороны пока ничего толкового в голову не залетало. Издержки выброса адреналина.

– И что мы имеем? – теперь привычка беседовать вслух с самим собой стала для меня обычной нормой, – А имеем мы отсутствие информации о поставке. Знающему человеку документы могут очень многое сказать. Меня же сразу от них отсекли. Почему? Правильно. Дабы я не мог заляпать своими грязными лапами такое белоснежное дело о контрабанде. Эмоции пока опускаем.

Щелчком отправил окурок в унитаз и промахнулся. Медленно сходил, поднял, отошёл назад и повторил попытку. Попал, но не точно по центру. Надеюсь, что сегодня эти тре-

нировки закончатся.

– Зачем к контрабасу цепляют ещё и старые поставки? Тем более что сами же подтвердили о безрезультатности проведённых рентгеновских проверок. Да и таможенники всегда вскрывают упаковки панелей перед растаможкой. Это обязательство. Хотя могли иногда и сачкануть, но сами они никогда в этом не признаются.

Я схватил новую сигарету.

– Тогда какого рожна они дело раздувают? Это же не выдержит никакой даже мало-мальской критики. Или просто оборзели ребята в своих заповедных угодьях? Да нет, вроде ещё не совсем конченные идиоты. А может им это надо для увеличения своего таможенного бюджета? Они же форпост Европы, у них бюджет формируется за счёт ЕС. Чего ж не подоить такую многоголовую неповоротливую корову? И никаких концов потом никто и никогда в этих лесах не найдёт. Всё утонет в почти правдоподобных отписках. А так и денежки быстренько распилят, и себе повышение обеспечат. Вот это уже теплее и реалистичнее.

Я встал и сделал несколько кругов по камере.

– Тогда становится ясной такая открыто тупая активность Лося. Получил парень команду собрать в кучу любые косвенные доказательства, вот и прёт буром. А уж местный суд одним чохом всё заглотит и никаких вопросов не задаст. Особенно с таким-то карикатурным судейством.

Тупик. Я стал мысленно выстраивать матерные конструк-

ции, но выше повторяющегося первого этажа так и не поднялся. Слабовата начальная подготовка. Хотя судья большего и не стоит. Он просто маленький жирный пескарь, подержанный мимикрирующими хищниками.

В дверь постучали. Я только сейчас обратил внимание, что её охранник только неплотно прикрыл, даже щель осталась. Теряю бдительность.

– Там ваш адвокат ждёт. Будете встречаться?

– Да, уже иду.

Адвокат умудрился комфортно развалиться на неудобном жёстком стуле и даже слегка покачиваться. Чему только профессия людей не приучит! Моя задница начинает возмущаться только от одного вида этих деревянных извращений. А сейчас явно нужна «каменная жопа»⁹³. Я усмехнулся такой параллели, но сразу от себя эту мысль отогнал. А то сам себе накаркаешь – винить некого будет.

– Какое впечатление от суда? – спросил я, прислонившись к стенке.

Адвокат покусал нижнюю губу и осторожно сказал:

– Трудно сказать. Теперь всё зависит от судьи. Мы предо-

⁹³ Иосиф Виссарионович ласково величал «каменной жопой» чрезвычайно усидчивого журналиста Славика Скрыбинова, более известного под партийным погонялом «товарищ Молотов». Хороший был такой исполнитель. Прослыл «правой рукой» Вождя. В большом авторитете состоял. Массу народа гнобил ро-счерком пера. Но вот как до реального дела дошло, то оказалась, что без Хозяина кишка у него слишком тонка придавить даже такого малограмотного «ку-курузного вредителя», как Никита Сергеевич Хрущёв. И моментально сдулась «каменная жопа».

ставили аргументированное и полностью законное заявление о вашем освобождении.

– То есть моё задержание было незаконным?

– Нет, бюрократически всё сделано правильно. Только до этого момента судья основывался не на явных фактах, а на подозрениях таможенников, которые они убедили его трактовать, – он поднял обе руки с оттопыренными V двумя пальцами и синхронно погибал их пару раз, и выразительно передразнил – С высокой долей вероятности!

– Это я заметил.

– Жест понятен?

– Однозначно. В России, правда, не особо принят. Он меняет смысл слов на противоположный. Как будто в кавычки ставит.

– Да. Я просто боялся, что этот жест может для русского показаться скандальным. Я однажды показал жест ОК в Бразилии, – он сложил «кольцо» из двух пальцев, – Потом пришлось долго извиняться. А после Франции и Германии я от него вообще отказался.

– Знаю, сам с таким сталкивался. Ну и какие наши дальнейшие действия?

– Надеемся, что судья отпустит вас под подписку о невыезде. Потом дождёмся результатов следствия и начнём бороться. Это займёт некоторое время.

– Долго?

– Не знаю. Может год, может три, а может и пять.

– Ого! А ваш прогноз?

– Я не могу сказать определённо. Дела об уклонении от уплаты налогов тянутся годами. И можно получить очень большой срок. Это же не дело об убийстве. Вот там всё решается быстро.

– А за преднамеренное убийство разве не пожизненное дают?

– У нас не Америка. Обычно дают от 4 до 9 лет. И надо отсидеть всего половину срока, если обвинённый арестован в первый раз.

– А прокурор говорил, что моё «преступление», – я повторил его жест, – Тянет на один год.

– Вы неправильно поняли, – он снисходительно усмехнулся, – От одного года. Окончательный срок может быть значительно больше. Но есть суд второй инстанции, потом Верховный, Европейский суд. Вся наша борьба ещё впереди.

«Утешил», – подумал я, – «Просто опрокинул бочку бальзама на мою истоптанную душу».

– Если хотите, то можем привлечь ваших правозащитников, – воодушевлённо добавил адвокат.

– Вы это серьёзно?

– Да. У нас о них много пишут.

– Вот если бы меня в России как здесь судили, то они сами бы объявились и нашли массу причин плюнуть в Путина и его кровавый медведевский режим. А так бесполезно. Они просто не поверят, что это возможно, да ещё в такой демо-

кратической стране.

– А кого они тогда защищают?

– У них очень странный выбор. Думаю тех, на кого указывают аналитики СИА или из иных подобных контор. *Кто платит, тот и заказывает кошачий концерт.*

– *Cat's concert?*

– *I'm so sorry*, – я ругнулся про себя. У них кошачий концерт ближе всего означает *кто в лес, кто по дрова*. Тут я вспомнил азбучное и коряво переделал под нашу национальную особенность, – *He who pays Russian human rights top activists calls the caterwaul*⁹⁴ (*Кто спонсирует руководство правозащитников, тот и заказывает кошачий концерт*).

– *They have the gold; they make the rules* (*У кого золото, тех и правила*), – он хмыкнул, а потом подвёл черту, – Тогда обойдёмся без вашей странной русской политики. Осталось десять минут. Сходите, выкурите сигарету. Сам когда-то курил и знаю, что в таких случаях сильно помогает.

– Да, вы правы, – вздохнул я и нажал кнопку вызова вертухая.

Первая сигарета проскочила совершенно незаметно, стоило только подумать о странной русской интеллигенции, из которых и состоят наши правдолюбцы и правдодорцы. Мы единственная страна мира, где выведена каста бесполезных людей, которые крикливо мнят себя незаменимой прослой-

⁹⁴ He who pays the fiddler calls the tune – кто платит скрипачу, тот заказывает мелодию.

кой между народом и культурой⁹⁵.

Спокойно докурить вторую сигарету мне не дал Костик. У него что, нюх на повышение содержания халявного никотина? Или врождённая способность появляться вечно не вовремя? Я глубоко вздохнул и вдруг понял, что что-то нехорошее случилось. Я перестал реагировать на его запах изо рта. Всё, значит, уже опустился до его уровня. Надо срочно линять отсюда, а то точно местным стану.

Мы вернулись в зал суда. Там все уже заняли свои места и громко переговаривались. Мелькнуло перекошенное лицо Лося. Увидев меня, он отвернулся и демонстративно отошёл в дальний угол.

– Боится, значит, уважает, – моментально развеселясь, промурлыкал я себе под нос. Оглядевшись, я заметил очень даже приятную картину, – Нет уже превосходства на лицах приглашённых, тарам-парам. *Внушает веру день текущий... не стал свиньёю власть имущий... и я своей свободы ждущий... ля-ля... как глист худющий...* в общем, валю-ка я сейчас домой!

Хорошим признаком явилась и нарушенная традиция появления судьи. Он остановился у стола и стал внимательно разглядывать таможенников. Остановившись на Лосе, он

⁹⁵ Во всём остальном прагматичном мире их называют human intelligence (агентурная разведка) и вполне конкретно используют это явление: «Military intelligence gained from human sources with knowledge of the target area» (Военная разведка извлекает пользу из человеческих источников со знанием региона, предназначенного для захвата).

укоризненно покачал головой, вздохнул и только после этого принялся устраиваться в кресле.

«Наш боров показал свой норов», – с нарастающим удовлетворением, отметил я, – «Вдруг даже в нём очнулась совесть? Каких только чудес в этом заповеднике не бывает».

Судья долго разглядывал листок бумаги, а затем приступил. Костик заморожено уставился на судью и затаил дыхание.

– Не томи, соблюдай синхронность, а то потом запутаешься.

– Подожди, – и он стал чиркать на листке бумаги.

Я повернулся к адвокату. Он сидел спокойно с лёгкой улыбкой и покачивал головой в такт словам судьи.

Я не удержался и зашипел Костику:

– Попроси его делать паузы, а то тут я один как посторонний ёрзаю.

Наконец Костик облегчённо вздохнул:

– Общие и особые причины ареста существуют... ты будешь находиться под стражей...

– Опа, здравствуй, жо...

– Есть дополнительные причины... тебя подозревают в уклонении от налогов в особо крупных размерах... по всем ранним поставкам... все эти преступления были совершенны... таким же образом и по той же причине, что и в случае с обнаруженной контрабандой...

– Судья опять в ударе. Может и Саддама тоже я?

– По полученным данным... ты единственный в Финляндии человек, который мог влиять на эти грузы... это подтверждает версию о твоей виновности.

– Мне что, повесится или так сойдёт?

– Следствие по делу не закончено... расследуемая группа преступлений... очень серьёзная... и ожидаются тяжёлые последствия, если тебя признают виновным.

– Разбежались...

– Есть причины подозревать, что ты... будешь мешать следствию... давить, нет надавливать... на информированных людей... прятать и уничтожать доказательства... которых пока ещё у следствия нет.

– Он хоть понимает, что читает? В тюрьму без доказательств?

– Данные, которые у тебя конфисковали... их ещё не изучили. Поэтому подписка о невыезде не может быть... достаточной мерой... она будет препятствовать успешному следствию... достаточно будет... только твоё пребывание в тюрьме.

– Вот бы следователей и засадил... для активизации мыслительных способностей.

– Изучение документации поможет найти... нет узнать, есть ли другие участники... или есть ли в деле другая информация.

– Есть. Моя полная невиновность.

– Нет, имеется в виду другая информация... о других

неизвестных нам пока преступлениях.

– У вас, когда вы стадом, крыши сносит капитально.

– Твоё здоровье... за ним надо аккуратно следить... но, учитывая тяжесть обвинений... твой арест не создаст тебе... лишних неудобств.

– Ага, курорт, блин! Профсоюзная льгота.

– В полицейской тюрьме ты будешь содержаться до 3 декабря 2008 года... после этого будешь переведён в тюрьму Миккели... или раньше... по разрешению следствия.

– Ещё две недели? Да я тут с голодухи двинусь!

– Твоё дело не может быть вынесено на рассмотрение ранее, чем через две недели. Арестанту и его адвокату, а также следователю или обвинителю дадут возможность выступить по делу.

– Благодетели...

– Это решение нельзя обжаловать. Всё. Суд закончен. Мне также надо идти. Охранник тебя проводит, – с этими словами Костик встал и пошёл пожимать руки оживившимся таможенникам.

Я повернулся к безмолвно сидящему адвокату и язвительно произнёс:

– Невероятно, не правда ли?

– Да. Судья сейчас дал предельный срок для предъявления обвинения. И это только на основании подозрений. Неординарный случай.

– Да я просто счастлив, что мой случай такой неординар-

ный, – с сарказмом ответил я, – Вон мой охранник рукой машет. Мне пора.

– Мы опротестуем это решение. И начнём жёстко требовать от следствия реальных и убедительных фактов... да, ваша семья передавала приветы, и они послали со мной вещи, сигареты. Я передам через охрану.

– Спасибо, – у меня ком застрял в горле, и пропало всякое желание разговаривать, – Хочу только одно отметить. Ваше правосудие явно требует коренных изменений. До свидания.

– Правосудие у нас не идеально. Особенно на окраинах. Я приеду на ваш ближайший допрос, – последнее он крикнул мне уже вдогонку.

Я повернулся к нему и, стараясь беззаботно улыбнуться, махнул рукой.

Похоронное настроение сначала прервал вертухай, который принёс огромный пакет с вещами и отдельно два блока сигарет. Не успел я его разобрать, как загрохотало окно раздачи и в него по очереди стали засовывать свои головы разъярённый Лось и злорадствующий Костик. И они на два голоса принялись вопить, перебивая друг друга.

– Ну и о чём ор? – зло спросил я, – Ни хрена я вас не понимаю. Радоваться должны, фантасты-засадители. Идите лучше пивка вмажьте... с судьёй на пару.

Лось что-то рявкнул и исчез из окошка.

– Он подаст на тебя в суд, – выдвинулся вперёд Костик.

– Опоздал. Он уже закончился.

– Он подаст на тебя в суд за оскорбление! Ты назвал его расистом.

– Этого? Да с какого перепугу? – тут я действительно удивился.

– Сегодня на суде.

– А... обвинение по национальному признаку? Так это он подсуетился? Герой! Скажи ему, а разве я не прав? Единственная полноценная улика – владелец российского паспорта! Остолбенеть можно.

– Он сегодня напишет заявление в полицию.

– Скажи своему гневливому, – бессмысленность этой перепалки стал меня утомлять, – Вы тут свободные люди в родной деревне. А я вашим полицаям просто покажу протокол первого суда. Мне адвокат сегодня привёз русский перевод.

– Он предупреждает в последний раз.

– Лучше бы его мать предупреждалась, тогда проблем у нормальных людей было меньше.

– Он честный следователь и хорошо делает свою работу, – Костик неожиданно сбавил тон.

– Да уж, версий нашинковал много. А с вертолётками даже слишком. Доказательств только нет.

– Мы докажем, – тут Костик опять взвился и затряс головой, – Это будет серьёзное обвинение.

– Слушай, толмач, лучше побереги голову, а то попортишь ненароком казённое имущество. Хавка потом за края цепляться будет. Да и микробы набегут.

Костик дёрнулся и заехал затылком по краю. Потом аккуратно убрал голову в коридор.

– Запомни, я и так сижу в тюряге исключительно по вашей милости. Он, что влажно мечтает меня в тундру на кичу бросить? Раскорячится с натуги, – я демонстративно повернулся к ним спиной и занялся своими вещами, – Всё, господа. Представление окончено. Я от вас устал. Гуляйте. Встретимся на допросе.

Раздача с грохотом захлопнулась. По ней ещё пару раз от души вмазали кулаком.

– Карл Густав Маннергейм никогда не был великим полководцем, но зачем же дверь ломать?! – громко перефразировал я слова гоголевского городничего, – Знайте, он был простым русским разведчиком. Позор финскому шпиону!

За дверью затихло. Мне вроде бы даже полегчало и немного отпустило. Я вытащил из ещё неразобранной кучи большую шоколадку, отломил солидный кусок и засунул в рот. Нет ничего лучше при стрессах. Доказано и проверено.

– Ещё две недели с такими... – я к ним даже определение не смог достойное подобрать, – Да от них шиза липнет, как зараза. И выйду я отсюда много-много худым и мало-мало больным на всю голову. Как там было у Герберта Уэллса? «В Стране Слепых и кривой – король».

Всё правильно. Так и должно произойти. Местная президентша всю свою сознательную жизнь активно боролась за права сексуальных меньшинств. Теперь своей неженской

дланью рулит уже второй срок. Вот вам и наглядное доказательство торжества тотальной нетрадиционной мозговой ориентации. И мне это приходится отхлёбывать по полной.

Я встал лицом к двери и заголосил, перевирая слова и мелодию. Выкладывая всю накопившуюся злобу:

*Не спите, товарищи, все по углам,
Педрилы в ночи наступают.
Врагу не сдаётся наш гордый «Напряг»,
Назад их в анал посылает!*

Неожиданно включился переговорник и внятно захрипел:

– Не шумите. Ваша еда будет готова только через час. Если есть просьбы, то лучше воспользуйтесь интеркомом. Мы не всегда можем вас услышать.

– Спасибо, – ошалело ответил я.

Явно кто-то новенький в сегодняшней смене. Может, я его, такого говорливого, сегодня на пару лишних чашек тёплого чайку раскручу? Хоть подслащу своё поражение.

Но вечер наглядно показал, что моя сегодняшняя фамилия Обломов. Бессонную ночь я провёл в мысленных дебатах с прокурором и судьёй. Точнее в абсолютно бессмысленных, но мозг упорно требовал разрядки, да и сна не завалось ни в одном глазу.

Ясно одно. Следователям выгодно просто имитировать работу. Время потихоньку идёт. Реальные преступники спо-

койно зачистят все концы. Так внезапно появившийся российский отправитель скоро, а может и уже, растворился на наших широких просторах. Официальный покупатель этих панелей, а это сто пудов, какая-нибудь очередная безналоговая бумажная фирмочка-ширмочка с далёких тропических островов с красивыми кошками или попугаями. Никаких копий банковских платежей на покупку или продажу этих панелей у меня также нет. Да и вообще у меня нет никакой информации об этой поставке, кроме неясного телефонного звонка.

Все кончики, за которые можно потянуть, либо исчезли, либо исчезнут в ближайшее время и останутся только подозрения, о которых так много сегодня говорилось. Тогда и будет слово таможни против моего слова. Из совершенно безобидных фактов следаки слепят двусмысленную картину преступления. Не так уж и сложно исказить даже очевидное. Было бы желание. Особенно у судьи.

Всем европейцам с детства вдолбили: «There are no good news from Russia» – из России хороших новостей нет. Один только вопрос. А зачем им весь этот балаган нужен? Слили бы весь этот тухляк втихаря. И замылили премией. Или здесь глухари пока ещё не водятся?

Очередное, уже утреннее обмусоливание прервал вертухай. Он недобро осмотрел клубы сизого дыма и сообщил: – К вам приехала семья. Ждёт встречи с вами. Он препроводил меня до комнаты свиданий и открыл

дверь в маленький чулан, отгороженный стеклом от основной комнаты.

– У вас есть час. Микрофон я включил. Соблюдайте чистоту, – с этими словами он захлопнул дверь.

Я сел на скамью перед стеклом. Глубоко вздохнул и сказал:

– Ну, со свиданьем, мои дорогие.

Жена была очень бледной, с тёмными кругами под глазами. Сын выглядел усталым, но возбуждённым.

– Что же ты наделал? – вместо приветствия запричитала жена. Голос её дрожал, – И что с нами будет?

– Я наделал? – от неожиданности я даже привстал, и появилось стойкое желание шарахнуть кулаком по стеклу, – Нет, и это мать моих детей! Да я только на первом суде узнал, в чём меня местные горлопаны обвиняют. При этом ничего кроме идиотских подозрений... – Я осёкся. Из глаз жены тихо текли слёзы. – Мусь, ты это, извини. Я сам скоро свихнусь от всех этих непоняток. Ну не знаю я, за что меня здесь держат. Честное слово, – и тут так мне стало самого себя жалко, что я тоже чуть не захлюпал носом. И обиженно я добавил, – И челюсти, собаки, развалились.

Минут десять мы старательно успокаивали друг друга. Потом я спохватился и спросил:

– А как вы сюда добрались?

– На машине. Алекс позавчера права получил. Мы решили, что так нам будет удобнее.

– Но я же не успел зимнюю резину поставить.

– Да? – на лице сына проявилось понимание, – То-то я смотрю, что она никак не хотела ровно ехать. Да и на парковке меня занесло.

– Надеюсь, никого не зацепил?

– Да так, чуть-чуть. Боковое зеркальце... слегка поцарапал. Но я его на место поставил.

– Что ты сделал?

– Ну, на кнопки оно теперь не реагирует, я его рукой подправил.

Я вздохнул и понял, что лучше не углубляться. Веселее точно не станет. *Dodge* машина здоровая, в полторы тонны весом. Уж как-нибудь стерпит начинающего ездока. Будем верить, он это настоящий *American driver – proof car*.

– Колёса срочно поменять, на газ особо не жать, лишние кнопки не нажимать. Помни, что там движок в 3,5 литра. Не самокат. Полицейских не давить, с места аварии не сбегать. Выйду, со стервятниками из страховой сам разберусь. Жаль, что машина зарегистрирована на компанию.

– Всё сделаю, – сын явно облегчённо перевёл дух, – Я уже нормально вожу, только вот про колёса забыл. Но, ладно, давай по делу.

Я опять вздохнул. Машина сейчас далеко не главное.

Сын пристроился поближе к микрофону, взъерошил волосы и стал загибать пальцы:

– У нас всё нормально, об этом не беспокойся. У мамы

на работе отнеслись с пониманием и оформили эти дни как отпуск за свой счёт. Из таможни вообще никакой информации получить невозможно. Они всё засекретили. Мы с адвокатом считаем. . . – он сделал паузу, чтобы я получше оценил услышанное, – . . . они эту секретность будут тянуть вплоть до суда первой инстанции. Иначе у них возникнет масса проблем. Дело уж очень грязное.

– Просвети меня, сирого, а что вчера такое было?

– Просто судебное слушание о продлении содержания тебя под стражей.

– Уяснил. Дальше.

– Единственное, что у тебя не отключили, так это факс.

За эти дни на него накидали столько, что не разобрать.

– И не надо. Это и так ясно. Там таможенники рассылочку моим клиентам сделали. С просьбой выслать негатив. Представляю, как они все наложили в штаны. Хоть и таможню здесь боятся меньше налоговой. Выйду, вот тогда и буду расхлёбывать. Если найду кого к тому времени. Рабская европейская психология. Пока мне сказать нечего. Только ещё больше пугать. *Zugzwang*⁹⁶.

– Что?

– Цугцванг. Это из шахмат. Положение, когда любое действие ведет к ухудшению собственной позиции.

– Похоже. Но мы тебя скоро вытащим. Обязательно. Не

⁹⁶ Цугцванг или «принуждение к ходу» – положение в шашках и шахматах, в котором любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции.

волнуйся.

– А что адвокат?

– Обещает, что добьётся твоего освобождения не позднее третьего декабря. Раньше просто нельзя из-за вчерашнего решения. Да, он вчера нам вечером звонил и спрашивал о том, когда у тебя будет следующий допрос?

– Не знаю. Как узнаю, то попрошу следака с ним связаться.

– Без адвоката сразу отказывайся от допроса.

– Назрело, согласен. Пусть и он приобщится к этому идиотскому действию.

– Мы ему за это деньги платим.

– Надеюсь, в нём не разыграет финская солидарность?

– Он из семьи шведов.

– Но у него финская фамилия.

– Дед у него вообще из норвежцев. Это долго объяснять.

Сам же говорил, что шотландец из семейства *Learmonth* в России больше известен как Лермонтов.

– Понял. Он как еврей чистых русских кровей, или как я русский всех национальностей.

– Он не еврей.

– Да нет, это просто такое кошерное определение. Ну, типа *шмок, поц*.

– Кто?

– Никто. Так, с языка сорвалось. Казачок такой засланный. С подбритыми пейсами. Я тут после своего первого ад-

воката что-то слишком подозрительным стал.

– У меня местный адвокат был законченный негодяй, – подала голос Муся, – Он меня постоянно уговаривал раскрыть твою преступную сеть. Угрожал, что иначе тебе много дадут... а я вообще ничего о твоих делах не знаю. А ещё он говорил, что у мужа от жены никогда нет никаких тайн..., – она опять всхлипнула.

– Видно тебе холостяк попался, – хмыкнул я, но сразу спохватился, – Мусик, ты успокойся. Я скоро выйду, и всё наладится...

Мы немного посидели молча.

– Алекс, тебе надо связаться со всеми российскими фигурантами по этому делу. Выяснить, как такое могло произойти.

– Уже. Главного пока нет. Он где-то на Крите уже около месяца. Достраивает свою виллу. А его директор обещал помочь и сделать всё возможное. Они сами там все в растерянности. Да, мне звонят твои друзья и спрашивают, могут ли чем помочь.

– Ничем, к сожалению. Просто передавай им мои благодарности и держи их в курсе событий. С определёнными корректировками. Знание усугубляет скорбь.

В комнату к моим заглянул охранник и показал на часы.

– Мы к тебе в следующую субботу приедем, – они встали и вышли.

Меня охранник выпустил только минут через десять. Он

держал в руках огромный пакет и задумчиво разглядывал меня:

– А сколько вы здесь пробудете?

– Не знаю. Судья что-то говорил о 3-м декабря. А что?

– Интересно, зачем вам на две недели 4 блока сигарет?

– Пепел – лучшее удобрение для конопли⁹⁷.

Я забрал пакет у остолбеневшего охранника и неторопливо пошёл в камеру обрастать новыми вещами. Как там британцы трепались про запас, который карман не тянет? Что-то такое в стишках⁹⁸.

Бессонная ночь сказалась, и я заснул среди так и неразобранных вещей. Очнулся я от того, что охранник стучал ключами по раздаточному окну и громко ругался.

– *Нам вечно снится рокот козлодрома...* – с этими словами я забрал завтрак и опять завалился на нары. Но то доброе, что я видел во сне уже ускользнуло. Жаль, может другим больше везёт. *Сон в тему, любовь в руку.* Значит, пора вставать. Надо пережить наступающие выходные...

К вечеру воскресенья меня начало сильно мутить от шоколада. Дорвался с голодухи до сладенького. Стали наползать навязчивые мыслишки о квашенной капустке и таких крепеньких бочковых огурчиках. Видно, запахами навеяло. Да и желудок стал чаще напоминать о себе неприятными и

⁹⁷ Интересно, он знает такое растение как hemp или для него привычнее cannabis или marijuana?

⁹⁸ What's in the pocket just in case never seems to take up space.

всё усиливающимися резами. Нарастающие с субботы вонь и сторонние шумы чмошников, прибывающих «в состоянии нестояния», отошли на второй план. Что-то не до того стало. Крепко цапануло, хоть стой, хоть вой.

Все попытки дозвонится до охраны, успеха не принесли. Там у них горячая пора, и отвлекаться по мелочам никто не думает. Только поздно вечером хлопнула кормушка и вертухай очень недовольно спросил:

– Какие-то проблемы?

– Желудок болит.

– Меньше сладкого есть надо.

Я молча показал ему вставные челюсти и пощёлкал ими как кастаньетами:

– Спасибо за совет. Можно попросить обезболивающего?

– Завтра у новой смены. Сегодня мы все заняты, – он захлопнул кормушку.

– И тебе, добрый самаритянин, весёлой ночи. Главное, чтоб твой кофе в мочеточнике застрял. Горячим навек.

Я свернулся калачиком и принялся осиливать первую попавшуюся под руку книгу. Постепенно стихающий шум способствовал. Так и заснул далеко за полночь.

Утром, от осторожного поедания серой водянистой каши, меня отвлек стук в дверь. Я чуть не поперхнулся от такого новшества и рявкнул:

– *Come in!*

В двери показалось смутно знакомое лицо. Точно, Ва-

ся-Василёк, что руководил у меня дома обыском.

– Не помешаю? – участливо спросил он.

– Нет. Но могу поделиться, – не менее любезно ответил я, – Тут ещё много осталось. А что в такую рань? Служба зовёт? Или обыск в камере надо проводить?

– У вас сегодня допрос.

– Правда? А где мой переводчик?

– Он нас ждёт в машине.

– Странно, обычно он сюда первым прибегает.

Василёк криво улыбнулся, но ничего не ответил.

– У меня проблема. Надо челюсти посмотреть.

– Вам запрещено иметь и телевизор, и видео.

– Какой телевизор? Мне есть нечем... – я придержал язык. Вот так с утра и бывает, когда мысли на автопилоте. Вместо *false teeth* (вставные челюсти) я ляпнул *jaws* (пасть, челюсть), а чувак видно ярый поклонник Стивена Спилберга и его прожорливой акулы, – Мне к доктору надо. Починить вот эти челюсти, – я продемонстрировал ему зловещие трещины.

– Это не ко мне.

– А к кому?

– К охране, наверное.

– Они и обычные таблетки сутками несут, а тут не только ногами, но и руками надо работать.

Василёк развёл руками и выдал:

– После допроса мы составим рапорт о ваших проблемах.

Он поступит руководству. А оно уже решит, кто и что будет с вами делать.

– После допроса?

– Да, только после допроса. Где-нибудь через две недели получите ответ, – его голос посуровел.

– Тогда две недели никаких допросов не будет. Разрешите мне позвонить адвокату?

– Зачем?

– Сообщу о том, как здесь заботятся о заключённых. Как раз в пятницу на суде об этом много говорили.

– Я сам позвоню, – он развернулся и вышел из камеры.

– А как насчёт таблеток?

На такой животрепещущий вопрос мне скрипом и грохотом ответила захлопывающаяся дверь.

– Да что вы все в последнее время стали такими чёрствыми? – горько произнёс я, – А мог бы и чайком побаловать. Кексик там притаранить. Навести, так сказать, мосты доверия. Совсем нет никакой подготовки. А ещё не последней сволочью⁹⁹ гордится!

Вернулся он через полчаса. Исподлобья оглядел меня и мрачно выдавил:

– К врачу вас записали только на послезавтра. Допрос будем проводить?

⁹⁹ Сволочь стала ругательством только с XVII века, а ранее «сволоч» – должность таможенника или налогового. Слово произошло от глагола «волочить» – нарушивших таможенные правила волочили на княжеский двор для заслуженного наказания.

– Нет. Без зубов и без адвоката не будет никакого допроса.

– Вы хотите вызвать своего столичного адвоката? – Василёк посмотрел на меня подозрительно.

– Имею полное право. Страна, сами говорите, демократическая, а мне адвокат по закону положен.

– Вы, правда, хотите вызвать *своего* адвоката? – он особо выделил слово «своего», чем меня сильно позабавил, – Это же очень дорого. А результат будет тот же.

– Хочу. А вот вашего *free of charge public advocate* (бесплатного адвоката) можно и *extreme penalty* (высшую меру) отхватить. Даже за переход улицы в положенном месте на зелёный свет.

Василёк побагровел, но уточнил:

– Допрос будет только после посещения доктора?

– Да.

– На допрос надо обязательно пригласить вашего адвоката?

– Да.

– Значит, вам есть что скрывать, – оставил Василёк за собой последнее слово, и неожиданно лягнул дверь ногой.

– *Да что вы мне мебель ломаете?* – уже не сдерживаясь, шепеляво возопил я по-русски, – *Мотай к себе домой, там и куролесь до посинения. Чуможник.*

Василёк захлопнул дверь и в коридоре громко выдал длинную неприличную тираду. Славненько пообщались с очередным сыскуном. Да и слово интересное на язык залете-

ло¹⁰⁰. Зато может зубы криво-косо починят. И мой тюремный рацион перестанет включать в себя только кашку-какашку на сырой водице и порошковый молочный напиток нулевой жирности. Появятся силы для продолжения борьбы.

Два последующих дня вынужденного *поста* прошли в прямо-таки в библейской благости. Долгий и вынужденный, он придал телу лёгкость необыкновенную и застил мозги пеленой милосердия. Не хватало только свирели или арфы для придания пасторальной законченности.

Вот только редкие хождения к унитазу вызывали временные приступы озлобления и неудержимого богохульства. Приходилось массу времени просиживать в напряжённом ожидании, когда организм соизволит отторгнуть из себя хоть микроскопический кусочек, оцененный им, после долгих и бурных дискуссий, как ненужный. С такими темпами я скоро вообще забуду истинное предназначение своей *задницы*. Зато реально накачаю икроножные мышцы.

Громкое появление Василька я встретил мимолётной улыбкой. Захотелось поговорить о чём-то возвышенном и чистом.

– Быстро собирайтесь, – вместо приветствия злобно заявил этот грубиян, явно сытно пожравший за домашним сто-

¹⁰⁰ Наверное, как производное от гумозник. Чухонский таможник – чуможник, а ещё лучше получится сокращение второй степени – чможник. Хуже, чем сволочь.

лом, – Я же вас тогда предупредил. Мы пойдём пешком.

– Свежий воздух. Свободные люди. И я среди них. Голодный.

– Мы с переводчиком. Если вздумаете бежать, то получите очень большой срок.

– Да, это явно подпортит картину. А вот зачем мне бежать? Если только ветром снесёт. Я уже скоро выйду на свободу и буду отдыхать за деньги, которые у вас будут удерживать по суду. Ежемесячно и очень-очень долго.

Василёк вздохнул, посмотрел на меня как на блаженного и вышел в коридор.

– И будет в ваших кабинетах вечная панихида, – неторопливо собираясь, продолжал я вещать себе под нос, – И жёны все ваши банковские карточки поотбирают. Даже бонусные. И будете, как лохи, без пива горбатиться. Только на контрафактном конфискате. Тогда и вспомните мои пророческие слова. Аминь.

Костик встретил меня поджатыми губами. Он сразу отвернулся и занялся демонстративным осмотром обезьянника.

– Присматриваем угол на старость? – слегка подначил я его, – Когда же мне ждать страшной кляузы, любезный? И куда наш интернационалист запропастился? До сих пор пишет и никак не остановится? Или вынашивает коварные планы по изловлению чёрного кота?

Костик промолчал, хотя его весьма активно корёжило.

Видно, есть сила воли у человека. Или зубы с утра почистил, а теперь жаба душит транжирить аромат на такого презренного негодяя?

Тут меня осенило.

– Вспомнился мне с голодухи весьма любопытный факт, – заговорил я таинственным тоном, застёгивая ремень на новую неразработанную дырочку – Ты знаешь, что Алоиз Шилькгрубер был таким же таможенным чиновником, как и вы? Тоже сволочь, только австрийская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.